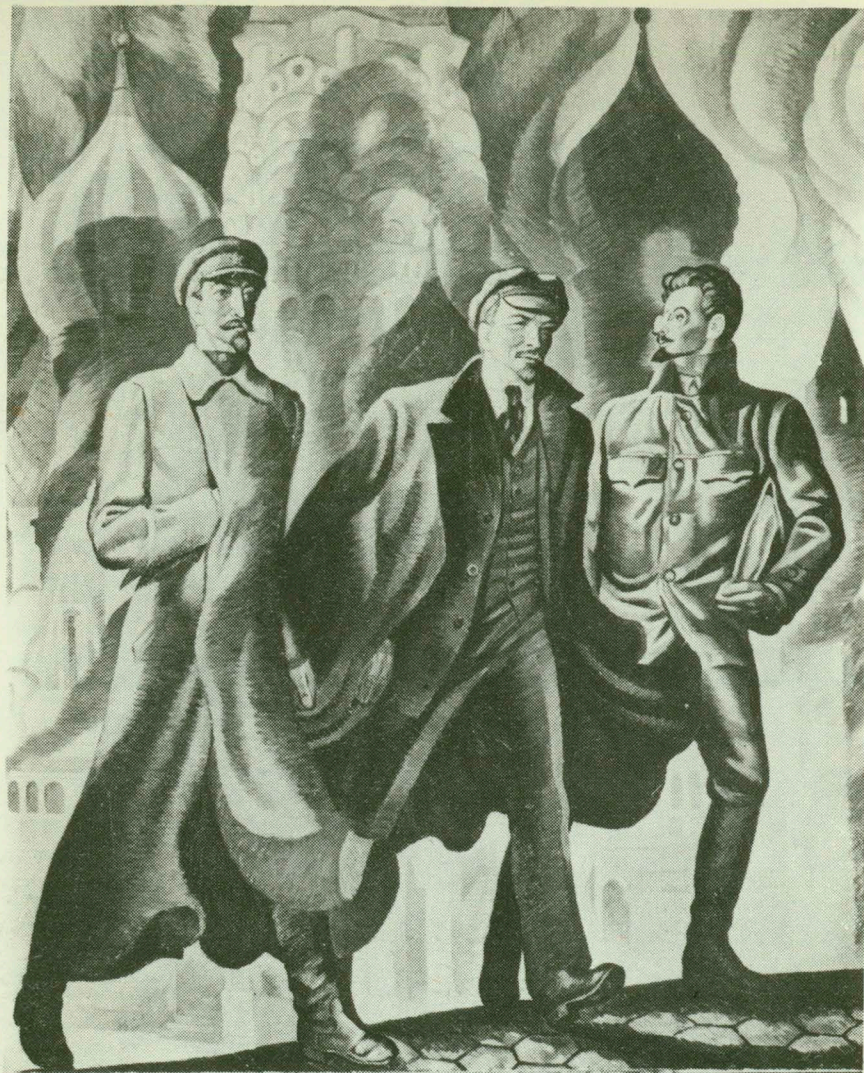

0-38

№1-1978 О Г Н И

ЯНВАРЬ-МАРТ КУЗБАССА

И. Чермянин. «Рыцари революции» (фрагмент картины)

Иван Александрович Чермянин — известный Кузбасский живописец — отметил свой шестидесятилетний юбилей.

В этом номере мы публикуем очерк «Сердце Лермонтова», посвященный одной из главных тем его творчества.

ОГНИ КУЗБАССА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
АЛЬМАНАХ,
ОРГАН КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТНОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР

Выходит ежеквартально

Год издания 30-й

№ 1(58)

390404

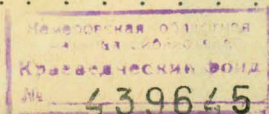
В Н О М Е Р Е

СТИХИ

ГЕННАДИЙ ЮРОВ. Песня о городе	3
ИГОРЬ АГАФОНОВ. Солнцепек. Теба.	51
ВАЛЕРИЙ КОВШОВ. Дóма. «Верь человеку всегда...», Я слышал шорохи лесов...»	52
ВАЛЕНТИНА ПЬЯНКОВА. «Возьми меня к себе в дерев- ню, дед...», Охотничий домик, «В музыке, которую нуж- но слушать...», Апрель, «Здоровайтесь, здоровайтесь со мной...», У фрески Рублева	63
СВЕТЛАНА МЕКШЕН. «Когда-нибудь потом...», Откро- вление, Выбор	65

СТИХИ ДЕТЯМ

АНАТОЛИЙ КИСЛИЦЫН. Вежливое слово. Подъемный кран	62
--	----

A

ПРОЗА

ВЛАДИМИР СЕРОВ. Поющие кралья. Повесть.	6
ЛЮБОВЬ СКОРИК. Парнишонка. Рассказ.	53

НАШ СОВРЕМЕННИК

ТАИСИЯ ШАТСКАЯ. Правильно мыслит Терентьич	67
--	----

ВЕЧНЫЙ ОГОНЬ ПАМЯТИ

ВЛАДИМИР ШАБАЛИН. Сибиряки на поле Бородинском	73
--	----

ИСКУССТВО

ЗОЯ ЕСТАМОНОВА. Сердце Лермонтова	84
---	----

ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА

АНАТОЛИЙ СОСИМОВИЧ. Сары-Чумыш — бобровая река	88
---	----

СЛОВО — КРИТИКЕ

ИГОРЬ РИНК. Три встречи	95
-----------------------------------	----

ИЗ СТАРЫХ ПУБЛИКАЦИЙ

МИХАИЛ ЗОЩЕНКО. Крестьянский самородок	101
Наши авторы	104

Редактор В. М. МАЗАЕВ

Редакционная коллегия: В. М. БАЯНОВ, А. Н. ВОЛОШИН,
Г. А. ЕМЕЛЬЯНОВ, В. В. МАХАЛОВ (отв. секретарь),
З. А. ЧИГАРЕВА, Г. Е. ЮРОВ.

Адрес редакции: 650099, Кемерово, 99, Советский пр., 94.
Тел. 6-85-14.

Рукописи не возвращаются.

Ведущий редактор Т. И. Махалова; художественный редак-
тор А. С. Ротовский; технический редактор Г. В. Адова;
корректор Е. И. Тимошук

Сдано в набор 16.XI.1977 г. Подписано к печати 14.II.1978 г. Формат
70×90¹/₁₆. Бумага типографская № 2. Усл. печ. л. 7,61. Уч.-изд. л. 8,9.
ОП00230. Тираж 5000 экз. Заказ № 14449. Цена 50 коп. Кемеровское
книжное издательство. Кемерово, 59. Ногвдская, 5. Кемеровский
полиграфкомбинат. Кемерово, 5.

О $\frac{0732-14}{М 145(03)-78}$ 25-78

© Кемеровское книжное издательство

Кемерову — 60 лет

Геннадий Юров

ПЕСНЯ О ГОРОДЕ

I

— Что нужно,
Чтоб ключ пробудился,
Реке прибавляющий сил?

— Чтоб кто-то
К нему наклонился
И жажду свою утолил.

— А чтобы на дальней излуке
Огонь темноту распахнул?

— Чтоб кто-то
Озябшие руки
Навстречу теплу протянул.

— А чтобы по горным отрогам,
По чащам
Дорога вилась,
Что нужно?

— Так мало,
Так много,
Чтоб кто-то отыскивал связь.

— Что нужно,
Чтоб город родился,
Чтоб глушь отступила
И мгла?

— Чтоб вспыхнул огонь,
И пробился
Родник,
И дорога легла,
Чтоб, светел и статью и ликом,
Поднялся
Бревенчатый дом,
И утро
Приветствовал криком
Ребенок,
Проснувшийся в нем.

II

Достойны высокого слога
И добрых в истории дат
Землянки
Щетинкина Лога,
Бараки
Поселка Стандарт.

Крепился бетоном и сталью
Фундамент
Грядущих красот.
И улицы
В землю врастали,
Чтоб рядом поднялся
Завод.

Огонь деловито и строго
Пылает в печи заводской.
И стала железной
Дорога,
Родник стал могучей
Рекой.

И четкие контуры зданий,
Встречь солнца
Направив разбег,
Стремясь наверстать опозданье,
Вершат за проспектом проспект.

Слежу за полетом окраин.
Мой город,
Тебя узнаю.
Я песню тебе не слагаю,
Я слушаю
Песню твою.

III

А утром
Высотные трубы
Пронзают туманную мглу.
Мой город,
Я стискивал зубы,
Услышав в твой адрес
Хулу.

Восторгов, пожалуй, не надо.
Не сладок отечества дым.
Привязанность с первого взгляда
Не ходит
Проспектом твоим.

Но ты от судьбы
Не отрекся,
Которая так решена:
Не будет кузбасского кокса —
Не станет стальной страна!

Когда над землею взметнулся
Войны
Разрушительный гул,
Мой город в дыму захлебнулся,
Чтоб мир
Облегченно вздохнул.

Как отзвуки бед и печалей,
Будившие нас по утрам
Гудки
Навсегда отзвучали.
И время —
Исчезнуть дымам.

Владимир Серов

ПОЮЩИЕ КРЫЛЬЯ

ПОВЕСТЬ

Глава первая

Грузовик сбавил скорость и съехал на проселочную дорогу. Планеристы зашевелились, основательно продрогшие за двадцать минут езды с «ветерком». Впереди, метрах в пятистах, чернел вместительный и оттого казавшийся особенно приземистым корпус ангара; немного поодаль, в окружении строгого порядка тополей, стояло три щитовых домика: в первом, тускло отсвечивающем в скурых лучах утреннего солнца свежевыкрашенными стенами без единого окошка, было хранилище парашютов; во втором, с широкими окнами, размещался штаб; третий, довольно внушительных размеров, служил столовой. К ангару примыкал малой своей частью гигантский квадрат аэродрома.

Стояла середина мая. Снег сошел еще в конце апреля, но, как нередко бывает в Сибири, настоящего тепла еще не было, и летное поле с начинавшей оживать после зимней спячки травой напоминало собой потускневший ворс огромного ковра.

Миновав ворота, предупредительно распахнутые сторожем, машина оста-

новилась у ангара, и планеристы горохом посыпались на землю.

— Слава богу, притопали!

— Скорей бы в небо — отогреться!

— Ты еще лучше согреешься, если тебя заставить носом катить планер на старт...

Из кабины с неторопливой основательностью уверенного в себе человека вылез начальник аэроклуба Колодкин. Был Иван Павлович невысок ростом, но широкоплеч, с крупными чертами лица, с густой жесткой шевелюрой, в которой, несмотря на его сорок пять лет, не было даже и намека на залысины.

Начальником аэроклуба его назначили осенью, после демобилизации из ВВС, где он служил комэском в истребительном полку. В повседневной жизни носил Колодкин офицерские галифе и кожаную куртку со сквозной «молнией», под которую надевал рубашку защитного цвета и неизменный черный галстук. Несмотря на то, что профиль аэроклуба был планерный, с чисто спортивным уклоном, Иван Павлович с первых же дней начал вводить железную дисциплину.

— Никакого панибратства — заявил он. — Авиация есть авиация. Чтобы отныне весь состав аэроклуба соблюдал в обращении служебную субординацию!

Кое-кому такое новшество, особенно планеристам высших разрядов, показалось чуть ли не самодурством. Лишь неоперившиеся первогодники, которым и в голову не могло прийти взять под сомнение какие бы то ни было порядки в аэроклубе, перед началом занятий на приветствие инструктора гаркали во всю мощь своих молодых легких: «Здра..жла..тварищ..инструктор!..»

Потом и среди «стариков» мнения относительно личности начальника аэроклуба разделились.

— Это настоящий летчик, без всяких скидок, — говорили одни. — С таким начальником мы, действительно, будем летать по-настоящему, а не «утюжить» воздух над аэродромом.

— Это еще как сказать, — сомневались другие. — Время покажет.

Из тех, кто сразу же безоговорочно принял все нововведения Колодкина, был Евгений Рогов, студент политехнического института. В аэроклуб он пришел три года назад. В первый же год выполнил норму второго разряда. Следующим летом он уже уверенно летал по программе первого разряда, а на внутриклубных соревнованиях получил право занять место в сборной аэроклуба, которая должна была участвовать в первенстве РСФСР. Такой успех на долю начинающего пилота-парителя выпадал далеко не каждому, и на Женьку стали смотреть как на восходящую «звезду» планеризма, которому по плечу мастерский норматив.

Все хотели верить в это, быть может, потому, что за всю десятилетнюю историю аэроклуба в нем так еще и не появился свой мастер спорта. Авторитет Рогова среди спортсменов сразу

поднялся на недостижимую высоту, и тогдашний начальник аэроклуба Николай Григорьевич Коноплев, несмотря на то, что Женьке шел всего лишь двадцать второй год, разговаривал с ним, как с равным.

Женька страстно мечтал, чтобы команда на республиканских соревнованиях вошла хотя бы в десятку сильнейших. Коноплев вроде и не глушил инициативу уже зарекомендовавших себя парителей, но не было при нем той слаженности, которая объединила бы индивидуальное мастерство каждого планериста в своеобразный ансамбль, способный завоевывать на соревнованиях высокие места. И когда на место ушедшего на пенсию Николая Григорьевича был назначен Колодкин, Рогов поверил в него, как в самого себя.

— Иван Павлович прав, — заявил Женька. — Без железной дисциплины в авиации, пусть даже в спортивной, успеха не добиться.

В ноябре состоялись очередные выборы в спортивный совет клуба. До этого в течение двух лет его председателем был Борис Оконников, инженер-строитель. Ему исполнилось тридцать два года, но, несмотря на почтенный для авиационного спортсмена возраст, летал он с «огоньком».

Оконников попросил самоотвод, ссылаясь на производственные дела. Вместо себя он предложил кандидатуру Рогова. Так Женька стал председателем. Членами совета были избраны Костя Жуков, рабочий машиностроительного завода, ровесник Женьки, давно уже подошедший к нормативу мастера спорта, и Борис Оконников.

Рогов с удвоенной энергией взялся за дело. Со своими предложениями, касающимися подготовки сборной команды, он часто обращался к начальнику аэроклуба, и тот всегда внимательно его выслушивал, иногда вставлял свои замечания.

За несколько дней перед началом летного сезона Колодкин неожиданно вызвал к себе Женьку, кивком указал на стул рядом со своим массивным служебным столом.

— Вот что, Рогов, — начал Иван Павлович, перекладывая с одного края на другой какие-то папки. — Не сегодня-завтра мы выезжаем на аэродром. Там будет все иначе, чем в классах. Вот вы сейчас на своем собрании фантазировали по поводу парящих полетов по маршруту с внеаэродромными посадками, и тому подобное. Предупреждаю сразу: никакой отсечки. Как я понял из ваших разговоров, Николай Григорьевич Коноплев смотрел сквозь пальцы на то, что любой планерист первого разряда мог уйти в каком ему заблагорассудится направлении, потом плюхнуться на любой «пятачок» и там ожидать, пока его не разыщет и не приведет назад буксировщик. Ничего не хочу сказать плохого о Николае Григорьевиче, но теперь будет по-другому. В первых, основной контингент нашего аэроклуба — это не члены сборной страны. А, во-вторых, у меня инструкции, которые в авиации, как известно, написаны кровью. Я до этого двадцать лет на истребителях летал и в авиационных делах кое-что смыслю. Надеюсь, ты все понял и никаких митингов больше организовывать не будешь.

Женька настолько опешил, что, признаваясь, ничего не понял. Проямлив что-то по поводу того, что «никто и не собирается митинговать», Рогов вышел из кабинета. Никому из друзей он не обмолвился об этом и старался себя мысленно уверить, что данный разговор Иван Павлович затеял на всякий случай, «для профилактики», потому что он проводил летный сезон в аэроклубе впервые и, действительно, за все отвечал головой.

И вот оно, начало полетов! Колодкин, приказав выкатывать технику из

ангара, направился в штаб вместе с начальником летной части Колокольцевым.

В отличие от Колодкина, Александр Анатольевич почти всю свою летную жизнь провел в аэроклубах. Он хорошо понимал психологию всех категорий спортсменов: и пугливо-самонадеянных первоходков, и сверх меры уверенных перворазрядников, считавших, что им сейчас и сам черт не брат. Поэтому, когда Александр Анатольевич находился на КП в качестве руководителя полетов, в воздухе всегда был идеальный порядок, без излишних переговоров по радиации и ненужных окриков. Но в чисто административные дела аэроклуба Колокольцев предпочитал не вмешиваться, считая, видимо, что для этого существует начальник авиационной организации. К Колодкину с первых же дней он стал относиться так же, как и к прежнему начальнику — уважительно, но без заискивания. И вообще все его действия как бы говорили: мое дело — четкая работа подразделения, а остальное меня не касается...

Начальство скрылось в приземистом штабном домике, а планеристы принялись открывать ангар. С грохотом покатились по рельсам огромные створки дверей.

Вскоре перед ангаром выстроились серебристые «Бланики». Еще какой-нибудь десяток лет назад, в начале шестидесятых годов, эти цельнометаллические двухместные красавцы-планеры чехословацкого производства использовались в качестве рекордных парителей. Это были в общем-то неплохие машины. Был у них необходимый запас прочности, позволяющий планеристу выполнять фигуры высшего пилотажа. Кабины планеров были оснащены приборами как для обычного, так и для «слепого» полета. Все это делало «Бланик» незаменимым в подготовке классных спортсменов.

Наш двухместный «Приморец» не шел ни в какое сравнение со своим чехословацким собратом, и по мере того, как планерные аэроклубы страны все более насыщались «Бланиками», «Приморцы» окончательно сошли со сцены. Правда, и «Бланики» теперь уже в «табеле о рангах» занимали не такое высокое место, как раньше: на них стали производить первоначальное обучение планеристов. И все-таки от этого популярность «Блаников» среди спортсменов ничуть не уменьшилась.

Техники деловито суетились вокруг самолетов-буксировщиков Як-12, а планеристы, разбившись на группы, буквально ощупывали каждый миллиметр своих «Блаников». Через несколько минут, чихнув сизым облачком дыма, зарокотал мотором один «Як», за ним другой, третий.

Из штаба вышли Колодкин с Колокольцевым, и самолеты порулили на старт. Вслед за ними престарелый «Захар» — ЗИС-5 — начал буксировать планеры.

Солнце все выше выкатывалось над горизонтом, утренняя прохлада окончательно улетучилась, и планеристы, сгрудившиеся в «квадрате», обозначенном флажками, рассуждали об одном и том же: будет сегодня «держать» в воздухе или нет. Впрочем, громче всех об этом дискуссировали второразрядники, едва усвоившие азы парящего полета, но, несмотря на это, негласно причисляющие себя к «прокопченным парителям», а потому смотревшие свысока на третьеразрядников, которым только еще предстояло усвоить такое упражнение, как «парение в районе аэродрома». Последние же, в свою очередь, почти не замечали первогодников, считая, что им еще, прежде чем причислить себя к планеристам, нужно хотя бы научиться как следует «ходить на веревочке», то есть на буксире за самоле-

том. Одни лишь члены сборной команды аэроклуба ни на кого не смотрели ни снизу, ни сверху, а лежали на траве с безразличным видом, словно в полудреме, и каждый думал только об одном: какое упражнение запишет ему сегодня в плановую таблицу начальник аэроклуба?

Женька Рогов, выхватив пучок травы, от нечего делать бросал жиденькие стебельки по ветру.

— Ну и что там у тебя вытанцовывается? — подсел к нему Костя Жуков.

— Кое-что вытанцовывается, — ответил Женька и подбросил оставшиеся травинки вверх, наблюдая, как налетевший ветерок в один миг разметал их в разные стороны.

Прямо над центром летного поля, как бы зависнув в «мертвой точке», пел жаворонок.

— Спросить бы его, как там, в воздухе, насчет восходящих потоков, — произнес Костя, но Женька ничего не успел ответить, потому что раздалась команда на построение.

— Задание на сегодня такое, — начал Колодкин, глядя куда-то вверх, — контрольные и ознакомительные полеты по кругу. А Рогову, Жукову и Оконникову — контрольные полеты в зону.

Женька сразу же поскущел. Он ожидал, что Иван Павлович даст всем им троем контрольный полет по кругу, после чего они совершат полет на парение. Уж им-то, членам сборной команды аэроклуба, Женька считал, можно было разрешить сегодня парящие полеты, хотя бы в районе аэродрома.

Рогов посмотрел на небо. Солнце основательно прогревало землю, и в дрожащей синеве, словно по мановению волшебной палочки, прямо на глазах образовывались «кучевки». Женька вдруг вспомнил, что Коноплев плановую таблицу всегда составлял с учетом реальных метеоусловий. Есть

«парировка» — значит, львиная доля полетов планировалась на парение. Нет восходящих потоков — значит, основной упор на вывозные и контрольные полеты. Такой порядок ни у кого не вызывал возражений. И вот очередной летный сезон сразу же начался совсем иначе, чем было раньше.

Впрочем, хорошо это или плохо — анализировать Женьке было некогда, потому что его фамилия стояла в плановой таблице одной из первых. Когда он сел в кабину и стал застегивать привязные ремни, то почувствовал, что волнуется. В задней кабине колдовал командир звена Леонид Плахин. Приглушенно хлопая патрубками, к планеру подрулил «Як», и дежурный по старту пристегнул фал к буксировочному замку.

— Юпитер, я — Девятнадцатый, к взлету в зону готов! — доложил Женька по радио и в ответ услышал:

— Я — Юпитер, вас понял. Ноль-три, выбирайте слабинку!

Буксировщик осторожно порулил вперед. Сопровождающий поднял «Бланик» за крыло, и, когда бортовая рация пророкотала «взлет разрешаю!», «Як» начал разбег, увлекая за собой планер. Женька почувствовал, как тело приготовилось к восприятию того почти неуловимого момента, когда серебристый «Бланик» после непродолжительного разбега молча, одним лишь легким содроганием корпуса, попросится в небо. И этот момент наступил. Едва заметным движением ручки управления Рогов помог планеру отойти от земли. Упруго подминая крыльями воздух, серебристый гигант на метровой высоте несясь вслед за буксировщиком, хвостовое колесо которого еще оставляло узкую полоску на траве аэродрома. Потом между колесом и зеленым ковром начал образовываться просвет, и через несколько секунд аэропоезд уверенно пошел вверх.

Рогову казалось, что он сейчас слился с планером воедино. Слегка побалтывало, но Женька ничего не замечал. Сзади мурлыкал какой-то мотивчик Плахин.

— Когда начнем подготовку к республиканским соревнованиям? — не поворачивая головы, крикнул Женька.

— Спроси Колодкина, он все знает, — равнодушно отозвался Леонид и снова замурлыкал мелодию.

Аэропоезд подходил к границам зоны. Прибор показывал 600 метров высоты. Женька взял небольшое превышение над буксировщиком, ожидая сигнала к отцепке. «Як» не спеша качнул крыльями. Рогов с силой потянул на себя ручку замка. Через две-три секунды буксировщик в крутом выраже провалился вниз. Женька, отпустив ручку замка, заложил левый вираж.

Через некоторое время почувствовал, как «Бланик» крупно вздрогнул, словно попал в чьи-то цепкие объятия, которые тут же резко швырнули его вперед. Стрелка указателя скорости поползла вправо.

Женька плавно ввел планер в спираль. Со свистом рассекая воздух, «Бланик» уверенно пожирал высоту. Вскоре подъем достиг трех метров в секунду. Неожиданно в кабине раздался голос Колодкина:

— Девятнадцатый, какая у вас высота?

— Тысяча двести метров, — машинально ответил Женька, продолжая спираль, и добавил: — Тянет, словно в тубу.

— Прекратите дальнейший наброс высоты! — приказал Колодкин.

— Но, Иван Павлович...

— Девятнадцатый, не засоряйте эфир! Работайте, согласно задания! — раздалось с земли.

— Девятнадцатый понял, — вяло произнес Женька и, выровняв планер, вывел его из потока.

— Получили по ушам, — произнес Плахин. — Теперь давай спираль в обратном направлении.

Рогов крутил спирали с креном до пятидесяти градусов, упиваясь ощущением полета. Плахин не вмешивался в управление, поскольку техника пилотирования Рогова была вне критики.

— Летаешь ты здорово, — похвалил, наконец, Леонид Женьку, когда они потеряли высоту до пятисот метров. — Нацеливайся на норматив мастера спорта. Болтаться над аэродромом тебе нечего.

Они вошли в расчетный круг, как и полагается, на высоте трехсот метров. Глаз автоматически фиксировал расстояние до посадочных знаков. Перед третьим разворотом «Бланик» вдруг попал в восходящий поток. Обтекаемая сигара планера с распластанными тонкими крыльями неслась вперед со скоростью сто двадцать километров в час, а вариометр в это время показывал подъем, хотя ручка управления была в нейтральном положении.

— Во тащит! — восхищенно произнес Женька. Они сделали третий разворот и теперь подходили к последнему, четвертому.

— Высоко заходим, проскочим знаки, — сказал Плахин. — Открывая интерцепторы¹.

— Была бы высота, а потерять ее труда не составляет! — весело отзывался Рогов и, выполнив четвертый разворот на повышенной скорости, открыл воздушные тормоза. Привязные ремни сдавили плечи, «Бланик», словно врезавшись в невидимую вязкую массу, стремительно терял высоту и скорость. Наметанный Женькин глаз впился в выбранную точку на земле, с которой предстояло начать выравнивание. Вот уже эту воображаемую точку накрыла левая плоскость

«Бланика». Пора! Интерцепторы слегка прикрыты, ручка управления плавно взята на себя.

Планер несколько десятков метров пронесся над аэродромом и зашуршал посадочным колесом по траве. Женька снова до конца открыл интерцепторы, чтобы сократить длину пробега. На последнем десятке метров «Бланик», окончательно потеряв скорость, а с ней и силу, медленно опустился правым крылом на землю. Рогов щелкнул выключателем рации и расстегнул привязные ремни.

— Замечаний нет, завтра пойдешь самостоятельно, — сказал Плахин, когда Женька вылез из кабины.

Прямо над головой надсадно гудел мотором буксировщик, затаскивая в небо очередной планер. Точно над знаками тонкая нитка буксировочного фала отделилась от «Бланика», и «Як», сделав крутой разворот, пошел на посадку.

Отцепившийся планер белым альбатросом шел по «коробочке», как называют летчики полет по кругу.

Женька огляделся. Почему-то чело- века, соприкоснувшегося с небом, всегда волнует неповторимая обстановка учебного аэродрома, с его веселой рабочей круговертью, с перемешанным запахом травы и авиационного бензина, с белеющими полотнищами посадочных знаков и полосатым рукавом «колдуна», показывающего направление ветра.

Женька стоял у крыла «Бланика», с наслаждением подставляя лицо налетающему ветерку. Как хорошо, что завтра опять можно подняться в небо! И именно на планере, который, словно крылатая яхта, стремительно и бесшумно понесет тебя по необъятному простору Пятого океана, норв которого в иные моменты еще страшней, чем морская пучина. Сейчас Рогову даже как-то не верилось, что люди могли полностью чувствовать себя счастли-

1. Интерцепторы — воздушные тормоза.

выми до того, как получили возможность летать по воздуху. Уже в кабину «Бланика» сажился очередной планерист, а Женька все еще продолжал стоять на прежнем месте, и улыбка блуждала по его лицу. Так улыбается человек, вдруг отчетливо понявший, в чем заключается для него настоящее счастье.

Глава вторая

Жизнь на аэроклубовском аэродроме вошла в размеренный ритм: полеты, в конце дня послеполетный разбор и снова с утра полеты. Неожиданно крупно повезло Женьке: после того, как на экзаменационной сессии ему удалось, как он сам выражался, благополучно выпарить, в аэроклубе оказалось вакантное место аэродромного рабочего, и Колодкин принял его до осени на эту должность. Для Рогова наступили золотые дни: теперь он мог целыми днями пропадать на аэродроме. Обязанности у него были несложные, свободного времени хватало, и Женька отводил душу в полетах.

Костя Жуков с Борисом Оконниковым получили на производстве очередной отпуск и тоже переселились на аэродром, в спортивный лагерь. Теперь все трое жили в одной палатке. Старшим единогласно избрали Оконникова, и тот с придирчивой добросовестностью исполнял свои «старшинские» обязанности.

Сейчас Рогов готовил к полету свой «Бланик». Это, действительно, был его «собственный» планер, закрепленный за ним персонально. Такой чести среди спортсменов аэроклуба в этом летном сезоне удостоился один лишь Женька. Причем, сделано это было по инициативе Колодкина.

Свой планер — это уже говорило о многом. Значит, ты признанный ас аэроклуба. Значит, тебе не нужно

ждать своей очереди на старте, пока отлетают твои товарищи. Если есть подходящие условия для парения, тебя бускируют одним из первых, и в небе ты тоже не торопишься, чтобы уступить место другому. Ты совершенствуешь свое мастерство в идеальных условиях. И свой планер ты ласкаешь и холишь, протирая фланелькой каждую заклепку.

«Бланик» был уже основательно осмотрен и подготовлен к полету, а команды вырывать на старт все еще не было. Женька вогнал отвертку в податливый дерн и с удовольствием вытянул ноги, привалившись спиной к фюзеляжу планера.

Невдалеке, около «Яка», виднелась низкорослая фигура Григория Евдокимовича Корнева, летчика-буксировщика. Было ему уже далеко за сорок, всю жизнь он провел в учебно-тренировочной авиации ДОСААФ и никогда не собирался менять ее ни на какую другую. Свой летный стаж, дающий право на пенсию по выслуге, он давно уже заработал, но и после этого еще лет пять летал. И только три года назад ушел на отдых. А этой весной опять вернулся в аэроклуб, где до ухода на пенсию был командиром.

Первый, кого встретил Григорий Евдокимович, был Колодкин, недавно принявший аэроклубное хозяйство, и с которым они когда-то начинали вместе летать на УТ-2.

Колодкин попытался было отговорить бывшего одноклассника от этой затеи — вернуться к летной работе — и предложил ему должность начальника штаба. Пенсию, мол, будешь сполна получать, поскольку должность не летная, да плюс приличный оклад. В итоге придется даже больше, нежели летчику-буксировщику.

Корнев от такого предложения отказался. Не для того он в аэроклуб вернулся, чтобы сидеть здесь конторской крысой. Денег ему всегда хватало,

хватит и сейчас, а вот без неба хандра охватила.

Об этом разговоре Колодкина с Григорием Евдокимовичем знали в аэроклубе все, и авторитет его в глазах планеристов был высок. К тому же Корнев с первых же полетов зарекомендовал себя непревзойденным буксировщиком. С ним смело можно было пускаться в полет при какой угодно «болтанке», хорошо зная, что Григорий Евдокимович не растеряется ни при каком «пиковом» положении, даже если у него на буксире будет лететь зеленый новичок, у которого в самый ответственный момент может отказать не только буксировочный замок, но и способность нормально соображать. В такие минуты уверенный и спокойный голос Корнева возвращал планеристу присутствие духа, и, следуя подсказке опытного буксировщика, с которым тот был связан в полете в прямом и переносном смысле одной веревочкой, спортсмен исправлял невидимую с земли ошибку, которая через несколько роковых секунд могла бы привести к непоправимым последствиям.

Когда же Григорий Евдокимович забрасывал опытного планериста на парение, то ему тоже не надо было подсказывать, к какому облаку буксировать планер, чтобы спортсмен мог сразу же «зацепиться» за восходящий поток.

Все это вспомнил сейчас Женька, глядя, как Григорий Евдокимович отлаживает самолетную рацию, и хотел было подойти к нему, чтобы поговорить по душам, но тут из ангара, вытирая паклей руки, вышли Костя Жуков с Оконниковым.

— Волнуешься? — ухмыльнулся Костя.

Женька выразительно посмотрел на него, но ничего не ответил. Еще вчера Колодкин запланировал ему контрольный полет до намеченного пункта с

возвращением на старт, причем, проверяющим решил лететь сам. Рогов от такого оборота несколько приуныл, потому что Иван Павлович, хоть и был квалифицированным летчиком, но опыта парящих полетов не имел, к тому же все уже успели познать властный характер начальника аэроклуба, и Женька опасался возможной нервозности.

— Не волнуйся, — успокоил Борис Оконников, когда Женька накануне вечером поделился с ним своими опасениями. — По-моему, Иван Павлович потому и летит с тобой, что ты один из сильнейших парителей аэроклуба и он тоже может кое-чему поучиться в этом деле. Так что завтра будь на высоте в прямом и переносном смысле.

Полеты сегодня задерживались, потому что ждали уточнения метеосводки. Сильные порывы трепали аэродромного «колдуна», и планеристы первоначального обучения с тоской посматривали на него, стараясь угадать скорость ветра. По инструкции, полеты новичкам разрешались лишь при ветре не более шести метров в секунду.

— Тебя на всем пути будет сопровождать «боковичок», — сказал Борис.

— Если небесная канцелярия не внесет коррективы, — добавил Костя.

— Это я и сам знаю, — буркнул Женька.

Вверх взлетела зеленая ракета: сигнал к началу полетов. Метеосводка не оставила никаких надежд новичкам: скорость ветра была десять метров в секунду, порывы доходили до пятнадцати. Нижняя кромка облачности достигала высоты полутора тысяч метров.

Женька привычным движением закинул парашют за спину, застегнул лямки и быстро занял место в планере. Колодкин так мучительно долго устраивался во второй кабине, что Женька вконец извелся.

Рогов еще раз оглядел небосвод. До самого горизонта он был закрыт облачной грядой, под которой особенно интенсивно образуются восходящие потоки. По движению облаков можно было определить, что там, на высоте, ветер ничуть не меньше, чем на земле.

Аэропоезд пошел на взлет, и планер сразу же буквально ринулся вверх, так что Женька с трудом удерживал его на метровой высоте, ожидая момента, когда взлетит и буксировщик. Едва отошли от земли метров на пятьдесят, как началась выматывающая душу «болтанка», особенно опасная на буксире.

Самая «гробовая» ситуация, которая может возникнуть для аэропоезда при сильных бросках, это когда планер окажется в большом превышении над самолетом-буксировщиком и свергнет его в крутое пикирование. Инstrukция предписывает в подобных случаях немедленную отцепку. Но конструкция замков такова, что под перегрузкой, когда буксировочный фал натянут, как струна, они не срываются, и тогда единственная надежда — парашюты.

Все это вспомнил сейчас Женька, глядя на пляшущий силуэт буксировщика. Кабина планера была заполнена свистом ветра и треском дюралюминия, особенно действующим на нервы.

Неожиданно буксировщик резко подбросило вверх метров на двадцать, а планер с такой же силой ухнул вниз, так что Рогов с Колодкиным повисли на привязных ремнях. Женьке показалось — не просто ручку управления взял на себя, а всем телом подался назад, не смея ни выдохнуть, ни вдохнуть, стараясь вывести планер из опасного положения. Колодкин молча сидел сзади, никак не реагируя на всю эту свистопляску.

«Только бы не подбросило сейчас еще, только бы не подбросило», — мысленно произнес Женька.

Повезло — планер осторожно вскарабкался на одну высоту с буксировщиком. Но радоваться было некогда. Новый бросок опять сместил планер и самолет настолько, что буксировочный фал провис огромной дугой. Женька успел энергичным движением педали отвернуть «Бланик» в сторону, чтобы избежать сильного рывка. И все же рывок последовал. Буксировщик несколько раз рыскнул на курсе, затем на какое-то мгновение наступило затишье, и снова — пляшущий в передней полусфере кабины силуэт самолета, и мелкие капельки пота на лице, словно ты только что вышел из бани.

Аэропоезд достиг уже шестисот метров.

— Отцепляюсь! — передал Рогов в микрофон и открыл буксировочный замок.

Ветер весьма основательно затруднял пилотирование планера. Оценив обстановку, Рогов пошел под ближайшее облако. Сквозь верхнюю полусферу кабины четко просматривались его взлохмаченные края. «Бланик» подходил к облаку с теневой стороны. И едва лишь кромка огромного студенистого «гриба» оказалась над головой, планер провалился вниз, словно оказался в безвоздушном пространстве.

— Ничего, сейчас пойдем вверх! — скорее для себя, чем для Колодкина, крикнул Женька, отклоняя ручку управления, чтобы на повышенной скорости пройти опасную зону.

Под серединой облака восходящий поток прошелся по крыльям «Бланика», словно пальцы по гитарным струнам. Планер со свистом несся к кипящему центру облака.

— Дай-ка и мне за ручку подержаться! — не то приказал, не то попросил Колодкин.

Женька послушно бросил управление и принял позу на расслабление. Он впервые летел с Колодкиным и те-

перь с интересом наблюдал за его действиями. Рогов не мог не отметить, что «Бланик» в руках Ивана Павловича ведет себя идеально.

Неожиданно Колодкин убрал закрылки и прибавил скорости планеру, одновременно увеличив крутизну спирали. Вариометр показывал, что скороподъемность достигла уже четырех метров в секунду и продолжала нарастать. Теперь, когда до облака остались какие-нибудь считанные десятки метров и его взлохмаченное основание полностью закрыло небосвод, Женька невольно поежился. Далеко внизу была земля.

Через секунду они окунулись в мутноватую пелену, и тут планер подбросило с такой силой, что пилотов вдавило в сидения. Рогов еще никогда не заходил в облака. В аэроклубе, кроме инструкторов, допуск к полетам вне видимости земли имел лишь один Оконников.

По фонарю кабины хлестнула снежная крупа. В неясные контуры расплылись очертания крыльев.

Рогову вдруг стало не по себе. Точно такое же чувство он испытал однажды в детстве, когда решил переплыть в предгрозовое ненастье раздольную речушку. Лишь только достиг он середины, небо разразилось проливным дождем. Оба берега пропали из виду, а дождь хлестал так густо, что Женьке стало казаться, будто находится он не на реке, по которой только плоскодонки плавают, а в необозримых толщах океана, и неизвестно, как он отсюда выберется. И Женька ощутил тогда почти мистический ужас.

Сейчас, глядя на клокотавшее за фонарем кабины грязновато-белое месиво, Рогов со всеми подробностями вспомнил тот эпизод из далекого детства.

Вдруг Рогов явственно ощутил, что планер перевернулся на «спину». По-

том вошел в отрицательное пики. Женька вцепился взглядом в приборы, стараясь определить пространственное положение «Бланика», и не мог. Маленький силуэт самолета под стеклом авиагоризонта, который служит основным ориентиром в «слепо» полете, плясал перед глазами, совершая непонятные движения, и Рогову казалось, что и их планер тоже, совершая немыслимые кульбиты, падает на землю.

— Вот это, я понимаю, полет! — радостно воскликнул за спиной Колодкин, и было странно слышать во время всей этой круговерти веселые интонации в голосе начальника аэроклуба, который и на земле-то, в обычной обстановке, всегда был подчеркнуто официален или насмешливо резок.

Женька никак не успел отреагировать на возглас Колодкина, потому что вверху брызнуло солнце, и «Бланик» выскочил из облака. Высотометр показывал две с половиной тысячи метров.

— Как мы себя чувствуем? — с обычной иронией в голосе спросил Колодкин.

— Нормально! — грубовато ответил Рогов.

Иван Павлович поболтал ручкой:

— Бери управление.

Женька огляделся. Далеко в стороне маленьким пятном виднелся аэродром. Рогов определил курс по компасу, затем прибавил «Бланику» скорость. Восходящие потоки встречались почти непрерывно, сплошным «частьколом», так что можно было совершать длительные переходы по прямой, не тратя драгоценного времени на набор высоты.

Женька еще отдал немного ручку от себя. Стрелка указателя скорости застыла у цифры «100». В открытую форточку кабины доносилось лишь равномерное шуршание воздуха об обшивку планера.

До контрольного пункта они дошли без особых затруднений, не опускаясь ниже полутора тысяч метров. Где-то, примерно, на полпути боковой ветер оставил, наконец, в покое их «Бланик», и Рогов не мог нарадоваться, что все так складывается благополучно. Он даже хотел завести с Иваном Павловичем разговор о поездке на предстоящие соревнования, но, поразмыслив, решил, что лучше всего это сделать после окончания полета.

Рогов развернулся на сто восемьдесят градусов, не забыв зафиксировать время. Расчеты показывали: если метеоусловия не изменятся в худшую сторону, можно надеяться, что часа через полтора «Бланик» выйдет на свой аэродром.

— Вообще-то маршрут прошли почти как на самолете, — сказал Колодкин. — Без всяких отклонений и задержек.

— На планере, Иван Павлович, летать еще лучше, чем на самолете. Во всяком случае, интересней.

— Возможно, — усмехнулся Колодкин. — Давай, двигай по направлению к дому, а то как бы пешком не пришлось топтать.

Половину обратного пути опять прошли на повышенной скорости. Женька старался изо всех сил, стремясь продемонстрировать начальнику аэроклуба все тонкости парящего полета на планере. И дело здесь было не в личном тщеславии. А в том, чтобы Колодкин понял, что стать хорошим планеристом ничуть не легче, чем стать хорошим истребителем.

Неожиданно, когда до аэродрома оставалось каких-нибудь двадцать пять—тридцать километров, облачность стала распадаться прямо на глазах, образуя белую пелену, затянувшую весь небосвод. Напрасно Женька закладывал спираль за спиралью: восходящих потоков не было. Вся надежда теперь была на аэроди-

намическое качество планера. Теоретически с той высоты, на которой они сейчас находились, до аэродрома можно было дойти. Но это теоретически. Практически же может выйти по-всякому.

— Ну что, ас безмоторных полетов, дойдем или нет? — в голосе Колодкина послышалось легкое беспокойство.

Рогов ничего не ответил начальнику аэроклуба. Недолет так недолет — придется подыскивать годную площадку и садиться. Первый раз, что ли!.. Пока, слава богу, все шло нормально. Ветер не очень донимал, хотя и был боковым. Высота, правда, уменьшилась до восьмисот метров, но и до аэродрома уже было почти рукой подать: каких-нибудь двенадцать километров. Но все же не кажи «гоп», пока не приземлишься у посадочных знаков, в этом Женька не раз уже убеждался.

И сейчас у него где-то в подсознании трепетало предчувствие, что в богатой копилке погодных сюрпризов для них, по крайней мере, хоть один, но остался. Так оно и случилось.

Ветер из бокового неожиданно стал встречным. Планер теперь весьма ощутимо «сыпался» вниз, значительно потеряв скорость. Высота была всего лишь немногим более четырехсот метров, а до аэродрома осталось еще километров пять, и было ясно, что им не осилить их. Положение усложнялось еще и тем, что под крылом не было ничего подходящего для посадки.

Мало-мальски пригодный пустырь находился по курсу километрах в трех, но чтобы достичь его, необходимо было пройти над обширной территорией машиностроительного завода с высокими трубами и громадными корпусами.

— Не хватало еще на этом корыте в рай въехать, — с раздражением произнес Колодкин.

Рогов молчал. Планер нещадно бро-

сало из стороны в сторону, и хотя скорость по прибору равнялась восьмидесяти километрам в час, Женька ясно видел, что практически они продвигаются раз в пять медленнее. Высота продолжала равномерно убывать.

Триста восемьдесят метров... Триста семьдесят... Триста пятьдесят... До пустыря оставалось еще не менее двух километров. Отсюда, с высоты птичьего полета было видно, как рядом с главными заводскими воротами на тонких стальных мачтах ветер зло треплет кумачовые выпелы.

На размышления ушли считанные секунды. Другого выхода не было, и Женька послал вперед ручку управления. «Бланик» опустил нос и увеличил скорость.

— Ты что делаешь? — закричал Колодкин, хватаясь за управление и пытаясь выровнять планер. — Поставь мозги на флюгер, если они у тебя не соображают, и спроси совета.

— Не мешайте работать! — что есть силы рявкнул Рогов. — Будете меня учить, когда сядем.

Сейчас, когда стрелка высотомера была уже ниже двухсотметровой отметки, а встречный ветер практически лишил возможности без всяких помех достичь заветного пустыря, плевать Женьке было на субординацию и прочие условности! Он принял единственно правильное решение: в крутом планировании разогнать «Бланик», чтобы преодолеть силу встречного ветра, а затем «горкой» перемахнуть через последние препятствия на территории машзавода. А в такой ответственный момент начальнику аэроклуба лучше помалкивать, потому что он привык летать на истребителях, где воеет турбина и перегрузки — «аж глаза на лоб лезут», как говорил иногда сам Колодкин. А здесь нет ни турбины, ни перегрузок. Есть только шквальный ветер, швыряющий безмоторный аппарат, как щепку.

Скорость и только скорость — в эти секунды Женька ни о чем другом не думал. Конечно, если была бы высота, тогда другое дело. Но ее осталось с гулькин нос...

И все-таки Рогов разогнал планер почти до ста двадцати километров, прежде чем кончилась безопасная высота, а потом плавно потянул ручку управления на себя. «Бланик» послушно взял вверх, словно скаковая лошадь перед препятствием, припюренная умелым наездником. Мелькнули под крылом складские постройки, блеснула протянувшаяся вдоль забора линия высоковольтных передач, и планер заскользил над пустырем, покрытым чахлой растительностью, с вытопанной посередине во время футбольных баталий «плешиной».

Рогов осторожно притер «Бланик» к земле и полностью открыл интерцепторы. Затем, выждав немного, короткими импульсами стал нажимать на рычажок тормоза посадочного колеса. «Бланик» пробежал всего около ста метров и остановился. Используя силу встречного ветра, Женька элеронами удерживал его на единственном колесе, препятствуя опусканию на крыло.

— Хватит играть, — сказал Колодкин, отстегивая привязные ремни.

— Хватит так хватит, — сказал Женька, опуская планер на крыло.

Открыв фонарь, он одним махом перебросил тело через борт. Колодкин неуклюже выбирался из второй кабины. Выбравшись, несколько раз для разминки выбросил вперед поочередно правую и левую ноги, затем прошелся рядом с планером.

— На это бы корыто сопло поставить, — пробормотал Колодкин, — летал бы не хуже истребителя.

Рогов понял, что начальнику аэроклуба неловко сейчас за минутную растерянность в воздухе и за происшедший между ними инцидент. До

аэродрома было рукой подать. Оттуда по направлению к ним, переваливаясь с ухабины на ухабину, двигался «Захар».

— Когда вы скрылись за главным корпусом, мы уже думали, что вам каюк, ан нет, вынырнули снова! — закричал Костя Жуков, стоя одной ногой на подножке, а другой нажимая на газ. Он развернул «Захара» возле «Бланика» и выбросил из кузова стальной тросик. Сделав все необходимое для буксировки по земле, Женька взялся за консоль крыла, а Костя на малом газу тронул «Захара» с места. Тросик натянулся, и планер неторопливо покатился на своем единственном колесе, пружинисто вздрагивая плоскостями на неровностях, и Женьке казалось, что планер тоже устал, словно живое существо, и теперь с удовольствием потряхивает крыльями, сбрасывая с них остатки усталости.

Они отбуксировали «Бланик» к ангару, и Рогов, не мешкая, принялся мыть его и протирать с такой тщательностью, словно от этого, по крайней мере, зависел благоприятный прогноз погоды, как минимум, на месяц. Закончив процедуру, Женька отошел немного в сторону, чтобы полюбоваться на проделанную работу.

Планер сверкал в лучах клонящегося к закату солнца, словно весь он только что побывал в растворе серебра. Подъехал Костя на «Захаре», ведя на буксире два планера. Хлопнув дверкой кабины, подошел к Рогову.

— Ты с Колодкиным говорил по поводу соревнований?

— В воздухе не до того было, думаю на послеполетном разборе поговорить.

— Тогда сегодня у тебя ничего не выйдет: Колодкин только что укатил в город по каким-то неотложным делам.

— Что ж, поговорю завтра.

— Ладно, меня планеры ждут, —

сказал Костя и прыгнул на подножку «Захара».

— А ну, живо сюда! — крикнул Женька трем первогодникам, устроившимся отдыхать на ящике с песком.

Те не заставили себя долго ждать: парителей первогодники слушались, пожалуй, еще больше, чем инструкторов.

— Катим в ангар! — приказал Рогов.

Первогодники взялись за специальный штырь в хвостовой части планера, поднатужились. Красиво и изящно выглядит «Бланик» в полете, а катить его по земле — дело тяжелое. Особенно для тех, кто держит хвост.

Посвистывая, Женька придерживал планер левой рукой за консоль крыла. Было время, и он потел под хвостом утюгообразного «Приморца». И даже гордился, что старшие оказывали ему такую честь.

Теперь у него другие заботы. Завтра вот с Колодкиным щекотливый разговор предстоит...

Глава третья

На другой день, как назло, испортилась погода. Женька ходил мрачнее туч, что нависли над аэродромом ровным покрывалом, сквозь которое нудно капал дождь. По случаю такой погоды начальник аэроклуба с утра принялся решать какие-то дела в городских организациях, а сидевший в штабе Колокольцев ничего существенного Рогову о комплектовании команды для соревнований сказать не смог.

— Такие вопросы решайте с Иваном Павловичем. Я к этому делу отношения не имею.

После обеда немного распогодилось. Дождь прекратился, сквозь остатки разорванных туч выглянуло солнце. Хотя светового времени оставалось не так уж много, Колокольцев решил все

же начать полеты по кругу для перво-
годников. «Старички» остались ску-
чать в палатках.

Из города приехал Колодкин. Про-
шел в ангар, ругнул техников, потом
направился в штаб. По всему было
видно, что начальник не в духе.

— Отложи разговор до завтра,—
посоветовал Костя Рогову.

— Я и так уже съел достаточно
завтраков.

— Ты же видишь, Иван Павлович
не в духе.

Женька несколько секунд молча
смотрел на Костю.

— Возможно, ты и прав, — наконец,
произнес он с каким-то странным спо-
койствием. Но вдруг взорвался: — А
почему это я должен ловить, словно
хорошую погоду, ласковое выражение
на лице Ивана Павловича? Или он не
знает, что нужно посылать команду
на республиканские соревнования? Но
все почему-то молчат, а начальник по
высоким инстанциям разъезжает!

— Ну, смотри, — пожал плечами
Костя.

Женька пошел в штабной домик.
Там, кроме Колокольцева и Колодки-
на, сидело несколько инструкторов, и
среди них — Плахин.

— Разрешите обратиться, товарищ
начальник аэроклуба? — по-уставному,
как и требовал Колодкин, вытянулся
Рогов.

— Слушаю вас, — кивнул тот.

— Я хотел бы знать, когда будет
объявлен состав команды на первенст-
во республики.

— Какая еще команда? — помор-
щился Колодкин. — От этих соревно-
ваний никакого проку, только пустая
канитель. Надо сначала дома научить-
ся как следует летать, а потом ехать
кого-то пугать.

— Пугать мы никого не собираемся,
а вот померяться силами с планери-
стами из других аэроклубов, по-мое-
му, стоит.

— Я могу сразу сказать, что вы бу-
дете на последнем месте, — заметил
Колодкин. — Так что не стоит позо-
рить марку своего аэроклуба.

— Выходит, вы вообще никого не
будете посылать на соревнования? —
Рогов весь напрягся.

— Нет, почему же? Одну кандида-
туру я уже утвердил. Можешь гото-
вить чемодан для призов. Командиро-
вочные получишь завтра.

— А как же остальные... — начал
Женька, но Колодкин его перебил:

— Ты что же, считаешь, что авиа-
ция сродни футболу — одиннадцать
основных и десять запасных? Доста-
точно того, что тебя посылают.

— Ну, хотя бы Оконникова еще
включили. Это самый опытный плане-
рист.

— Ну, завел сказку про белого
бычка, — недовольно проговорил Ко-
лодкин. — Ты сначала свой класс по-
кажи, а уж потом агитируй за других.
В общем, завтра у бухгалтера полу-
чишь командировочное удостоверение
и — доброго пути. Понятно!

— Ясно, товарищ начальник аэро-
клуба.

Рогов повернулся и вышел. Больше
всего его удручало то, что присутство-
вавший Плахин даже не попытался
поддержать его. А на своего команди-
ра звена Женька рассчитывал больше
всего. И все-таки где-то в глубине
души Рогов был доволен. Он живо
представил себе атмосферу соревнова-
ний, старты с известными мастерами,
и неприятного осадка от разговора с
Колодкиным как не бывало.

Но тут же пришла мысль о том, что
каково будет Косте с Борисом, когда
они узнают, что остались не у дел, и
настроение его опять испортилось.

Борис с Костей сидели в палатке и
о чем-то беседовали. С появлением
Женьки беседа прервалась, и Костя
ни к селу ни к городу стал насвисты-
вать какой-то мотивчик.

— Ну, чего рассвистелся? — нарочито грубым тоном спросил Рогов. — Свистунам здесь никаких льгот не предоставляется.

— У Колодкина узнал? — невинно поинтересовался Костя.

Стрела попала точно в цель.

— Да пошел ты к черту! — закричал Женька. — Я что, виноват, если у Колодкина мозги не в ту сторону повернуты?

Но тут же остыл и удрученно произнес:

— В общем, такое дело, старики: меня одного поддержал Иван Павлович. Можете сыграть мне темную, но, клянусь, я сделал все, что мог.

— Мы это предвидели, — сказал Оконников.

— Нет, если уж на честность, то я до самой последней минуты надеялся, что Колодкин все-таки пошлет команду из трех человек, — признался Костя.

— Постарайся теперь за троих, — со вздохом произнес Борис. — А мы с Костей будем утешать небо над родными пенатами.

Все трое долго не могли уснуть. Женька думал о предстоящих соревнованиях, прикидывая свои шансы. А Борис с Костей ворочались с боку на бок, не в силах отогнать навязчивые мысли о том, что на этот раз им не придется испытать накала республиканских соревнований.

На другой день вечером Женька улетел рейсовым самолетом.

На очередном послеполетном разборе слово попросил Оконников.

— Пожалуйста, Борис Николаевич, — разрешил Колодкин, хотя по всему было видно, что он не очень-то доволен желанием Оконникова высказаться. Его авторитет среди спортсменов начальнику аэроклуба хорошо был известен.

— Я бы хотел остановиться сейчас на одном вопросе: когда же, наконец, мы начнем летать по-настоящему?

— Вы что же, Борис Николаевич, считаете, что мы здесь в бирюльки играем? — перебил его Колодкин. — Ежедневный план налета мы выполняем, если только не мешает погода.

— Простой арифметический подсчет здесь не годится, — спокойно ответил Оконников. — План можно выполнить и на воздушном змее. Провисел на одном месте несколько часов и — вниз.

— Только давайте без юмора, — недовольно проговорил Колодкин.

— Какой же может быть юмор, Иван Павлович, если мы только тем и заняты, что спиралим вокруг аэродрома! Чуть что, окрик по радио: возвращайся назад. Это не только противостоит, но и вообще отбивает у спортсменов охоту летать. Да что там охоту! Вот Рогов уехал на соревнования, по существу не потренировавшись как следует. А по документам у него все в порядке: цифра налетанных часов внушительная. Если так будет продолжаться и дальше, то, я думаю, в нашем аэроклубе останутся одни лишь катальщики по кругу или, конкретней говоря, планеристы низших разрядов.

Колодкин обвел взглядом сидевших спортсменов, затем остановил его на Оконникове:

— Вы, Борис Николаевич, не учитываете главного: наших сибирских условий. А они отличаются от той же Европейской части Союза. Там в некоторых областях можно и на садовой калитке парить. У нас же совсем иное дело. По-настоящему пригодных для парения дней выпадает не так уж много. Поэтому основной упор приходится, действительно, делать на подготовку планеристов массовых разрядов. Я считаю это более рациональным. Иначе у нас не будет ни тех, ни этих.

— Позвольте, Иван Павлович, задать вам еще один вопрос, — снова поднялся Оконников. — Должна же

быть какая-то перспектива для тех, кто уже выполнил первый разряд? Я понимаю, выполнение мастерского норматива — дело проблематичное, да суть и не в нормативе, как таковом. Но ведь после ваших слов выходит, что для всех, кто поступает в наш аэроклуб, уготовано одно: полетать годика два и навсегда распрощаться с планеризмом. По-моему, назначение аэроклубов, в том числе и нашего, несколько иное.

Не дожидаясь ответа Колодкина, Оконников сел. Иван Павлович досадливо поморщился, всем своим видом давая понять, что этот разговор, по крайней мере, наивный.

— Сейчас все, сколько-нибудь сведущие в авиации люди, считают, что планеризм — напрасная трата денег. К тому же вы должны знать, и я довожу это до вашего сведения, — в голосе Колодкина послышались металлические нотки, — что ответственные товарищи из ЦК ДОСААФ ставят вопрос о закрытии аэроклубов с планерным уклоном, как не отвечающих духу времени. Так что все разговоры о повышении мастерства наших спортсменов, как вы сами теперь понимаете, не более, как пустой звук.

— Вот это да! — удивленно воскликнул кто-то из спортсменов. — Планеризм — пустая трата времени и денег. Ну и ну!

— Тогда, пожалуйста, объясните нам, Иван Павлович, — крикнул с места Жуков, — почему вы служите делу, которое в корне считаете ненужным и даже вредным?

— Не забывайте, Жуков, — повысил голос Колодкин. — Я не исповедываться сюда вышел, а чтобы поговорить по существу. Вы все должны усвоить одно: шапкозакидательства в нашем деле не должно быть. За безопасность полетов в первую очередь отвечаю я.

— Не надо путать безопасность с

перестраховкой, — сказал Оконников. — Иначе можно и посадку планера вне аэродрома объявить как предпосылку к летному происшествию.

— Хватит дискуссировать! — отрезал Колодкин.

— Вот и поговорили, — сказал Костя, когда они с Оконниковым вышли из методгородка. — Нет, Иван Павлович скоро своего добьется: в аэроклубе, действительно, останутся одни только третьеразрядники. Вот когда начнется у него спокойная жизнь. Эх, скорей бы Женька возвращался! Телеграмму бы хоть прислал, как там?

Борис молчал. Говорить ему не хотелось, к тому же он знал, что Женьке на соревнованиях рассчитывать, по сути дела, не на что. Соперники выше на целую голову, и все они приехали командами. А Рогов — кустарь-одиночка...

Женька появился в аэроклубе ровно через две недели после своего отъезда. Зашел в палатку за несколько минут до подъема, бросил на кровать дорожные пожитки, разделся, очевидно, намереваясь отдохнуть.

— Как успехи? — не открывая глаз, спросил Борис.

— Великолепные, — бодро ответил Женька. — В общем, попал в призковую тройку, если считать с хвоста. Это будет радостным известием для Ивана Павловича. Ну, я падаю, — и с этими словами Женька залез с головой под одеяло.

В динамиках раздался сигнал побудки. За тентом палатки послышалось глухое шлепанье босых ног. В считанные секунды палаточный городок наполнился веселым гамом.

После завтрака все уже знали, что Рогов на соревнованиях не смог даже подтвердить первый разряд. Это дало повод Колодкину поиронизировать во время предполетного построения «о сторонниках рекордных заплывов на планерах в нашем аэроклубе».

Вечером после отбоя Оконников, против обыкновения, был хмур и неразговорчив.

— Ты что такой? — спросил Женька.

Борис молча разбирал постель. Разобрав, разделся сам и не спеша забрался под одеяло.

— Отпуск жалко, — наконец, выговорил он. — Чувствую, пропадет он зря. Лучше бы к отцу в деревню уехал; лет восемь уже, наверное, не был, как не больше.

— Неужели ты можешь где-то торчать в разгар лета без аэродромного запаха?

— Увы, Женья, уже могу.

Рогов хмыкнул и заворочался под одеялом, устраиваясь поудобней. С полминуты помолчал, о чем-то думая, потом повернулся к Борису:

— Послушай, Николаич, не могу я никак раскусить Колодкина. Ведь все же как ни крути, а он толковый летчик. В этом я убедился, когда он со мной проверяющим шел. После того, как он «Бланик» в облако вогнал, я пространственную ориентировку потерял. — Женька сел на кровати.

— Ей-богу, я тогда чуть «караул» не закричал. А вот на земле, в роли начальника аэроклуба, Иван Павлович совсем другой. То ли слишком волевой, то ли слишком боязливый. Всем крылья укоротил. Ничего не могу понять, — падая на подушку, закончил Рогов.

— Колодкин свое отношение к планизму уже высказал, — подал голос Оконников. — Так что же тут неясного? Летать выше и дальше всех, как пишут на плакатах? Это для него абстракция. А вот ответственность — это уже не абстракция. Выводы теперь делай сам.

— Значит, Колодкин трус? — В темноте было слышно, как Женька опять сел на кровати.

— Ты максималист, Женья. Ничего такого я не говорю.

— Нет, ты финтишь. А я привык с поднятым забралом. Завтра же поговорю с Колодкиным в открытую. Он у меня не спрячется за обтекаемые фразы. Это точно!

— Желаю удачи, — словно в полудреме, произнес Борис.

— Приятных сновидений, — в тон ответил Женька.

На другой день после завтрака Рогов подошел к Ивану Павловичу:

— Разрешите обратиться, товарищ начальник аэроклуба?

— Разрешаю.

— Запланируйте мне полет с внеаэродромной посадкой. А то я уже забыл, как летают по маршруту.

— Шутить, Рогов, будешь с товарищами. Задание на сегодняшний день я тебе уже наметил.

— Значит, мастерство — это шутка. Что же тогда прикажете считать серьезным?

— Послушай, Рогов, — начал Колодкин назидательно, — когда мне было столько же, сколько и тебе, я тоже стремился иногда перешагнуть грань дозволенного, считая полеты по программе слишком простыми для себя. А когда меня пытались вразумить толковые и думающие люди, то я их, конечно, тут же причислял к перестраховщикам и зажимщикам молодых и способных. Сейчас я повзрослел на двадцать с лишним лет, на многие вещи смотрю по-иному, а потому хочу посоветовать тебе: не спеши с выводами.

Давая понять, что разговор окончен, Колодкин повернулся и пошел к ангару. Никаких сомнений он не испытывал, хотя отлично понимал желание Рогова летать на том максимальном пределе, как говорят в авиации, который всегда граничит с непредвиденностью, а потому и не хотел, не мог поддержать такое желание.

Иван Павлович был твердо убежден, что какими бы способностями и опы-

том ни обладал планерист, исход полета на дальность всегда будет зависеть от погоды. Он не верил в интуицию парителей.

Нет, Колодкин не отрицал мастерство пилота и его волевые качества; просто он знал по опыту, что бывают такие обстоятельства, в которых роковой исход неизбежен как для желторотого курсанта, так и для старого воздушного волка.

Самое главное для аэроклуба, считал он, это выполнить план по налету без предпосылок к аварии. А значки мастеров спорта пусть зарабатывают на соревнованиях. Там для этого все условия.

В рассуждениях Колодкина была своя логика, унаследованная от тех времен, когда работа аэроклубов была подчинена лишь одному: подготовке контингента для летных училищ. Тогда слова «спортсмен» почти не было в обиходе. Стране требовалось как можно больше летчиков. И сам Иван Павлович был из ТОГО призыва.

Новый уклад жизни не обошел и ДОСААФ. Иные задачи встали перед ним. Сравнительно недавно оставивший кабину сверхзвукового «МИГа», Колодкин не успел еще как следует разобраться в них. Для этого не было ни повода, ни достаточного промежутка времени.

Потому и не нравилось Ивану Павловичу, что в его аэроклубе почти половину планеристов составляли «старики», летавшие по несколько лет. С этим он не собирался мириться, считая, что установку надо делать на семнадцатилетних, многие из которых, понюхав неба, пойдут потом в летные училища, военные или гражданские, все равно.

Рогов после разговора с начальником аэроклуба был зол. Проверять приборы на своей «девятке», он старался не смотреть в ту сторону, где копошились у планера Костя с Борисом.

Вскоре они сами подошли к нему, и Костя, похлопав по дюралевой обшивке крыла, заинтересовался:

— Далеко нацелился?

— А если без поддува? — оторвавшись от приборов, угрюмо произнес Женька.

— Да ты не вспухай. Я ничего такого и не хотел сказать.

— Что Колодкин? — спросил Борис.

— Ничего он не захотел понять. Или это я такой беспонятливый. В общем, у меня после разговора с ним возникла идея, — Женька выжидательно посмотрел на друзей, — плюнуть на все и при удобном случае махнуть по двухсоткилометровому треугольнику.

— Иван Павлович за такие фокусы отстранит от полетов до конца сезона, — тоскливо проговорил Жуков.

— Победителей не судят.

— Хорошо, если дойдем до аэродрома, — задумчиво сказал Борис. — А если кто-нибудь не дотянет?

— На планере посадка вне аэродрома не является «ЧП».

— Ты это Ивану Павловичу преподнеси.

— Короче, вы поддерживаете мое предложение или нет? — поставил вопрос ребром Женька.

— Что ж, пожалуй, рискнем, — согласился, наконец, Оконников. — Ивана Павловича можно убедить только делом. Но слишком торопиться тоже не будем. Нужно проиграть полет во всех деталях.

В этот день они летали как обычно — в районе аэродрома. Вдобавок ко всему, Колодкин издал приказ, запрещающий выпаривать с высоты менее шестисот метров (инструкция запрещала с трехсот).

— К наставлению по производству полетов тоже надо подходить вдумчиво, — веско пояснил начальник аэроклуба, зачитав приказ. — Рельеф у нас сибирский: и тайга, и сопки, а то и го-

ры. Так что гусарство нам ни к чему. Почувствовал, что не держит в воздухе, носом на курс и — спокойно домой. А запасные площадки, о которых здесь кто-то вспомнил — мур. Мало ли что на них может оказаться? Так что, я думаю, на этот счет всем все ясно.

Теперь многие спортсмены, особенно новоиспеченные парители, попав в более или менее трудные условия, тут же прекращали всякие поиски восходящих потоков и спешно поворачивали к аэродрому, лихорадочно глядя на высотомер. Потянулись дни, наполненные однообразием и скукой.

Это обстоятельство весьма существенно повлияло на давнишнее Женькино намерение стать инструктором общественником.

— Не понимаю, что ты нашел в этом хорошего? — недоуменно пожал плечами Костя.

Но Борис одобрил намерение Рогова:

— Правильно. Это даст тебе, как пилоту, великолепную закалку.

— Давно пора было прекратить пустые разговоры и заняться настоящим делом, — резюмировал Колодкин.

Он сам выполнил вывозные полеты с Роговым и остался весьма доволен его действиями. Вскоре Женька получил под свое начало небольшую группу, состоящую из трех человек: две Тани, студентки пединститута, и Лев Берендеев, учащийся строительного техникума. Студентки были чем-то неуловимо похожи друг на друга, словно сестры, может быть, больше характером, чем внешнею: обе подвижны, с короткими прическами, с полным запасом веселья, особенно неистощимого у двадцатилетних...

Что касается Берендеева, то был он длинный, с огненно-рыжей шевелюрой, неторопливый в движениях, и Женька при первом знакомстве с ним подумал, что похож он на складной метр. Не-

давно ему исполнилось семнадцать, на верхней губе и на щеках пробивался жиденький пушок, обещавший в недалеком будущем стать под цвет шевелюры.

«Скучно ему будет при его параметрах в кабине», — отметил про себя Рогов. И еще он подумал, что несмотря на свое обаяние, навряд ли обе Тани станут настоящими планеристками. Так, потешатся вдоволь и уйдут познавать до конца педагогику.

Но так будет или иначе, а это его первая группа, и он обязан в конце концов выпустить ее в самостоятельные полеты. А будут они чемпионами или рекордсменами — это уже вопросом иной. Перед первыми ознакомительными полетами по кругу Женька волновался так, словно не его подопечные, а он сам должен был получить ответ на вопрос: примет его небо или навсегда оттолкнет от себя?..

— Берендеев, надевай парашют! — распорядился Рогов, стараясь придать голосу официальную суховатость.

Лев, сияя от счастья, но стараясь не показать этого, степенно застегнул лямки, потрогал рукой ярко-красное вытяжное кольцо, торчавшее из брезентового кармана под левым плечом, затем внимательно осмотрел кабину и только после этого занял свое переднее место. Десятки раз проделывал он эту процедуру на занятиях по наземной подготовке, но сейчас почти физически ощущал торжественную значимость каждого своего движения.

— Значит так, Лева, — как можно более непринужденно сказал Женька, — держись посвободнее за управление и слушай, что я тебе буду говорить.

— Понятно, — ответил Берендеев.

Мотор буксировщика завыл на взлетном режиме, планер дернуло, затем под полом кабины стремительно зашуршала трава. Скорость продолжала нарастать, «Бланик» уже слу-

шался рулей, но все же в середине разбега сильно накренился вправо, и Берендееву показалось, что сейчас крыло зацепит землю.

— Убери-ка, юноша, крен, — весело подсказал Рогов, а ручка между тем сместилась уже влево, планер выровнялся, потом ручка пошла на Берендеева, и звук вращающегося колеса под кабиной исчез. Потом и буксировщик словно оттолкнулся шасси от земли и теперь круто лез вверх.

— Видишь, он начинает делать первый разворот, значит, сто метров уже набрали. Мы тоже разворачиваемся, чувствуешь, как я немного послал вперед левую педаль? Ногами сильно не привыкай шуровать, особенно на буксире, «Бланик» — птица чуткая, сразу реагирует. А ручку в это время слегка вправо, чтобы не допустить нарастания крена. Держи, держи, не бойся, — приободрил Рогов.

Лев сжал ладонью ручку управления, ощущая через нее свинцовую тяжесть воздушного потока, давившего на элероны.

— Хорошо запомни положение буксировщика. Его крылья должны как бы лежать на линии горизонта. Сейчас мы идем за ним правильно. А вот я тебе покажу, как будет неправильно, — и Женька взял ручку на себя.

Берендеев даже дыхание задержал, глядя на уходящий вниз самолет. Семидесятиметровый фал натянулся, вибрируя над напором встречного потока воздуха. Планер шел уже выше буксировщика на два силуэта, и Берендееву вдруг показалось, что сейчас «Як» зароеется носом в прозрачную голубизну, а потом, раскачиваясь на буксире, словно тяжелый маятник, рванет «Бланик» вниз. Неприятным холодком обволокло сердце.

— Все, дальше лезть уже небезопасно. Это положение ты тоже запомни, — сказал Женька, опуская планер на прежнюю высоту.

Аэропоезд описал круг над аэродромом.

— А теперь возьми-ся по-настоящему за управление, — приказал Женька. — Смелее, смелее, я, если что, сразу помогу.

Лев тут же почувствовал, как «Бланик» утратил свою послушность, стал рыскать на курсе. Фал то натягивался, как струна, то в один миг провисал дугой. Самолет стал делать очередной разворот, и Берендеев окончательно утратил остаток уверенности.

— Ничего, научишься, — ободрил Рогов и снова взял управление. Потом они отцепились и стали заходить на посадку.

— А вот как проектируются знаки, — пояснил Женька, когда планер вышел на последнюю глиссаду. — Садимся во вторые «ворота».

— Побольше уверенности, Лева, а остальное приложится, — подытожил Рогов, когда планер остановился.

Потом он по очереди летал с обеими Танями, с непривычки здорово устал, но был доволен не меньше своих подопечных.

Почему-то раньше ему казалось, что работать с новичками — самое скучное дело. Но, побыв несколько часов в шкуре инструктора первоначального обучения, Женька вдруг почувствовал вкус к таким, на первый взгляд, прозаическим обязанностям. Потом, когда полеты подходили уже к концу, он понял, в чем тут дело: знать, что часть твоего умения передалась другому, который до этого боялся как следует пошевелить в воздухе ручкой управления.

На другой день с утра погода была отличная, и при взгляде на небо можно было с уверенностью сказать, что денек будет как по заказу. Один за другим в воздух пошли аэропоезда. Колодкин на КП только успевал посылать команды в эфир. Надо было отдать ему должное: у пульта руково-

дителя полетов он чувствовал себя как рыба в воде. Подтянутый, энергичный, с нотками металла в голосе.

Не любил длиннот в радиопереговорах, сам был — пример лаконичности, но, отдавая команды, никогда не думал о психологическом настрое того, кто находился в этот момент в кабине планера. Жесткое слово, сказанное даже на земле, способно иногда надолго выбить из колеи человека. А в воздухе оно действовало во сто крат сильнее, особенно на новичка.

Иван Павлович, когда Оконников на очередном послеполетном разборе осторожно высказался об этом, резко отрубил:

— В авиации психастеников не бывает! А если они проскальзывают, то пусть медкомиссия затылки чешет. Я же привык работать с крепкими людьми!

«Сложный человек», — подумал тогда Женька.

Сегодня он решил осуществить с друзьями задуманный скоростной полет по двухсоткилометровому треугольнику. Собрались после отцепки под одним облаком и, покачав друг другу крыльями, легли на курс. Рацией не пользовались, чтобы не насторожить Колодкина. В воздухе держало хорошо, и вскоре без особых затруднений прошли шестьдесят километров. Если и дальше так пойдет дело, двухсоткилометровый треугольник будет покорен.

Неожиданно Оконников, закладывая очередную спираль, увидел силуэт лишь одного «Бланика», по-видимому, Рогова.

«Жуков, наверное, попал в нисходянок, где-нибудь внизу наскребывает метры», — подумал Борис. Но сколько он ни просматривал простиравшуюся под ним голубизну, третьего планера нигде не было. Поскольку они уже удалились от аэродрома за пределы досягаемости бортовых радиостанций,

Оконников, не боясь, что их услышат на КП, открытым текстом запросил Рогова, где Жуков.

— Где-то здесь был, — неуверенно ответил Женька.

Еще раз внимательно осмотрели все вокруг, но Жуков на своем «Бланике» словно растаял.

Несколько раз пытались вызвать его по рации — бесполезно. Эфир безмолствовал. Сошлись на том, что у Жукова просто испортилась рация. О том, что он где-то сидит, не хотелось думать.

Решили продолжать полет вдвоем. Маршрут Жукову известен, авось и он где-нибудь отыщется по пути или преодолеет эту дистанцию самостоятельно. Но еще километров через пятьдесят облачная гряда неожиданно кончилась.

— Кажется, здесь нам ночевать, — высказал предположение Женька. Забравшись под самое основание огромного «гриба», он ввел планер в крутую спираль, старательно изучая местность. Может быть, удастся использовать «термики»? Солнце-то печет всю.

Когда нет мощных кучевых облаков, под которыми образуются сильные восходящие потоки, независимо от того, где находится в данный момент облако: над громадными отстойниками промышленных предприятий или над зеленым лугом, в жаркий солнечный день от нагретой земли ввысь устремляются массы теплого воздуха, так называемые термические потоки. Но не везде они равномерны.

Наиболее сильные из них образуются над пашнями и лугами. В городской черте они могут быть еле заметными. А над водоемами их вообще не бывает, за редким исключением. Потому что водная поверхность прогревается недостаточно. Наоборот, здесь господствует «нисходянок», безжалостно бросающий планер вниз.

Все это прекрасно знал Женька и теперь прикидывал, можно ли рискнуть и попытаться продолжить полет в термиках? Но, видимо, эта мысль пришла и Борису, потому что он передал Рогову:

— Жди здесь. А я схожу прощупаю небо.

Потом, после непродолжительной паузы, добавил, словно самому себе:

— Хотя это чистейший авантюризм.

Борис направил «Бланик» на юго-восток, где, как ему показалось, начали образовываться контуры редких облачков.

Расчет у Оконникова был прост: если он обнаружит, что по курсу «держит», то сообщит об этом Рогову. Если же восходящих потоков не будет, он вернется под облако. Планер шаркался от пахоты к лугу, временами его ощутимо встряхивало, но стрелка вариометра по-прежнему блуждала ниже нулевой отметки.

Высота таяла, «Бланик» удалился от облачной гряды уже километров на пять, но пока ничего подходящего обнаружить не удалось. Оконников хотел уже возвращаться, когда неожиданно почувствовал толчок под крыло.

Автоматическим движением завалил планер в спираль. Глянул на вариометр: полметра в секунду. Подумал: «С паршивой овцы хоть шерсти клокоч. Потерянную высоту восстанавливаю, и то ладно».

Планер устойчиво лез вверх. По всему бы маршруту так! Но нет, не «выстреливает» небо белыми комочками, хоть ты молитвы читай, хоть плюй в открытую форточку.

На высоте тысяча двести метров поток иссяк. Удача прибавила храбрости. Решил попытать еще счастья. Рогов по-прежнему тепелася около облака. Видя, что Оконникову подфартило, засобирался было к нему, но Борис решительно осадил его по ра-

ции, приказав пока выжидать под облачной грядой.

Мурлыкая вполголоса: «Одна дождинка, еще не дождь...» — решил сделать следующий короткий переход, не забыв отметить место, над которым был поток. Примерно через километр обнаружил еще один, правда, слабее первого. Но и здесь можно было жить. Коротко передал Рогову:

— Подходи.

Вскоре Женька был рядом. Решили, пока один крутится в потоке, другой двигается дальше в поисках нового. Скоростной полет по треугольнику не вытанцовывался. Не до жиру, быть бы живу!

И все-таки не спаслись: примерно через час такого продвижения ощутью, когда кое-как отыскивали следующий слабенький поток, в котором и воздушный змей не всякий удержится, а вариометр показывал всего каких-нибудь пятьсот метров с небольшим, стало ясно, что пора выбирать место для посадки. Чего доброго, размеры площадки не удовлетворят Колодкина, и будешь тогда целую неделю транспортировать планер в другое, более удобное место, куда начальник аэроклуба сможет безбоязненно приземлиться на буксировщике.

Поскольку теперь в аэроклубе внеаэродромные посадки стали редкостью, операции по возвращению планеров выполнял сам Колодкин. Теперь в любом случае без «разноса» не обойдется: нарушили его запрет.

В нескольких километрах в северо-западном направлении заметили небольшую деревеньку. Экономно расходуя оставшуюся высоту, направились туда.

Перед деревенькой оказалось вполне сносное для взлета аэропоезда место. На посадку пошли сходу: не было уже запаса высоты, чтобы сделать расчетный круг.

— Вот и полетали, — сказал Жень-

ка, когда они с Оконниковым ступили на скошенную траву. — Телефон-то хоть тут есть?

— Не терпится выслушать благодарность от Колодкина? — усмехнулся Борис. — Думаю, что есть. Не тридцатые годы...

В деревеньке оказалось отделение связи. Молоденькая заведующая, она же и телефонистка, быстро дозвонилась до района, а оттуда без проводочки соединили с аэроклубовским аэродромом.

По-видимому, возымели действие слова заведующей, что «надо вызвать самолет за попавшими в беду летчиками...»

— А ведь эта симпатичная телефонистка не так уж и неправа насчет попавших в беду летчиков, — произнес Рогов, устраиваясь под крылом «Бланика». — Достанется нам от Ивана Павловича на полную катушку.

Оконников промолчал. Закинув руки за голову и закрыв глаза, он лежал на спине, время от времени встряхивая головой, чтобы отогнать надоедливых насекомых. Женька опять принялся рассуждать о неудавшемся полете — Борис не реагировал.

— Ты чего размолчался? — не выдержал Рогов.

— Глупо все это, — не открывая глаз, сказал Оконников.

— Что глупо?

— Все. И то, что мы сидим здесь, и твои рассуждения по поводу ожидаемых репрессий Колодкина, и исчезновение Жукова в воздухе.

— Не понимаю, — устался на друга Рогов.

— Чего ж тут не понять? Объяснять тебе, что такое планерный спорт, думаю, ни к чему. Что собой представляет Иван Павлович, мы уже хорошо успели разобраться. И к чему твоя философия, непонятно.

Женька плюнул и зашагал около планера. Минут через двадцать на го-

ризонте показались две точки. Первым их заметил Рогов.

— Вставай встречать шефа, — сказал он Оконникову. — Одна из этих точек — непременно Иван Павлович.

Самолеты несколько раз прошли на бреющем, к неописуемому восторгу крутившихся вокруг планеров мальчишек, затем ведущий примерился издали и начал снижаться. Работавший на малых оборотах мотор время от времени с раздражением выводил рулады: пилот исправлял расчет подтягиванием.

— Узнаю шефа по походке, — скринулся Женька. — Одним словом, ас реактивной авиации.

Следом приземлился второй «Як», который пилотировал Плахин.

Колодкин молодцевато спрыгнул на землю, ни на кого не глядя, прошелся по лугу, ставшему на время посадочной площадкой, потом коротко спросил Рогова:

— А где уселся третий рекордсмен?

— Наверное, где кусты погуще, — в тон ответил Женька.

— Остряк! — отчеканил Колодкин. — Давай, готовь планеры к взлету!

Минут через десять все было сделано. Двух мальчишек постарше проинструктировали, как держать крыло планера на первых метрах разбега. Аэропоезда взлетели с небольшим интервалом. Рогова буксировал Колодкин. До аэродрома дошли за час. Учебные полеты продолжались вовсю. На командном пункте находился Колокольцев.

Даже сейчас, приземлившись на своем аэродроме, Колодкин по-прежнему сохранял невозмутимость. Будто и не было нарушения его указаний. Рогов сначала был удивлен таким поведением начальника аэроклуба, а потом успокоился: чихать на все!..

— Полетишь со мной, — бросил ему Колодкин.

Рогов сматал буксировочный фал, положил в кабину. Судя по всему, Костя не подал о себе никаких известий. Наверное, приземлился у черта на куличках, где нет телеграфа с симпатичной заведующей.

Летели на высоте ста метров. Женька выполнял обязанности штурмана. Внешне он был спокоен, но на душе кошки скребли. Хорошо, если Костя благополучно притулился где-нибудь на площадке. А если поломка? Потому, наверно, и молчит Колодкин, чтобы раньше времени пыл не растратить.

Жукова обнаружили они сравнительно быстро. С высоты птичьего полета отчетливо был виден планер, благополучно совершивший посадку на скошенном поле, и стоявший рядом Костя. Одного взгляда на карту было достаточно, чтобы понять: до ближайшего населенного пункта Косте пришлось бы отмахать не менее двенадцати километров.

«Кто же здесь поддержит за крыло планер перед взлетом?» — подумал Женька. Но ничего не смог придумать, потому что самолет уже подпрыгивал на пробеге.

— Жуков, ко мне! — открыв форточку, приказал Колодкин, не выключая двигателя.

Костя стремглав бросился к самолету, потому что на площадке не принято даром тратить время. Струи воздуха, отбрасываемые винтом, трепали на Косте одежду.

— Планер поведет Рогов. Ты будешь сопровождать на взлете. На аэродром доберешься на попутных машинах. Цепляй веревку!..

Ошарашенный Костя стал разматывать фал. Женька не выдержал:

— Иван Павлович, это что же получается! Ведь отсюда до аэродрома только по прямой шестьдесят километров. Вы представляете, сколько ему придется добираться на перекладных?

— Найди в этом безлюдье кого-нибудь, чтобы помог нам взлететь.

— Но в таком случае для Жукова надо было прихватить хотя бы денег на дорогу!

— Может, ему еще сюда котел со шницелями доставить? О чем же вы думали, когда на рекорд шли? — гуды Колодкина дрогнули в усмешке.

Женька рванул дверцу и выскочил из кабины.

— Садись в кабину! — подбежав к планеру, крикнул он Косте. — Ну, чего уставился?

Костя нерешительно уселся в планер.

— Жуков, немедленно вылезь! — властно произнес Колодкин. — Ты слышишь: не-мед-лен-но!

— Выбирайте слабину, Иван Павлович, — насмешливо отозвался Женька, делая отмашки рукой.

Костя уже по всем правилам подготовился к взлету.

— Жуков, слушай, что говорит тебе начальник аэроклуба! — с раздражением закричал Колодкин. — Мне нужно, чтобы сейчас летел Рогов, а я не меняю своих решений!

— Я — тоже, — ослепительно улыбаясь, отозвался Рогов, продолжая, согласно инструкции, делать отмашки.

Еще какое-то время Колодкин испепеляющим взглядом смотрел на Рогова, а потом рывком захлопнул дверку и дал газ, от неожиданности ситуации забыв даже запросить по рации планериста о готовности к взлету.

— Инструкцию надо чтить, Иван Павлович, чтить инструкцию! — кричал Женька, топя рядом с планером. — А то ведь это грех, смертный грех! — продолжал насильничать он голосовые связки и не хохотал от распивавшего его веселья только потому, что трудно было сделать это сейчас, во время бега. Да и жаль, конечно, что Колодкин в этот момент не мог

его услышать, а то бы еще веселее было...

Аэропоезд взял курс на аэродром. Женька еще некоторое время смотрел ему вслед, а потом поднял пиджак и пошел по направлению к проселочной дороге. Вопреки предположениям, до своей палатки он добрался в тот же день, правда, почти уже в полночь. Подобрал его трехтонный молоковоз, направлявшийся в город.

— На чем приехал? — спросил из-под одеяла Костя, когда Женька, раздевшись, полез на кровать.

— Чего тебе не спится? — буркнул Женька. — Угрызения совести? Пусть они тебя не тревожат: я доехал с комфортом.

— Иван Павлович на послеполетном разборе стер нас в порошок. Но, к удивлению всех, от полетов на завтра не отстранил. Боря говорит, что Колодкин против нас что-то задумал.

— Нашел, чем пугать, — сказал Женька.

— Давайте-ка лучше спать, — подал голос Борис. — Чтобы завтра не клевать носом.

Глава четвертая

Женька приподнял брезентовый тент и выглянул наружу. Огромный ярко-красный диск солнца висел над горизонтом. На траве искрилась роса. До подъема еще оставалось минут тридцать, но Женьке не хотелось лежать. Он натянул спортивный костюм и выбрался из палатки. Оставляя на влажной траве отпечатки кед, направился к турнику. Подпрыгнув, ухватился за перекладину. Металл приятно охлаждал ладони.

Повисев несколько секунд, Женька начал подтягиваться. Он с наслаждением напрягал мышцы, приподнимая свое тело над землей, и чем больше

уставали мышцы, тем большее удовлетворение испытывал Женька.

— Вставайте, джентльмены, вас ожидают великие дела! — провозгласил Женька, откидывая тент.

Привычно сходили на завтрак, и вот уже загревели по откатному рельсу многостворчатые двери ангара, и спортсмены приступили к обычному осмотру техники. Никаких особенных событий не ожидалось.

И все же самое непредвиденное произошло на построении, после того, как Колодкин зачитал плановую таблицу на день.

— Значит, так, товарищи, — после короткой паузы начал он. — Все мы отлично знаем, что инструкция разрешает быть авиационным спортсменом до тридцати лет. После этого, к сожалению, приходится спускаться на грешную землю. Как ни прискорбно мне сейчас объявить вам, но поскольку Оконникову Борису Николаевичу перевалило уже за роковую черту, мы с сегодняшнего дня вынуждены отстранить его от полетов, потому что инструкции пишутся для того, чтобы их исполняли. Я бы, конечно, не против, чтобы товарищ Оконников летал, но в данном случае бессилён что-либо изменить. А теперь — разойдись! — закончил Колодкин.

Оконников с непроницаемым лицом отошел в сторону. Женька почти лишился способности логически соображать. Захотелось подойти к начальнику аэроклуба и сказать какую-нибудь дерзость. Потом передумал. Только тут Женька понял, что, вычеркивая начисто из списка спортсменов Оконникова, Колодкин давал всем остальным урок на будущее: не лезьте наперекор заведенным порядкам. Хозяин здесь я, Иван Павлович Колодкин, и спорить со мной бесполезно.

— Не расстраивайся, Николаич, — сказал Женька, подходя к Оконникову. — Что-нибудь придумаем.

— Нет, Женя, здесь уже ничего не придумаешь. Я не мог предположить, что Колодкин нанесет удар именно с этой стороны. А теперь уже ничего не переиначишь. Правда, можно попытаться написать письмо в ЦК ДОСААФ, но ведь эта инструкция появилась на свет именно там. А Колодкин за ней, как за каменной стеной.

— Но ведь это же неправильно! — взъерошился Женька. — Я сейчас докажу это Колодкину!

Он почти бегом бросился на командный пункт.

— Иван Павлович, вы не имеете права отчислять Оконникова, — выдохнул Женька. — Может, эта инструкция и необходима в том случае, если спортсмен уже давно живет старым багажом, а Оконников — один из сильнейших спортсменов аэроклуба. Многим еще надо поучиться у него летать!

— Ну и что? — иронически спросил Колодкин. — Первостепенная задача аэроклуба — подготовка молодых пилотов. А мастеров международного класса пусть готовят в сборной страны!

— Вы сделали это в отместку за парящий полет!

— Не забывайся, Рогов. Будь доволен, что я не отстранил тебя на недельку за вчерашнее самовольство. А теперь не мешай мне работать.

Женька понял, что Колодкин не изменит своего решения. Спрыгнув на землю, он опять подошел к Борису. Тот уже полностью оправился от неожиданного шока и похлопал Женьку по плечу:

— Ничего, старик. Летай теперь за двоих.

Стоявший рядом Костя молчал. Оглянувшись на остальных ребят, Женька пошел к своему планеру. Его «девятка», как всегда, сверкала чистотой.

— Ну, подожди, старая вешалка, — бормотал Женька, устраиваясь поудобней в кабине.

Вскоре он взлетел на буксире за «Яком» Григория Евдокимовича. Когда аэропоезд набрал всего сорок метров, Женька рванул ручку буксировочного замка. Сквозь прозрачную заднюю полусферу «Яка» было видно, как недоуменно оглянулся Григорий Евдокимович, затем в радиии раздался его голос:

— Девятнадцатый, в чем дело? Самоотцепка?

— Я — Девятнадцатый. Отцепился сам.

Круто развернув планер, Женька повел его к центру летного поля. Оставив немного слева от консоли крыла машину руководителя полетов, Женька со словами: «Спокойной жизни захотел, Иван Павлович?..» — двинул вперед ручку управления.

«Бланик» со свистом вошел в почти отвесное пики. С оглушительным звуком приближалась земля. Вот уже скорость достигла более двухсот километров в час. И тогда Женька энергично потянул ручку на себя. Застонали крылья, принимая на себя четырехкратную перегрузку, невидимая сила вдавила Рогова в сиденье. Планер круто полез в небо, затем лег на спину и, замыкая «мертвую петлю», опять понесся к земле в отвесном пикировании.

— Девятнадцатый, сейчас же прекратите хулиганство! — надрывался в кабине голос Колодкина, но для Рогова сейчас ничего не существовало, кроме ориентира на горизонте и приборной доски перед глазами.

Так же безукоризненно «Бланик» описал вторую «мертвую петлю» рядом с КП и пошел на третью. Высота уже была значительно меньше первоначальной, но Женька был уверен, что справится. Правда, вывод из петли Рогов осуществил в каком-нибудь метре от исполосованного колесами зеленого ковра.

После того, как планер прочертил в

воздухе невидимые контуры третьего гигантского кольца, поставленного вертикально, Женька, используя избыток скорости, поднял «Бланик» метров на двадцать, сделал немыслимый разворот на сто восемьдесят градусов и притер «девятку» точно у посадочных знаков.

Притормаживая на пробеге, он заметил краем глаза, что все находящиеся на аэродроме следят за его «Блаником». «Что сейчас будет делать Колодкин?» — весело подумал Рогов. Спокойно открыв фонарь кабины, сбросил парашют и непринужденной походкой направился к командной радиостанции.

— Рогов, больше ты летать не будешь! — закричал сверху Колодкин. — Заруби это себе на носу! Сегодня же заготовлю соответствующий приказ!

— Зачем такая спешка, Иван Павлович? — насмешливо произнес Женька. — Лучше уж утром, на свежую голову...

— Подожди, Рогов, ты еще будешь слезно умолять меня допустить к полетам. Не выйдет! Не выйдет, Рогов!

Но Женька уже не обращал внимания на крики начальника аэроклуба. Он отошел в «квадрат» и сел на лавку.

— Вот это были петельки! — восхищенно сказал Берендеев, — Ивана Павловича чуть удар не хватил.

— Когда пошел на последнюю петлю, думали, все, врежешься в землю. При выходе из пикирования едва траву не сбрил, — добавил кто-то из спортсменов.

— Зря ты все это сотворил, — сказал Костя. — Колодкина таким циркачеством не прошибешь, а себе навредишь. Гулять тебе с сегодняшнего дня у ангара.

— Не беспокойся, раскаиваться не буду, — ответил Женька.

Он был все еще немного возбужден и от своего лихого пилотажа и оттого,

что оказался сейчас в центре внимания. На несколько коротких мгновений Рогов даже поддался какому-то бесшабашному настрою, и весь его вид как бы говорил: знай, мол, наших! Мы не боимся ни Колодкина, ни черта и ни дьявола...

От взлетно-посадочной полосы рулил «Як» Григория Евдокимовича. Развернув самолет около «квадрата», Корнев выключил двигатель, затем устало вылез из кабины. Костя Жуков уж тут как тут:

— Проверочка какая-нибудь нужна, Григорий Евдокимович?

Всем известно, что Костя может часами копаться в самолете или планере, отлаживая и регулируя любую систему. Многие всерьез полагали, что это нудное занятие доставляет ему гораздо больше наслаждения, чем даже парящий полет.

— Проверь управление триммерами, — кивнул Григорий Евдокимович.

Планеристы потеснились на скамейке, освобождая для него место.

— Спасибо, насиделся в кабине, — равнодушно произнес Корнев и перевел взгляд на Рогова.

Женькино бравурное настроение моментально улетучилось. Как-то не вязался такой вот холодный, пронизывающий взгляд с добродушием Григория Евдокимовича.

— Полетал, значит, на воробыиной высоте вверх тормашками и, конечно, в герои себя зачислил? В доброе старое время за такие фокусы, паренек, командирский кулак погулял бы по твоей физиономии.

Никто не проронил ни звука. Женька словно в кипятке побывал: до того жарко стало. Посмотрел на планеристов: кто в землю взгляд опустил, кто с преувеличенным вниманием наблюдал за полетами.

Постояв еще немного, Корнев пошел на КП. В голове у Рогова все смешалось. Выходит, его протест самоуправ-

ству Колодкина считают самым обычным воздушным хулиганством? С трудом удержался, чтобы не броситься вдогонку за Григорием Евдокимовичем и не крикнуть ему, что он обыкновенный заплесневелый сухарь, если разучился понимать реальное значение поступков.

Чья-то рука жестко легла ему на плечо. Поднял блуждающий взгляд: Оконников.

— Успокойся, Женя, — с мягкой твердостью произнес Борис. — Григорий Евдокимович абсолютно прав.

У Рогова пересохло в горле. И это его друг, ради которого он был готов на все, тоже обвиняет его черт знает в чем! Ну, это уж слишком!

— Я понимаю тебя, как никто другой, — продолжал Борис. — И совсем не собираюсь читать мораль. Я хочу только одного: чтобы ты критически осмыслил свои действия и не наделал еще больших глупостей.

— Выходит, мне надо было поаплодировать, когда Колодкин зачитал приказ о твоём отчислении?

— А ты подумал о том, какие последствия могли быть для аэроклуба, если бы тебе не хватило высоты? Сам знаешь, что бывает после таких происшествий.

— Сразу виден аналитический ум инженера, которому уже за тридцать! — зло выговорил Женька и рывком сбросил руку Оконникова со своего плеча.

— Сам же ведь говорил всю зиму, что без железной дисциплины в авиации делать нечего, — произнес кто-то из планеристов, и эта фраза для Рогова была подобна удару под «ложечку».

— Труссы несчастные! — только и смог выдохнуть Женька и пошел из «квадрата».

В груди klokотало то ли от обиды, то ли от злости, что все вокруг такие умненькие и чистенькие. Только и мо-

гут, что втихомолку возмущаться, а когда дело доходит до драки, так сразу все по углам и еще начинают поучать: так нельзя, по-другому надо было. А как по-другому?

— Как — по-другому? — вслух произнес Женька и остановился.

Сердце уже бухало не так резко, да и в голове мысли перестали путаться, принимая более четкий ход. Торопиться особенно было некуда. Завернув в методический городок, Рогов сел на скамейку и задумался.

Три года уже летает он на планерах, без особых трудов выполнил норму первого спортивного разряда. Еще когда был всего лишь третьеразрядником, спортивное будущее виделось отчетливо, словно чеканка по металлу в лучах солнца.

А теперь вот с получением первого разряда словно что отказало в хорошо отлаженном механизме, и вся машина заработала вхолостую. Если раньше доставляло удовольствие само ощущение полета, то сейчас этого стало недостаточно.

Может быть, пора бросить к чертовой бабушке планеризм да приналеж на науки? Все равно профессиональным летчиком он быть не собирается, а достичь вершин планеризма здесь, в Сибири, да еще у такого авиационного начальника, как Колодкин, — несбыточная мечта. И ни к чему тогда весь этот высший пилотаж на недопозволенной высоте и постоянные стычки с начальником аэроклуба...

Опять в груди поднялось недовольство на окружающих за то, что обвинили его во всех смертных грехах. Вот она, лакмусовая бумажка дружбы и товарищества...

Углубленный в собственные мысли, Женька не заметил, как в методический городок вошел Оконников.

— Лихорадит? — спросил тот, усаживаясь напротив.

— Ничуть, — вяло отозвался Жень-

ка. — Просто я сейчас пришел к выводу, что Колодкин, пожалуй, не так уж и неправ, утверждая, что настоящих летчиков готовят на реактивной технике, а на планерах так, одно недо-разумение.

— Знаешь, сейчас в морях ходят суда с атомными двигателями, но все равно настоящую морскую закалку дает плавание под парусами. Это слова одного адмирала. А ты что, разочаровался в планеризме?

— Да нет, просто надоело все.

— Быстро же ты израсходовал весь порох, председатель спортивного совета клуба. А мы-то думали, когда выбирали тебя, что ты чем-то вроде тарана будешь.

— Сейчас самое время перензбать. Колодкин возражать не будет.

— Старик, оставим Колодкина в сторонке. Сам-то ты как относишься к своему ухаживанию? Только по-честному и без пузырей...

— Каюсь и плачу...

— Давай без юродства! — резко оборвал его Борис. — Ты, конечно, можешь обвинить меня в свинстве и еще в чем, но скажу тебе прямо: ты действовал во вред себе и другим. С Колодкиным надо бороться другими методами. А ты своим трюкачеством даешь ему лишнюю козырь в руки. Он теперь на любую жалобу планеристов сразу контрдовод выложит: воздушные хулиганы требуют простора для своих действий. И любая комиссия встанет на сторону начальника аэроклуба.

— Прекратим об этом. Сам все вижу и понимаю. Но теперь уже не переиначишь. Ты лучше посоветуй, что мне делать, чтобы Колодкин не отстранил от полетов?

— Советовать тебе тут нечего. Сам знаешь...

— Ну, хорошо, хорошо, понимаю, что поступил глупо, но ты-то человеком можешь быть хотя бы в данный мо-

мент? Чтобы не тыкать меня носом, как шкодливого щенка! — Женька даже привскочил, но тут же остыл и монотонно добавил, — И все-таки идти к Колодкину вымаливать прощение не могу. Понимаешь, не могу.

— Можешь не ходить персонально к Колодкину, — после непродолжительного молчания ответил Борис. — Не один он будет разбирать твой проступок. Но учти одно: если тебя отстранят от полетов до конца сезона, остальным перворазрядникам в аэроклубе тоже нечего будет делать. Поэтому что у Ивана Павловича появится повод закрутить гайки до отказа.

— Что же мне делать... — растерянно пробормотал Женька.

— Ну, опять — на колу мочало... — усмехнулся Борис. — Самое главное, не вешать носа. И чувствовать свою ответственность.

До самого вечера Рогов не находил себе места. Только теперь он с окончательной ясностью понял, какой стороной обернулось его легкомыслие. О том, что могло быть, если бы он «разложил» планер, даже боязно было думать. Ведь его могли навсегда отлучить от планеризма.

Вариант со смертельным исходом Женька исключал. Во всяком случае, ему хотелось верить, что такого с ним вообще не могло произойти. Уж что-то, а прямого удара о землю он все равно не допустил бы. Даже если бы ему высотомер наврал...

Вспомнилось начало осени, когда Колодкина только что назначили начальником аэроклуба. Ведь он, действительно, тогда первым из планеристов открыто стал поддерживать все нововведения начальника. Потому что по-своему поверил в него.

Иван Павлович тоже, наверное, по-своему, верил ему, Рогову. Даже личный планер выделил.

Почему же потом все так пошло? Ограничения, ограничения. И, наконец,

отчисление Оконникова. Но ведь Колодкин отчислил его, придерживаясь параграфа инструкции. Неважно, какими чувствами он в это время руководствовался. Важно то, что по инструкции Колодкин прав. Чего он, Рогов, о себе в данный момент сказать не может. И никакие высокие слова не будут приняты во внимание, когда начнется разбор его поведения, потому что он нарушил железный закон авиации: переступил грань дозволенного.

На душе кошки скребли. Пересилив себя, сходил на ужин. Вяло жевал, ни на кого не глядя. Сидевшие рядом за столом Костя с Борисом в общем-то держались непринужденно, но разговор не затевали.

Все уже знали, что после ужина Колодкин назначил собрание инструкторов, где будет разбираться проступок Рогова. Когда вышли из столовой, Костя подтолкнул Женьку локтем:

— Не трусь, председатель совета! Могу тебе сказать по секрету: Григорий Евдокимович и тот переживает за тебя, хотя ты, конечно, дуешься на него и на Бориса тоже.

— Ни на кого я не дуюсь, — буркнул Женька.

Когда Женька вошел в штаб, весь инструкторский состав был уже в сборе. Отсутствовал лишь Колодкин. Рогов неслышно пристроился на крайний стул.

Как всегда, стремительно вошел Колодкин. Властно сел за стол, подперев подбородок руками, на какое-то мгновение задержал взгляд на Рогове.

Женька не опустил глаза: смотрел на начальника аэроклуба прямо, но без вызова.

Вилить не буду, как бы говорил его взгляд, можете спрашивать — отвечать буду только по существу.

— Ну что, товарищи, времени терять не будем, приступим к делу, — сказал Колодкин и откинулся на спинку стула. — Рогов, встаньте!

Женька поднялся, выпрямившись по стойке «смирно».

— Слушаем вас, — кивнул ему начальник аэроклуба.

Несколько секунд в штабе стояла тишина. Женька пытался собраться с мыслями, а в ушах все еще стояли слова Оконникова: «Я хочу только одного: чтобы ты не натворил новых глупостей».

— Виноват полностью, товарищ начальник аэроклуба, — твердо выговорил Рогов. — Хочу просить только об одном: не отстраняйте меня от полетов. Заверяю всех присутствующих здесь, что больше ничего подобного со мной не повторится. Прошу вас поверить мне в этом.

— О чем вы думали раньше, Рогов? — спросил сидевший рядом Плехин.

— Он думал удивить мир двухколесным велосипедом! — резко вставил Колодкин. — Хотя как следует не научился еще ездить и на трехколесном. Вы пока свободны, Рогов.

Женька вышел, осторожно прикрыв за собой дверь. Тоскливое чувство не покидало его. Неужели для него сегодня все кончится и кроме обязанностей аэродромного рабочего ему ничего не доверят?

Что ж, остается только ждать, больше что-либо предпринять он уже не в силах.

После того, как за Роговым закрылась дверь, Колодкин перешел в решительную атаку.

— Сегодняшний проступок Рогова вообще не подходит ни под какие мерки, — веско начал он. — И я, как руководитель учебной авиационной организации, считаю, что за эту выходку, граничащую с преступлением, Рогов заслуживает отстранения от полетов до конца сезона!

Колодкин сел. Никто не торопился высказываться. Пауза затянулась, и

это начинало раздражать Ивана Павловича.

— Рогов числится в звене Плахина, так что, Леонид Иванович, вам и карты в руки. Дайте оценку всему происшедшему.

Плахин медленно поднялся. Хотя и он пережил несколько сильных моментов, наблюдая, как планер в зловещей близости от земли замыкал «мертвые петли», в душе он все же поддерживал Рогова. Ему вообще нравился этот смелый, целеустремленный планерист, у которого задатки настоящего парителя. И то, что начальник аэроклуба искусственно сдерживал рост мастерства спортсменов, вызывало у Плахина протест. Он сам начинал в этом аэроклубе, так же, как и Рогов, рвался в маршрутные полеты и теперь, после окончания школы летчиков-инструкторов, третий год обучал ребят нелегкому искусству безмоторного полета.

Разумеется, Леонид Иванович отлично понимал, что явилось истинной причиной выхода Рогова. Отчисление Оконникова, одного из самых опытных и дисциплинированных спортсменов, Плахин считал ненужным и даже вредным для аэроклуба.

— Я согласен с тем, что Рогов заслужил наказание за свой слишком рискованный пилотаж, но все же, думаю, не такое суровое, какое предложил здесь Иван Павлович. Я верю, что Рогов, действительно, уже осознал свою вину.

— Значит, вы, Леонид Иванович, не поддерживаете моего предложения об отстранении Рогова от полетов до конца сезона? — подал голос Колодкин.

— Такое предложение, Иван Павлович, я поддержать не могу хотя бы потому, что у Рогова раньше вообще не было даже малейших замечаний. Парящий полет — это творчество, и

он именно с такой меркой подходит к каждому полету.

Неожиданно слово попросил Корнев. Все выжидательно смотрели на него: что скажет сейчас этот старый аэроклубовский волк, обучивший не одно поколение курсантов и свято чтивший «наставление по производству полетов»?

— Я полностью согласен с Плахиным и считаю, что отстранение Рогова от полетов до конца сезона слишком жестокое для него наказание. Недели, я думаю, ему вполне хватит, чтобы как следует осмыслить свое поведение. К тому же не могу умолчать еще об одном: о странных правилах, установившихся в нашем аэроклубе. Почему-то взят курс на жесткую опеку спортсменов. Чуть удалился от аэродрома, уже нарушение безопасности полетов. Это порочная практика, и она в конце концов приведет к тому, что в нашем аэроклубе планеристы, действительно, разучатся летать по-настоящему.

Колодкин недовольно заерзал на месте. Он надеялся, что обсуждение поступка Рогова пойдет по хорошо намеченному руслу и можно будет принять соответствующее решение, которое раз и навсегда покончит с «крикунами». Но вышло все наоборот.

Более того, предметом разговора неожиданно стали порядки в аэроклубе. Это уже было открытое осуждение стиля работы Колодкина. Не считаться с возникшей ситуацией значило еще более накалить обстановку. К тому же Колодкин явно перегнул палку, настаивая, по существу, на исключении Рогова из числа спортсменов, как минимум, на год. И начальник аэроклуба поспешил предупредить опасное разворачивание событий.

— Я думаю, поскольку Рогов выполняет обязанности инструктора-общественника, полностью отстранять его от полетов нецелесообразно. Но в

то же время и оставлять его безнаказанным я не могу, прежде всего, в интересах дела. Поэтому я считаю, что Рогов заслужил того, чтобы на две недели быть отстраненным от парящих полетов. У кого-нибудь будут возражения?

Возражений не было. Все понимали, что Колодкин принял соломоново решение в расчете на то, что сразу убьет двух зайцев: и свой престиж сохранит, и пусть хоть на две недели, но избавится от атак настырного Рогова.

— Позовите его, — приказал Колодкин.

Женька вошел, стараясь по лицам присутствующих определить, что же ему сейчас скажут.

— Строгий выговор тебе с предупреждением и отстранение от парящих полетов на две недели, — спокойно произнес начальник аэроклуба. — И советую помнить, что ты не только спортсмен, но и еще инструктор-общественник. Можешь быть свободен!

У Женьки гора с плеч свалилась. Постоял несколько секунд, переводя дух.

— Отлично понято! — коротко произнес он и, повернувшись по-военному, вышел.

Наказание было весьма ощутимым для него, но не таким уж страшным. Выйдя из штаба, Рогов усталой походкой побрел по направлению к палаткам. Задумавшись, не заметил, как натолкнулся на Жукова с Оконниковым.

— Отстранение от парящих полетов на две недели, — сказал Женька, упреждая вопросы друзей.

— Что ж, вполне заслуженное наказание, — подытожил Борис. — А если учесть настроение Ивана Павловича, то еще дешево отделался.

— Теперь нужно присмиреть и не воевать с Колодкиным, — высказался Жуков. — Лично я доволен полетами

даже в районе аэродрома. Меня вот больше занимает мысль о том, чтобы изобрести такой прибор, который бы улавливал восходящие потоки на расстоянии, как, скажем, радар улавливает изображения отдаленных предметов. Вот тогда планеристы, действительно, начнут летать по-настоящему.

— Колодкины останутся и после твоего изобретения, — мрачно произнес Женька и подел ногой валявшийся на траве прут.

— Не надо беспредметных разговоров, — спокойно заметил Борис. — Главное, что все закончилось относительно благополучно.

Из динамика, укрепленного на крыше ангара, прозвучал сигнал отбоя.

— Пора в свой вигвам, — с легким зевком проговорил Женька.

Глава пятая

Впервые Женька проснулся без будоражащего чувства: как там сегодня в небе, будет «держаться» или нет? Напротив безмятежно всхрапывал Костя. Он вообще засыпал сразу, как только оказывался в постели, и просыпался лишь с сигналом подъема.

Поодаль стояла кровать Оконникова. И хотя лежал он не шевелясь, Женька чувствовал, что Борис давно уже проснулся.

— Ну что, старик, какие планы на сегодняшний день? — подал голос Женька.

— Загорать, наверное, буду на крыше ангара, — помедлив, ответил тот.

Женька почувствовал себя неловко за бестактный вопрос. Потер переносицу и предложил:

— Слушай, а почему бы нам не написать письмо в ЦК ДОСААФ о том, что начальник аэроклуба, по существу, поставил запрет на маршрутных полетах? Ведь не бесчувственные же люди там сидят.

— Пусть лучше окажутся с понятием, чем с чувствами.

— Значит, поддерживаешь идею?

— Значит, поддерживаю.

Женька потянулся к тумбочке. Пошелкивая шариковой авторучкой, сочинил письмо. Поставил свою подпись, передал листок Борису. Потом толкнул в бок Жукова:

— Вставай, а то без твоей подписи недействительно.

Костя непонимающе моргал глазами.

— Давай подписывай живее! — Женька взял у Бориса письмо, передал его Жукову.

— Что это?

— Докладная Колодкину, что дрыхнешь помногу.

Костя прочел листок, заспанное его лицо расплылось в довольной улыбке.

— Это то, что надо.

Борис на какую-то минуту тоже оживился, потом опять стал задумчивым.

— С письмом, конечно, нелишне, — произнес, наконец, он. — Но только навряд ли после него сразу последуют какие-то радикальные изменения.

— К чему твой пессимизм? — недовольно спросил Женька, но тут же осекся. Им-то с Костей хорошо быть оптимистами, а каково ему находиться здесь, при небе, и не летать?

— Не думай, что слова мои продиктованы ситуацией, в которой я оказался, — словно угадав Женькины мысли, добавил Борис. — Просто я хочу, чтобы ты отрезвился, наконец, от своего верхоглядства и на некоторые явления глядел более глубоко.

— Постараюсь, — пообещал Женька.

После завтрака Колокольцев поручил ему руководить разбивкой старта, и Рогов, по традиции отобрав в стартовый наряд несколько расторопных салаг во главе с Берендеевым, погрузил в кузов грузовика весь нехитрый скарб и поехал в центр летного поля.

Наметанным глазом Женька опре-

делял ширину посадочных «ворот» и тут же давал указание, где укладывать полотнище.

— Вот это глазомер! — восхищенно воскликнул Лев, решивший опытным путем проверить Женькину способность определять на глаз расстояние. Между полотнищами, изображавшими «ворота», оказалось ровно пятьдесят метров. Точно в соответствии с инструкцией.

Женька первым в своей группе запланировал полет Льву Берендееву в зону, на выполнение штопора. Штопор — основа основ всего пилотажа. Освоишь все тонкости этой фигуры, значит, будешь парителем.

Женька хорошо помнил свое волнение перед первым полетом на сложный пилотаж. Поэтому, наблюдая, как Берендеев слишком долго и тщательно крутил регулировочную ручку педалей, Рогов понятливо усмехнулся.

— Не дрейфь, Лева, — весело произнес Женька, захлопывая фонарь кабины. — Вспомни, что когда на заре авиации поручик Константин Константинович Арцеулов первым в мире преднамеренно ввел самолет в штопор, он еще не знал, сумеет ли выйти из этого «гробового», как тогда считалось, положения. А сегодня штопор благополучно выполняют спортсмены, имеющие за плечами налет в пять часов с минутами. Так что, выше голову, старик!

— Я и так уже затылком подпираю фонарь, — жалобно ответил Берендеев.

На взлете у Рогова претензий к своему подопечному не было. Лишь когда аэропоезд стал выполнять первый разворот, Берендеев дал «Бланику» слишком большой крен, не соответствовавший скорости и радиусу разворота, так что планер весьма ощутимо заскользил на внутреннее крыло.

— Следи за шариком! — крикнул

Рогов, парируя рулями скольжение планера.

Берендеев виновато покрутил головой и снова впился взглядом в хвост буксировщика.

Рогов спокойно сидел во второй кабине, изредка поглядывая по сторонам. Немного выше и правее «карусели» два «Бланика». По всему было видно, что это начинающие парители, которых всегда можно было узнать по «походке». Обнаружив облако с маломальски подходящим потоком, они цеплялись за него и кружились до тех пор, пока оно не начинало распадаться или его не относил ветром далеко от аэродрома.

«Приготовишки желторотые! — усмехнулся Женька. — Отойди немного в сторону и уприсься носом в поток, еще более сильный».

Впрочем, он тут же вспомнил, каким был сам нерешительным в первых парящих полетах, и снисходительность уступила место философскому заключению: «Все повторяется».

Аэропоезд между тем вошел в зону. Буксировщик пилотировал Плахин. Стрелка на высотомере уже перевалила восьмисотметровую отметку, а сигнала об отцепке все не было. «Решил Иваныч подкинуть нам лишнюю сотню метров», — догадался Рогов. На высоте девятисот метров Плахин передал по радио: — Отцепляйся! — дублируя команду покачиванием крыльев.

— Запрашивай разрешение, — сказал Женька Берендееву.

Неестественно громким голосом Лев запросил по радио разрешения у руководителя полетов на выполнение задания. Планер находился уже в центре зоны.

— А теперь слушай внимательно и запоминай, — произнес Рогов. — Видишь внизу слева и чуть впереди по курсу небольшое дерево? Это я наметил ориентир для вывода из штопора. Ты тоже следи за ориентиром и осо-

бенно за действиями рулей. А теперь — гасим скорость.

Женька стал плавно выбирать ручку на себя. Стрелка указателя скорости поползла влево. Восемьдесят километров в час, семьдесят, шестьдесят пять. «Бланик» вдруг резко задрожал всеми плоскостями, словно в ознобе.

Рогов до конца прижал к себе ручку управления и энергично послал вперед левую педаль. Небо ушло куда-то в сторону, перед глазами вздыбилась земля, сверкавшая всеми красками лета.

Вращение продолжалось несколько коротких секунд. Когда исчезнувший силуэт дерева вновь появился перед глазами, Женька дал рули на вывод. «Бланик» послушно перешел в пикирование, а затем — в нормальный полет.

— Повтори теперь сам, — сказал Рогов.

Планер вновь, вращаясь, пошел к земле. Берендеев от волнения слишком резко поставил рули на вывод. Привязные ремни врезались в плечи, в голове зашумело от прилившей крови.

— Ты за ручку держишься или за хвост годовалого бычка? — рявкнул Женька. — Плавнее надо работать!

Берендеев пристыженно молчал.

— Ладно, бывает, — уже мягче произнес Женька. — Давай крути опять.

Лев теперь действовал более спокойно. Планер дважды еще побывал в штопоре.

— Нормально, — похвалил Рогов, — А сейчас — левую спираль.

Берендеев прибавил скорость и плавно начал вводить «Бланик» в разворот, с каждой секундой увеличивая крен. Снаружи стал нарастать пронзительный свист ветра.

— Следи за скоростью и за шариком, — подсказывал сзади Рогов.

Лев и так косил одним глазом на

шарик, а другим — на линию горизонта. Шарик — точно в центре, значит, «Бланик» закручивает нисходящую спираль по всем правилам пилотажа.

В какое-то мгновение шарик дрогнул, сместился в сторону. Лев чуть-чуть надавил на педаль, стараясь вернуть шарик на место. Планер вдруг опустил нос и, вильнув хвостом, начал вращаться. Линия горизонта исчезла из поля зрения.

«Плоский штопор!» — пронеслась в Женькином мозгу леденящая мысль.

На самолете из него выходят, дав полный газ двигателю. На планере такой возможности нет.

Рогов попытался вывести «Бланик» в нормальное положение — бесполезно. Серебристый красавец бесстрастно отмахивал своими огромными крыльями смертельные витки.

— Деятнадцатый, прыгайте! — громыхнула бортовая радиостанция.

Рогов увидел, как голова Берендеева ушла в плечи. Видимо, до этого момента он не догадывался, в какое опасное положение они попали.

— Выбрасывайся! — коротко приказал Рогов.

— Я не могу! — сдавленно произнес Берендеев.

— Расстегивай ремни и прыгай! — с таким неистовством закричал Женька, что запершило в горле.

Берендеев даже не шевельнулся, застыв в каком-то оцепенении. Рогов прекрасно сознавал, что такое прыжок из штопорящегося планера. Надо так выброситься из кабины, чтобы не столкнуться с «Блаником», пролететь в свободном падении несколько секунд, а потом уже выдергивать кольцо парашюта. Для семнадцатилетнего Берендеева, имеющего за плечами лишь один тренировочный прыжок с принудительным раскрытием парашюта и пять часов налета, сейчас наверняка невыполнимая задача.

Как в гигантском калейдоскопе, перед глазами крутилась земля. И она неотвратимо приближалась. Каждая клетка Женькиного тела была наполнена одним желанием: рвануть ручку аварийного сброса фонаря кабины и ринуться за борт, в зияющую пустоту. Он даже почти физически ощутил упругую струю воздуха, которая схватит его в свои объятия, безжалостно закрутит, затем громкий хлопок над головой раскрывшегося купола, и ты уже раскачиваешься над землей на туги натянутых стропах.

И никто бы не смог обвинить Рогова. Потому что инструкция предписывает экипажу в подобных ситуациях, когда летательный аппарат практически неуправляем, немедленно покидать борт на парашютах. И руководитель полетов уже отдал такой приказ, который зафиксировала лента магнитофона.

Он-то спасется, а вот Берендеев...

В сотую долю секунды пришло решение, Женька схватил управление и сделал то, что, казалось, противоречило логике: отклонил рули в сторону вращения планера. Он знал, что это увеличит угловую скорость и «Бланик» из плоского штопора должен перейти в крутой, нормальный.

Только бы хватило высоты! А там — рули на вывод, и спокойно на аэродром. А пока — ждать. Решение принято, и менять его поздно. Спасение — в ожидании. Но как трудно перебороть в себе инстинкт самосохранения, отказывающегося понять это. И оттого ожидание превращается в невыносимую пытку, хотя счет времени идет на секунды.

Это был единственный шанс. И он должен сработать. Должен.

Не может быть, чтобы в такой прекрасный солнечный день, начало которого ты встречал переполненный самыми радужными надеждами, потому что тебе лишь двадцать с небольшим,

на земле образовалась куча обломков, которая похоронит под собой двух планеристов, каждый из которых искал свою дорогу в небе.

«Только бы хватило высоты!» — сверлила голову мысль.

— Мы же сейчас врежемся, — захлебываясь словами, произнес Берендеев и сделал попытку ухватиться руками за борта кабины. Но мешал фонарь, и правая ладонь Льва, скользнув по плексигласу, непроизвольно ударила по ручке аварийного сброса.

Раздался металлический звук открывшихся замков, и огромный прозрачный колпак, подхваченный встречным потоком воздуха, исчез за хвостовым оперением «Бланика». Уменьшение веса оказало свое воздействие или теория не разошлась с практикой, но только планер неожиданно изменил траекторию падения и вошел в крутой штопор.

Вот он, долгожданный миг! Рули — нейтрально. Теперь — на вывод.

Рогов действовал почти автоматически. Вильнув на последнем витке штопора заданным стабилизатором, планер прекратил вращение и вошел в пике. До земли оставалось совсем немного. Нарастающий поток воздуха трепал Женькины волосы, выжимал слезы из глаз, но Рогов с окаменевшим лицом неотрывно смотрел прямо перед собой, в ту точку земли, куда сейчас был нацелен нос планера. Взгляд выхватывал извивающуюся поодаль неширокую речку с густыми зарослями ивняка по берегам, а чуть дальше — аккуратную березовую рощу, около которой, помахивая хвостами, паслось стадо коров. И оттого, что не было привычного фонаря над головой, мчавшийся навстречу земной ландшафт казался сейчас особенно зловещим.

Женька сам не знал, как ему удалось перебороть в себе рвущееся желание потянуть ручку управления на

себя, едва лишь планер перестал вращаться. Разум переборол инстинкт самосохранения: скорость была еще слишком мала, и планер мог снова свалиться на крыло.

Пора! Ручку управления — до конца на себя. Плевать на перегрузки и на инструкцию, запрещающую в целях безопасности так резко выходить из пикирования.

Планер звенел. Надсадно потрескивали лонжероны крыльев, которые дрожали сейчас от напряжения, словно руки человека, удерживающего неимоверную тяжесть.

Почти задевая траву, «Бланик» вышел из пике. Впереди, прямо по курсу, мчался навстречу березовый лес. Слева вытянули с выжидательным вниманием добродушные морды коровы.

Осторожно, стараясь не зацепить крылом землю, Женька сделал отворот вправо. Путь «Бланику» пересекла река. Для следующего отворота уже не было высоты.

«Только бы не плюхнуться в воду», — успел подумать Женька, и — была не была! — слегка взял ручку управления на себя. Скорости все же хватило еще на то, чтобы немного приподнять планер над зарослями ивняка.

Здесь он, словно окончательно обессилев, закачался с крыла на крыло и с полуметровой высоты рухнул вниз на кусты. Затрещали ветки, и «Бланик» неподвижно замер на ивняке, касаясь стабилизатором воды.

— Приехали, — сказал Женька.

Только тут он почувствовал, как колотится сердце и дрожат руки.

— Юпитер, я — Деятнадцатый, благополучно плюхнулся на кусты, — передал Рогов в микрофон.

— Молодец, Деятнадцатый, — последовала «квитанция», и Рогов не понял, всерьез это произнес Колодкин или с издевкой.

Впрочем, сейчас ему было все равно.

Током пронзила мысль: «Если бы Плахин от избытка чувств не забросил нас на сотню метров выше, чем положено, лежать бы нам сейчас с переломанными костями...»

Впереди завозился Берендеев.

— Ты чего? — лениво спросил Рогов.

— Вылезти хочу, надоело сидеть.

— Там надо было спешить вылезать, а здесь торопиться некуда.

Берендеев притих.

Как хорошо чувствовать себя живым и невредимым и знать, что небо тебя полностью признало своим и у тебя есть мужество, чтобы бороться до конца в самой, казалось бы, безнадежной ситуации.

Послышалось знакомое тарахтенье «Захара», в кузов которого до отказа набились планеристы, некоторые висели на подножках. «Захар» остановился у самой кромки берега, метрах в пяти от зависнувшего «Бланика». Из кабины степенно вышел Колодкин. Из кузова, словно десантники из «Антея», хлынули планеристы:

— Как самочувствие, Женья?

— Ну и падали вы — загляденье!

— Хорошо, что не до земли...

Колодкин окинул взглядом реку, словно собираясь пересечь ее вплавь, потом резко спросил Рогова:

— Почему не выполнили мой приказ и не покинули планер на парашютах?

— Прыжок не гарантировал наше спасение, — ответил Рогов.

— В инструкции ясно сказано, в каких ситуациях надо покидать планер, — уже раздраженным тоном перебил Колодкин. — Сейчас была именно такая ситуация. То, что вы с Берендеевым остались целы и невредимы — лишь счастливая случайность. Я едва не облысел, пока вы падали, а ты даже после всего случившегося свой гнилой нигилизм разводишь.

— Не все ситуации можно подо-

гнать под инструкцию, Иван Павлович, — вяло отозвался Женька.

Им вдруг овладело полное безразличие к шумным восторгам друзей-планеристов по поводу того, что он все-таки вывел «Бланик» из плоского штопора, и к раздражительной ситуации начальника аэроклуба. Отбросив ремни, одним махом, словно на гимнастических брусьях, встал на борта кабины и, перешагнув через голову Берендеева, прыгнул на берег, с трудом удерживаясь на онемевших ногах.

— А вы чего ехали сюда? — напустился Колодкин на планеристов, словно только теперь заметил их присутствие. — Разболтались, понимаешь, тут, а о том не думают, что об этом случае в ЦК ДОСААФ надо сообщать, и все «шишки» достанутся не кому-нибудь, а мне! Быстро в кузов!

Толкая друг друга, планеристы забрались в машину.

— А вы почему стоите? — обратился он к Жукову и Оконникову, которые словно не слышали слов начальника аэроклуба.

— Рогову будем помогать, — ответил Костя.

— Чтоб к вечеру планер был на аэродроме, — жестко сказал Колодкин. — Иначе забудете, как маму звать... Трогай! — скомандовал он шоферу.

Раздавливая лысыми скатами комья земли, «Захар» неторопливо покатил по направлению к аэродрому.

Глава шестая

После этого случая планеристы стали звать Женьку не иначе как «король штопора». Сначала ему это льстило, а потом вдруг надоело. Куда приятней было бы именоваться «королем парящих полетов...» Но о том, чтобы «сходить по маршруту», нечего было и думать: Колодкин глядел вол-

ком и часто устраивал всем разнос по самому пустячному поводу. Впрочем, и сам Женька на какое-то время забыл о дальних перелетах, отдавшись целиком хлопотливой деятельности инструктора-общественника. В один из дней, когда после очередного учебного полета он блаженствовал под крылом «Бланика», к нему подошел Оконников:

— Умаялся? — с усмешкой спросил Борис.

— Тело запросило минутного покоя, — флегматично ответил Женька.

— А у меня новость для тебя, — Борис достал из кармана надорванный конверт. — Письмо из ЦК ДОСААФ.

Женька выхватил у Оконникова плотный конверт:

— Интересно, что они там пишут? Ага, сразу быка за рога.

«По вашему письму относительно запрещения полетов с внеаэродромной посадкой начальником аэроклуба ничего пока конкретного сказать не можем. Аэроклуб с планом подготовки спортсменов справляется, летных происшествий не имеет. Что касается подготовки мастеров спорта, то подходить с одинаковой меркой ко всем учебным авиационным организациям нельзя. Советуем еще раз вам обсудить этот вопрос на месте, исходя из конкретных условий. Не исключено, что в конце летного сезона к вам в аэроклуб будет командирован летчик-инспектор, который досконально проверит работу учебной организации», — Женька кончил читать и выжидающе уставился на Оконникова.

— Ну, и как впечатление? — спросил Борис.

— Мне кажется, здесь есть рациональное зерно, — сказал Женька. — Во-первых, ясно же сказано: советуем еще раз обсудить этот вопрос, исходя из конкретных условий. А конкретные условия таковы: с одной стороны —

спортивный совет клуба, а с другой — Колодкин, обладающий практически неограниченной властью. И все-таки наше положение не так уж безнадежно. В письме хоть косвенно, но поддерживают. Так что, я думаю, нам стоит заварить кашу.

— Ты и так уже достаточно накашеварил, — добродушно заметил Борис.

— И все-таки, как говорится, ветер начинает дуть в наши паруса. На, прочти статью в «Крылышках». Только что в библиотеку принесли. Там прямо говорится о том, что пора на планеризм обратить самое пристальное внимание, — Рогов протянул Борису свежий номер журнала «Крылья Родины». Оконников раскрыл журнал и углубился в чтение. В статье анализировались проблемы планеризма. Появление статьи не было случайностью, осенью исполнялось ровно пятьдесят лет зарождению этого вида спорта в стране.

— Это то, что нам нужно, — произнес Борис. — Перемены к лучшему должны все же произойти.

Потом они с Женькой наметили план действий. Решили, что в самые ближайшие дни спортивному совету аэроклуба следует провести общее собрание планеристов. Официально пригласить Колодкина и откровенно поговорить об аэроклубовских делах.

— По-моему, Иван Павлович постарается увильнуть, сославшись на неотложные дела, — высказал предположение Рогов. — В крайнем случае, поручит это Колокольцеву. А тот, в свою очередь, будет кивать на Колодкина: без него, мол, ничего решить не могу.

— Постараемся предупредить такой поворот событий, — ответил Борис.

Против ожидания, Колодкин не стал возражать. Перечислил все свои текущие дела (выходило — невпроворот) и назвал дату собрания — завтрашний день.

— Видимо, новые веяния заставили Ивана Павловича по-иному взглянуть на некоторые вещи, — усмехнулся Женька, когда они с Борисом вышли из штаба.

Рогов основательно подготовился к собранию. Предварительно переговорил почти со всеми спортсменами-перворазрядниками. Вырисовывался ясный план предстоящего выступления.

Собрались в методгородке. Женька немного волновался. Мучило сомнение: сможет ли он аргументированно доказать, что нынешнее благополучие аэроклуба — чисто внешнее и, если дальше так будет идти дело, то последствия могут быть самые плачевные.

Начал он со статьи в журнале «Крылья Родины». Потом непосредственно перешел на тему подготовки планеристов высших разрядов. Сказал то, о чем не раз уже говорил Колодкину в неофициальной беседе: об абсурдности запрета парящих полетов по маршруту.

Почувствовал, что если и дальше будет продолжать, то перейдет на личность начальника аэроклуба. А Борис перед собранием предупредил, чтобы разговор шел о деле, а не о Колодкине.

— У меня, пожалуй, все, — подытожил Рогов и сел.

После него слово попросил Оконников.

Рогов видел, как дернулся Колодкин в ответ на желание Оконникова высказаться, но после секундного колебания все же не решился возразить.

— Сейчас, когда в ЦК ДОСААФ обратили серьезное внимание на планеризм, — негромко начал Борис, — нам тоже следует пересмотреть некоторые свои позиции.

— Вы хотите сказать, руководству аэроклуба? — подал реплику с места Колодкин.

— Совершенно верно, Иван Павлович, — спокойно ответил Оконников. — Пора уже от слов перейти к делу. Сейчас во всех аэроклубах планеристы стараются встретить свой юбилей высокими спортивными достижениями. Нам тоже, пока есть еще время, стоило бы подумать об этом. Я, например, считаю, что Рогов подготовлен во всех отношениях к тому, чтобы совершить полет на дальность. Это будет не только нашим подарком к юбилею, но и явится весьма существенным аргументом против устоявшегося мнения, что Сибирь — неподходящее место для развития планеризма.

— Что ж, в самое ближайшее время мы обсудим ваше предложение, — сказал Колодкин, когда Оконников сел.

Среди планеристов прошел легкий шумок, но тут неожиданно поднялся Леонид Плахин.

— Я полностью поддерживаю выступление планериста Оконникова, — сказал Плахин, сделав ударение на слове «планериста». — Рогов, несмотря на молодость, успел уже зарекомендовать себя опытным спортсменом. И не только спортсменом, но и инструктором-общественником. И я, как командир звена, считаю, что нашему аэроклубу пора выходить из младенческого возраста. Так что слово теперь за вами, Иван Павлович.

Колодкин не спешил с выступлением. О чем-то шептался с сидящим рядом Колокольцевым. Потом поднялся, внимательно оглядел присутствующих, видимо, собираясь с мыслями:

— Все, о чем здесь говорилось, мы, конечно, с Александром Анатольевичем, — кивнул он на Колокольцева, — учтем. Что касается полета на дальность, то тут скороспелые решения не годятся. Этот вопрос мы должны обсудить особо.

— Пока будут идти особые обсуждения, лето кончится! — крикнул Костя,

— Не надо митинговать, — поднял руку Колодкин. — Этим вопросом я займусь завтра же. И приму конкретное решение.

После короткого совещания Рогов объявил собрание закрытым.

Планеристы стали расходиться, обмениваясь впечатлениями. Костя не скрывал своего удивления.

— Не тот стал Иван Павлович, не тот. В лоб уже не идет. С чего бы это?

— Костя, ты хороший планерист, но неважный психолог, — сказал Борис. — То, что Колодкин такой — скорее его беда, чем вина. Человек двадцать лет прослужил в военно-воздушных силах. А потом вдруг волей обстоятельств возьмись да и очутись в авиации ДОСААФ, да еще там, где планерная техника. Условия работы здесь совсем другие, чем в ВВС. Там на каждый случай — приказ и железная субординация. А тут нужно работать не по приказу, а по велению сердца. Вот если бы Колодкину отдали распоряжение: подготовить столько-то мастеров спорта, он бы в лепешку разбился, а распоряжение выполнил. А сейчас, если даже и придет инспектор из ЦК ДОСААФ, то навряд ли он сможет предъявить большие претензии к Колодкину: план налета выполняется, летных происшествий аэроклуб не имеет. Не подготовлено ни одного мастера спорта? Так опять же сибирские условия не позволяют.

— Да, ситуация, — задумчиво произнес Костя.

— И все-таки мне кажется, — вступил в разговор Женька, — что от некоторых методов своего руководства Колодкин в скором времени вынужден будет отказаться. Потому что, мы все понимаем, назревают перемены.

— Перемены-то назревают, — опять вздохнул Костя, — да только вот когда они назреют окончательно?

— Думаю, что скоро.

Как-то после обеда, когда Женька присел на лавочке около столовой, подошел Оконников и вытащил аккуратно сложенный лист бумаги:

— Вот посмотри, старик, я набросал приблизительную схему твоего полета. Думаю, что этот вариант наиболее оптимальный.

Женька внимательно ознакомился со схемой. Борис предусмотрел все: и ухудшение метеоусловий на пути следования, и возможные варианты принятия решений.

— Что ж, остается согласовать теперь с Иваном Павловичем, — сказал Рогов.

Колодкин по-деловому одобрил маршрут.

— Так когда мне готовиться? — поинтересовался Женька.

— В принципе ты должен быть готовым ежечасно. А вообще, погоду выбирай сам со своей компанией, — обычным ироничным тоном пояснил Колодкин.

Два дня прошли в томительном ожидании. Извели телефонными звонками метеостанцию местного аэропорта, но каждый раз получали неутешительный ответ. Все же на третий день на небе стало образовываться что-то подходящее. Облачность разрасталась, покрывая весь небосвод. Рогов поспешил на КП к начальнику аэроклуба.

— Лети, — на секунду оторвавшись от микрофона, махнул рукой Колодкин и снова принял к рации.

— Ничего не забыл? — спросил Борис, когда Рогов, застегнув лямки парашюта, приготовился прыгнуть в кабину.

— Можешь быть спокойным: даже зубную щетку прихватил.

— Ну, тогда — с богом, — и Борис дружески поддал Женьке коленом в определенное место.

— Запечатывайся, — проговорил Костя, опуская фонарь кабины.

— Больше оптимизма, Женя — наклонившись к форточке, напутствовал Борис. А Костя ободряюще постучал по фонарю кулаком и помчался ловить волочившийся по траве за самолетом конец фала.

Поймав, ловко забежал вслед за развернувшимся «ЯКом», нырнул под нос «Бланика», правой рукой подтягивая фал к буксировочному замку, левой сделал отмашку Рогову: готово! Грохнул стальной пружиной замок, обхватывая металлической клешней кольцо, вплетенное в фал. Костя обеими руками что есть силы дернул добротнo сплетенную веревку, проверяя, крепко ли сомкнулась клешня. Потом отбежал в сторону, поднимая «Бланик» за крыло. Махнул Женя из кабины на прощанье рукой, и аэропоезд пошел на взлет. Костя с Борисом долго смотрели ему вслед, не проронив ни слова.

После отцепки Рогов не спешил пересекать линию старта. Его «Бланик» ходил над аэродромом на высоте чуть более тысячи метров, словно пилот решил полюбоваться расстилавшимся внизу ландшафтом.

— Ждет усиления потоков, — заметил Оконников.

— Послушай, Боря, — не поворачивая головы, проговорил Костя. — Если тебе и ему, — он кивнул на маячивший сверху планер Рогова, — все ясно, то я не боюсь признаться, что до сих пор ничего не понял. Неужели Колодкин все-таки испугался письма из ЦК ДОСААФ?

— Возможно, и не испугался, — задумчиво произнес Борис. — Но в аналитическом мышлении ему не откажешь. Иван Павлович никогда не станет воевать там, где видит, что рано или поздно он наверняка проиграет. А может, просто осознал, что кое в чем заблуждался.

— Пошел! — закричал Костя, хватая Оконникова за руку.

На высоте тысячи метров «Бланик» Рогова на повышенной скорости, как и требовала традиция, пересек линию старта. После этого он встал в спираль и, набрав еще высоты, стал удаляться точно по компасному курсу.

— Тысяча двести с небольшим, — определил на глаз Оконников.

— А может, чуть больше? — осторожно усомнился Костя.

— Навряд ли...

Высотомер, действительно, показывал тысяча двести восемьдесят метров. Рогов решил, что здесь, в районе аэродрома, лучшего развития облачности ожидать дальше рискованно, и стартовал, резонно рассудив, что на маршруте, возможно, будет улучшение. Скороподъемность два метра в секунду вселяла оптимизм.

Действовал он четко и уверенно, поборов остатки волнения. Так спортсмен, выйдя на беговую дорожку стадиона, испытывает дрожь, но как только его бросит вперед выстрел стартового пистолета и он пройдет первую сотню метров, волнение его уступает место спокойному рабочему состоянию, когда мозг с холодной ясностью ищет путь к победе.

Первые полчаса полета для Рогова прошли сравнительно спокойно. Хотя сила потоков не увеличилась, временами все же удавалось выпаривать до тысячи четырехсот метров.

Потом вдруг облака поредели, а скорость потоков упала до одного метра в секунду. Теперь на восстановление потраченной высоты приходилось терять слишком много времени. Рогов прикинул среднюю скорость полета и несколько приуныл. Если и дальше так пойдет дело, то даже программ минимум, намеченная с друзьями на земле, навряд ли будет выполнена.

Но Женя не терял присутствия

духа. Знал по опыту: рискнешь раньше времени, пиши — пропало.

Однако еще через полчаса облака окончательно растаяли, впереди было чистое небо. Высотомер показывал девятьсот метров. Стало ясно, что полет не удался и придется садиться.

Внимательно осмотрел землю. Километрах в десяти к северо-западу виднелась деревня. Пошел по направлению к ней, все время ожидая чуда, которое устойчиво потащит планер вверх.

Чуда не было. Вариометр по-прежнему отмечал устойчивое снижение. Со злости бросил планер в крутую спираль. Деревня, вот она, рядом, а высоты еще порядком. И что ее беречь, если, кроме посадки, ничего уже не остается делать.

Вывел «Бланик» в горизонтальный полет, прошел над центром деревни. Высоты оставалось пятьсот метров. Сразу за околицей начинался вытянувшийся метров на четыреста ровный луг, западная сторона которого круто обрывалась вниз, к полю со скошенными валками. Женька еще раз внимательно огляделся, стараясь точнее определить, с какой стороны заходить на посадку. По тому, как приходилось усиленно работать рулями, сделал неутешительный вывод, что ветер начинает усиливаться.

Размеры луга не позволяли садиться строго против ветра, поэтому пришлось остановить выбор на поле с валками. Тоже небезопасно, да что поделаешь?

Порывы ветра стали уже основательно трепать планер. Женька сделал доворот вправо, уточняя расчет на посадку, и увеличил угол планирования. «Бланик» шел теперь строго против ветра.

Когда планер пересекал обрывистый край луга, его неожиданно подбросило вверх, и он завис на месте, словно

вертолет. Женька бросил взгляд на вариометр: снижения не было.

И тут он понял, что находится в потоках обтекания. Они образуются при сильном, устойчивом ветре, когда массы перемещаемого воздуха, встречая на своем пути препятствие, например, высокий склон холма, круто устремляются вверх.

В популярной литературе о планиризме Женьке приходилось читать о том, что в довоенные годы большинство полетов проводилось в потоках обтекания, или, как их еще называют, динамических потоках.

Теперь об этом давно забыли. Пришли в планиризм новые веяния, начисто отбросившие все, что было накоплено раньше.

Поразмыслив несколько секунд, Рогов развернул планер на девяносто градусов и пошел вдоль склона. «Бланик» немилосердно бросало с крыла на крыло, и у Женьки от напряжения заныли предплечья. Стрелка вариометра показывала подъем. Пройдя склон, Рогов развернулся и повел планер назад. Он делал «змейки», пытаясь определить ширину потока, и с каждой минутой в нем крепло желание продолжать этот необычный полет.

От деревни стайками тянулись ребятишки. Остановившись на краю возвышенности, они следили за полетом планера. Затем на проселочной дороге остановилась грузовая машина, и шофер, выйдя из кабины, с интересом стал глядеть на парящий «Бланик».

Женька несколько раз качнул крыльями. Это привело мальчишек в неопиcуемый восторг. Они с гиканьем бросились за планером вдоль склона, размахивая руками. «Бланик» забрался на высоту двести метров. Здесь стрелка вариометра прочно обосновалась на нуле, и Женька понял, что пока это для него апогей.

Он знал, что может летать вдоль склона, пока будет ветер.

Рогов сделал боевой разворот в сторону жнивья. Он любил этот маневр и достиг в нем совершенства. Женька описал круг над жнивьем и опять вернулся к склону.

Потянувшись за спинку сиденья, достал флягу, с удовольствием сделал несколько глотков газированной воды. Это постарался перед полетом Костя, специально съездивший за газировкой на шахту.

От долгого пребывания в неизменной позе ныла спина, ноги не ощущали, как раньше, малейшего подрагивания педалей. И все-таки посадка пугала. Представил на миг разочарованные лица спортсменов аэроклуба, самодовольство Ивана Павловича: я же говорил, что этим кончится вся затея...

Вспыхнула ярость, а вместе с ней и надежда, что, может быть, появятся по маршруту облака. Не может быть, чтобы не появились. Солнце-то вон как поливает землю — по колпаку кабины лишь брызги во все стороны...

Планер продолжал челноком ходить вдоль склона. Женька тоскливо посматривал то на небо, то на землю. Свернув с дороги, стояло уже четыре машины, а их водители, усевшись на капоты, неотрывно следили за планером и, видимо, обменивались между собой впечатлениями.

Женька почему-то подумал о парадоксальности технического прогресса. На самолет, прилетевший на химвороты в какую-нибудь деревеньку, не обращают особого внимания. Оставляющий в небе ленту инверсии громадный красавец лайнер, пожирающий по восемьсот километров в час, редко кого заставит поднять голову.

А вот обыкновенный учебно-тренировочный «Бланик», способный держаться в воздухе только благодаря восходящим потокам да мастерству пилота, оказывается, своим появлени-

ем может оторвать от дела вполне взрослых людей.

Женька решил пройти над своими «болельщиками». Увлекаемый попутно-боковым ветром, «Бланик» со свистом прошел над машинами, пересекая дорогу и, когда Рогов ввел его в разворот над небольшим оврагом, неожиданно задрожал мелкой дрожью. Взгляд Женьки молнией скользнул по указателю скорости: может, он слишком «перетянул» на себя ручку, и «Бланик» находится на грани срыва в штопор? Нет, все в порядке, стрелка находится у цифры «85». Более того, она поползла вправо без вмешательства пилота: верный признак того, что планер попал в восходящий поток.

Левая рука привычно рванула ручку выпуска закрылков, увеличивающих подъемную силу крыла. Заложил крутую спираль, не отрывая напряженного взгляда от вариометра: о чем он просигналил сейчас, этот маленький злодей и добряк одновременно, упрямый в компактный корпус приборного щитка?

Стрелка дрожала на нулевой отметке. Временами она резко бросалась влево, но тут же снова возвращалась к спасательному нулю.

Женька понял, что поток очень слабый и узкий и что «Бланик», несмотря на выпущенные закрылки, не «вписывается» в спасительный столб поднимающегося от земли нагретого воздуха. И все-таки Рогов, вытирая выступающую испарину на лбу, продолжал крутиться как белка в колесе над гостеприимным оврагом. Порывы ветра то и дело относили планер в сторону, но Женька упорно возвращался назад, стараясь сохранить драгоценную высоту.

Уже не одну минуту шла эта круговерть, уже стрелка высотомера начала было подбираться к следующему делению, когда Женька почувствовал, даже не глядя на приборы, что крылья

«Бланика» вновь утратили под собой спасительную опору и он опять «посыпался» вниз. Рогов сжал челюсти так, что в зубах появилась ломота.

Ветер, проклятый ветер. Поток и так не толще пожарной кишки, в нем и в штилевую погоду не каждый удержится, а тут еще мотает его порывами туда-сюда, попробуй оседлай этот невидимый штырь...

Женька ринулся на поиски пропавшего «восходняка». Сделав поправку на силу ветра, прошел чуть правее оврага. Стрелка вариометра остановилась, словно в раздумье, потом нехотя поползла в сторону подъема.

Рогов почти не дышал. Он уже не чувствовал ни ломоты в плечах, ни струек пота под рубашкой. «Бланик» взбирался вверх буквально по сантиметру. И когда высотомер показал двести пятьдесят метров, Женька, не в силах сдержать распиравшей его радости, вдруг нагнулся к открытой форточке и закричал во все горло:

— Двести пятьдесят-я-а-а-т!..

Ответом был перемежающийся свист ветра. В этом свисте Женьке почудился обрывок какой-то фразы, которую, наверно, прокричали снизу. А может, это просто мешанина звуков из свиста рассеяемого воздуха и скрипа лонжеронов сыграла с ним такую шутку.

Рогов упрямо карабкался на своем «Бланике» вверх. После трехсот метров стало немного легче. Вариометр бесстрастно сообщал кончиком мотающейся стрелки, что скороподъемность достигла полметра. Теперь можно было уже жить.

Когда планер наконец набрал тысячу метров, Рогов облегченно вздохнул и осмотрелся. Прямо над ним сквозь синеву небосвода, словно в проявителе на фотобумаге, невесомым белым комочком проступали контуры зарождающегося облака. Оно с каждой секундой увеличивалось в разме-

рах, принимая самые причудливые очертания. Рядом с ним возникали точно такие же белые комочки и, подчиняясь круговороту природы, впитывали в себя все необходимое, чтобы расти.

Убрав закрылки, Женька сделал прощальный круг над гостеприимным местом, которое спасло его от преждевременной посадки и, покачав крыльями, повел «Бланик» по маршруту. Слив карту с местностью, прикинул пройденное расстояние. Вышло, если считать по прямой, почти сто восемьдесят километров.

Нижняя кромка облачности не превышала тысячи трехсот метров, но скороподъемность была почти два с половиной метра в секунду, и Женька торопился наверстать упущенное время. Впрочем, сейчас опять, забравшись под облака и воспрянув духом, Рогов свое парение в потоках обтекания вспоминал уже как какой-то сон.

Да если он расскажет в аэроклубе, как в течение полутора часов мотался над неказистым косогором, ему наверняка не поверят. Пока не взглянут на ленту барографа, который фиксирует все эволюции планера. Ведь Западная же Сибирь, а не гора Клементьева в Крыму, где дуют устойчивые морские ветры и где ровно пятьдесят лет назад были проведены первые Всесоюзные планерные состязания. Давно уже планеристы оторвались от своей альма-матер, освоили заоблачные выси. А стоит ли начисто отметить старое? Сколько таких вот косогоров можно отыскать по стране, над которыми расправляли бы крылья молодые ребята. И при этом никакой дорогостоящей техники — полотно да дерево. Но что-то где-то мешает. Топчутся планеристы на месте, давно уже утратили позиции, достигнутые в предвоенные годы, и неизвестно, последуют ли изменения в лучшую сторону после юбилейных торжеств...

Планер, мотаясь на невидимых волнах Пятого океана, уверенно продвигался к намеченной цели. Рогов прошел по прямой километров двадцать, потом выбрал подходящее облако и снова стал в спираль. Планер, словно гайка по резьбе, ввинчивался в поднебесье. Под крылом было уже полторы тысячи метров. Значит, нижняя кромка облаков поднялась.

Вытащив из кармана апельсин, Женька прямо зубами сорвал с него кожуру и с наслаждением стал сосать ароматные дольки. Благоприятность метеоусловий настолько вдохнула в него уверенность, что он решил делать переходы на еще большей скорости. Усталость отступила куда-то, словно и не было позади многих часов изнурительного полета.

Ничто так быстро не проходит, как великолепные парящие условия. Во всяком случае, так считали планеристы. Женька почувствовал, что облака стали худосочнее, перестали по-настоящему «держаться». Он шуровал ручкой управления, стараясь «поймать» поток, но стрелка вариометра, едва перевалив роковой ноль на одно деление, снова возвращалась в нейтральное положение.

Планер находился на высоте всего шестисот метров. За полчаса Женька кое-как наскреб еще триста метров. Подниматься дальше «Бланик» категорически отказался.

Время клонилось к вечеру. Солнечные лучи почти не прогревали землю. Надеяться на возникновение мощных восходящих потоков не приходилось.

Теперь оставалось одно: используя в полной мере аэродинамическое качество, пройти по прямой до конца и сделать посадку на выбранной с воздуха площадке. Ветер полностью стих, солнце, хорошо видимое с высоты, опустилось к самому горизонту, и землю пересекли длинные тени.

Несложные расчеты показывали,

что с высоты девятисот метров «Бланик» пролетит, примерно, двадцать километров, учитывая, что какой-то запас высоты придется оставить для подбора площадки. Установив по прибору наивыгоднейшую скорость планирования, Женька пошел на долет. Никакой болтанки не было, и Рогов по-настоящему блаженствовал на этих последних километрах его неимоверно трудного пути.

В кабине уже чувствовалась вечерняя прохлада. В устоявшейся спокойной тишине особенно ясно был слышен тонкий свист рассекаемого крыльями воздуха, который можно услышать только на планере. Скорее это был даже не свист, а нежная мелодия, которую, пожалуй, ни один музыкальный инструмент не воспроизведет с такой яркостью. Потому что мелодия поющих крыльев в полете неподражаема.

Женька приземлился на небольшой лужайке. Закончив пробег, «Бланик» устало лег на крыло. Кругом были поля, лишь впереди виднелись заросли боярышника.

Рогов расстегнул привязные ремни, с наслаждением вытянул ноги, насколько позволяли габариты кабины.

Постарался мысленно представить себе, что делают в этот момент его друзья. Наверное, прикидывают в уме, где сейчас находится Евгений Рогов. Что ж, он оправдал возлагавшиеся на него надежды.

Завтра он свяжется с аэроклубом, и за ним прилетит буксировщик. И он снова увидится с друзьями, и они скрупулезно обсудят все перипетии полета.

Женька поднял фонарь кабины, вдохнул всей грудью вечерний аромат полей. Где-то неподалеку перепела повторяли свое неутомимое «спать пора!»

Рогов вылез из планера и посмотрел на небо. Слабо мигали первые звезды.

Игорь Агафонов

Солнцепек

Здравствуй, июнь быстrokрылый!
Клевера жаркий настой
Будит желанья и силы,
Бродит в крови молодой.

Вьется мышинный горошек —
Можно запутаться вмиг,
Сколько здесь розовых брошек
Тонкой работы гвоздик!

Бобрнк альпийской гречишки,
Душной герани краса...
Трав и соцветий в излишке,
В солнце луга и леса.

Будто природа вскипела —
Бьет через край ненасыть,
Каждое брeнное тело
Дышит, торопится жить.

В листьях шумит беспокойно
Ветром стремительных гроз
Время цветения хвойных,
Время цветенья берез...

В зное, в круженье беспечном,
В криках встревоженных стай
Здравствуй, июнь быстротечный,
Здравствуй, июнь! И прощай!

Теба

Позабыл тебя я, Теба,
Как ты выглядишь теперь?
Голубой кусочек неба,
И река урчит, что зверь.
Промелькнула, как тайжанка,
Скрылась где-то в кедрaче,
Пошептала в губы жарко —
Кровь забилаcь горячей.
У тебя глаза — черника,
Знойной зелени наряд,

Ты к моей груди приникла,
Подарив стыдливый взгляд.
Но позвал гудок прощальный,
И помчал меня состав.
Ты плыла таежной шалью,
Позабытой Тебой став.
Только снишься в снегопады,
Как незримый взмах крыла.
Словно девушка, что рядом
Неожиданно прошла.

Дома

Все здесь сердцу близкое,
Все имеет вес —
и ограда низкая,
и высокий лес.
Вот он, за оградой,
мой родимый дом.

Вот она, нарядная,
роща над прудом.
Ну а там, над водами,
то ли сам лечу,
то ли птицы родины —
я не различу.

Верь человеку всегда.
Песню чужую не тронь!
Юному — в небе звезда.
Зрелому — в сердце огонь.
Всякий, кто жил налегке,
песню под сердцем хранит...

Вот почему вдалеке
что-то шумит и шумит.
Может быть, это река
плачет негромкой струей.
Может быть, это века
ветром летят над землей.

Я слышал шорохи лесов,
и шум полей аэродромных,
и, как предвестник голосов,
амурской глади плеск паромный.
И думал: видно, неспроста
я оставляю за собою

и даль дорог, и гром моста,
и шум вечернего прибоя.
Как будто знал, что память ждет
минуты выпренной, но ясной,
когда ничто не пропадет
в душе, с желаньями согласной.

д. Красный Ключ,
Крапивинский р-н

Любовь Скорик

ПАРНИШОНКА

РАССКАЗ

Шалаевка — деревенька малая. Летом, чтоб дождями не смыло, огородами в землю вращает. Зимой, боясь в сугробах утонуть, толстыми дымами за низкие прочные облака цепляется. Основательно, нешумно и небыстро живут шалаевцы. От шума да быстрины уберегла их сама судьба, проложив дороги, минуя Шалаевку. Да и куда бы дорогам идти через нее? Притулилась она у самой тайги нескончаемой. А с той стороны, где тайги нет, обложили Шалаевку болота. И не за тридевять земель город, а доберешься до него не вдруг. Только несусветная нужда заставляла шалаевских проделывать этот путь. Городские здесь редкие гости. Жизнь в Шалаевке до времени текла размеренно и ровно, как тихая и покладистая речка Инюшка.

Впрочем, началось все как раз с Инюшки. Видать, долго, скрытно готовила она это страшное дело. А потом единым махом с алчностью, до того за ней не примечаемой, отхватила кусок берега с трактором, там стоявшим, и молодым трактористом Андрюшкой Сафоновым. Пока на крик перепуганных ребятишек прибежали из деревни мужики, пока землю откидывали, задохся Андрюшка. Насовсем задохся.

Нечасто приходилось шалаевским молодых в землю зарывать. Крепкие да дюжие, они, почитай, все доживали до той поры, когда, приготовив все на этот случай, спокойно ждут своей минуты. Смерть Андрея больно стегнула всех. Сама Сафониha враз из справной еще бабы обратилась в трухлявую старуху, задубевшую лицом и нутром. Она никак не могла выдавить из себя слезу и все как-то встряхивала головой, словно хотела скинуть с нее неудобно повязанный платок.

Парни, Андреевы приятели, смотрели на все с недоумением, по молодости не умея понять смерть и не веря в нее до конца. Неожиданно почуя в себе бабье нутро, тоненько и надрывно гогосили девчонки. С кем-то из них Андрюха уже целовался, другие же так и остались им не целованные. Удивила же всех, Нюрка, соседка Сафоновых. Не девка еще — девчонка. На гуляньях в стороне стоит: не приехала пора с парнями хороводиться. Однако по всему было видно, что вызреет из нее девка — погибель одному из них. И ничего-то между ними с Андрюхой не примечалось да и быть не могло. Андрей — парень видный, девки за ним гужевались и этого длин-

ноногого воробья до него не допустили бы. Да и он при таком выборе в ее сторону не глядел.

И вдруг из Нюрки изринулось такое огромное и такое неподдельное горе, что все опешили. Никого не стесняясь да и, пожалуй, никого перед собой не видя, растрепанная, зареванная до синевы, она царапала себя и по-бабьи выла. Пытались было унимать ее или хотя бы увести с глаз людских. Однако она зверенышем кидалась на подходивших. Чтобы соблюсти хоть видимость приличия, бабы стали громко говорить, что, мол, у девчонки всколыхнулась память, вспомнила-де она, как ровно год назад хоронила мать. Все ухватились за эту подсказку, хотя было ясно, что дело вовсе не в этом.

После похорон Нюрка несколько дней не показывалась на люди, так что стали посылать ее подружек узнать, все ли ладно с ней. Но она никого не впускала. А через неделю вышла из дому совсем взрослая, в черном материнском платке, по-вдовьи повязанном до бровей, да так уж его и не сняла. С какой-то отчаянной радостью принялась обихаживать Сафонику, которая совсем занедужила, ревниво оберегая ее от всякого, кто совался в помощники. Каждый день ходила на Андрееву могилу и подолгу плакала там. Когда Сафонику поднялась, они пошли туда вдвоем. И там наконец-то что-то прорвалось внутри у осиротевшей матери, скопившиеся тяжелые слезы нашли выход, и оттого на душе чуток полегчало.

Теперь Сафонику и Нюрка не расставались. Притулились друг к дружке и согревали одна другую. Нюрка бросила свой огромный дом и перетаскала нехитрые пожитки в Сафоновскую избенку. Сафонику уже не работала, но каждый день, в любую погоду тащилась на поле, чтобы принести обед Нюрке. А та сердилась и всякий раз ей выговаривала. Но даже

эти бранливые минуты давали им обоим отраду, без них им было бы тяжелее. Со временем, однако, горе обносило, как старое привычное платье, и не врезалось в душу при малейшем воспоминании.

Время все упорнее прорисовывало на Нюркином лице красоту. Из-под черного платка в никуда глядели ее глаза, способные удивительным образом менять свой цвет. Они окрашивались в тон июльской листвы, умели вобрать синеву неба, а в цветущих подсолнухах становились совершенно желтыми. Посередине их сумеречно мерцали зрачки, словно запертые изнутри непроницаемыми ставнями. Брови, по-татарски широкие, были жирно прочерчены по линейке, без малейших изгибов. Румянец, сдерживаемый плотной смуглотой щек, в поисках выхода бросался в губы, которые оттого всегда жарко полыхали.

Года через два стало очевидно, что с Нюркой в красоте вряд ли кто может потягаться. Она, слабо сопротивляясь, давала увести себя на деревенский толчок, танцевала там, бывало, и пела со всеми. Однако стоило какому парню повести на нее наступление, она так ошестинивалась, окатывала таким кипятком, что второй штурм отменялся. А для менее понятливых имелись у нее ногти, поострей, пожалуй, кошачьих. Не один из шалаевских парней ходил меченый ими. Сафонику было пыталась вести разговоры о том, что негоже природе женской противиться, но всякий раз тема эта так бесила Нюрку, что старая скоро отступилась.

Вдребезги разбив свою любовь о каменную неприступность Нюрки, один за другим женились ее обожатели. Дольше всех ходил за ней тенью Колька Вепринцев. Он упрямо на что-то надеялся, борясь с кем-то невидимым за каждый ее взгляд. Но вот и он обессилел от этой бесплодной борь-

бы и без боя сдался в плен к тихой белокурой Клавде Никишиной.

Пожалуй, в тот день и закончились Нюркины муки. Это был последний из ее ровесников, кто мог претендовать на нее. И хотя она частенько чувствовала на себе жадные мужские взгляды, бояться теперь ей было нечего. В Шалаевке, где все на виду, где, если разобраться, каждый тебе с какого-нибудь боку родня, всякие там легкие истории были не приняты. На памяти шалаевцев было всего два таких случая. Один из них за давностью оброс такой пышной мишурой истинных и выдуманых подробностей, что превратился в легенду о любви с первого взгляда жены местного учителя и заехавшего случайно в деревню то ли бродячего циркача, то ли просто цыгана. Вторая история была еще свежа в памяти шалаевцев. Ей было всего лет пятнадцать. Лучший в деревне плотник Устин, слывший человеком серьезным и обстоятельным, увел от своего соседа Петра Касьянова его жену Марию. Никто из всей деревни, ни один человек, включая родню Устина и Марии, не простил тогда им этого невиданного здесь греха. И они ушли из Шалаевки.

Сафониha и Нюрка, казалось, были чем-то единым, их редко видели порознь; и не верилось, что когда-то они были чужими друг другу. И вдруг Нюрка уехала в город. Собралась в один день и уехала. Сафониha вроде не сразу поверила в это. А как поняла, что случилось, стал из нее потихоньку дух выходить, как воздух из продырявленного мяча. Ровно год продюжила, видно, еще на что-то надеясь, а потом собралась умирать. Всерьез собралась. Успокоилась, все живое проходило уже мимо нее, и если она еще дышала, то лишь потому, что хотела проститься с Нюркой, о чем той и написала. Сафониha знала наперед, что она приедет. И та приехала.

Морозливым октябрьским вечером к дому подкатил замызганный, уляпанный грязью грузовик, и из кабины важно выплыла Нюрка, прижимая к груди завернутого в одеяло ребенка. С городским подарочком, значит, пожаловала. Подивились сидящие на лавках бабы и не заметили сразу-то, что в руках своих несла Нюрка «бомбу», которой суждено было вдребезги разнести долгими годами установленный в Шалаевке покой и порядок. «Бомба» взорвалась через неделю, когда фельдшерица Нина Ивановна сообщила, что у Нюрки сын семи месяцев от роду. Не надо бабам знать высшей математики, чтобы точно высчитать, что никакой он не городской вовсе, а тутошний, что ни на есть шалаевский.

В момент от страшной догадки захолонули сердца многих баб. И стало ясно, что пока не получают они ответа на жгущий душу вопрос, не бывать им в покое и радости.

Больше всех оснований для подозрений было у Клавди Вепринцевой. Ее Колька и не старался даже скрыть свои страдания по Нюрке. Но когда обычно тихая Клавдя вдруг расщипавшей волчицей накинулась на него с требованием признаться в своем грехе, он недоуменно глянул на жену:

— Да ежели бы меня Нюрка до себя допустила, неужто бы с тобой я жил? — И было в его голосе столько нечаянно вырвавшейся боли, что она поверила: нет, не жил бы. Значит, не он. Однако легче от этого не стало, и мир, царящий в доме, единым махом был порушен.

Иван Татарников еще не вернулся с поля, и Дуська извелась, ожидая его. У нее было верное средство, против которого, она знала, он не устоит. Стоило ему чуть голос против нее возвысить или слово не то сказать, как она высказывала на крыльцо, голая: «Мама! Мамочка, спаси!»

Тогда из второй половины дома, опираясь на клюку, выходила Иванова мать — крошечная, скрюченная старушонка. Она деловито подходила к Ивану, не слушая оправданий, командовала: «Наклонись-ка!» — и начала охаживать его клюкой вдоль спины. И хотя сил у матери вовсе уже не было, палка, толстая, суковатая, делала свое дело сама. Иван, детина огромный и плечистый, стоял покорно, стараясь улыбкой обратить все в шутку. Однако потом всякий раз несколько дней даже в самый жар на покосе рубаху не снимал, пряча от глаз людских синяки. В тот вечер материнская клюка работала в несколько приемов, пока не выпала из обессилевших рук. Но признания из Ивана так и не вышла.

Сашок у своей Насти и вовсе был на подозрении. Как раз в ту пору, по подсчетам Настены, возил ее муженек вместе с Нюркой сено из неудобниц к основным стогам. Еще бы! Солнышко, птички, травка — все условия. И ведь не раньше не позже беда эта приключилась. Почти пять лет они живут, а дите все не получалось у них. И вот сейчас, когда затяжелела она, когда долгожданная радость в их дом поступалась, рушилось все и летело в тартарары.

Сашок, чуть припоздав, по обыкновению не вошел, а вломился в дом, чем-то в сенях прогремев, что-то опрокинув, и, распахнув руки, пошел на Настену, готовясь сграбастать ее. Однако, еще не дотронувшись до жены, отпрянул, на расстоянии ощутив невидимые острые колючки, которыми покрылась вся ее округлая разбухшая фигура. Острыми булавками вонзились в сердце ее слова.

— Не трогай меня, не трогай! Убери ручища свои поганые! Иди к своей... Не держу!

И следом родились слова такие страшные, что Сашок окаменел:

— Знай: изничтожу дите в себе. Не пушу по миру сироту.

Он некоторое время беззвучно раскрывал и закрывал рот, пока наконец смог вытолкнуть из себя большие, шершавые, застревающие в горле слова:

— Настя, Настена! Что ты? Что случилось? Плохо тебе?

И тут из нее хлынули слезы. Она плакала взхлеб, не сдерживаясь, причитая. И когда он из этих невнятных причитаний наконец понял, в чем дело, то взбеленился и ринулся к двери:

— Я убью эту змею подколодную!

Но это привело Настену в еще большую ярость:

— Ага, убьешь! А ребенка мне, что ли, принесешь?

— Господи, да при чем здесь ребенок? Ей-богу, не мой он! Не касался я ее. Не видишь, что ли, ни на кого, кроме тебя, и глядеть не хочу!

— Сейчас-то, может, и не хочешь. А тогда-то, вспомни: я страдала, по бабкам да врачам околачивалась, а ты только на нее глазищи свои пялил.

Сашок на это возразить не мог. Действительно, здорово приворожила его Нюрка.

Катя ждала своего Петра уже одетая, с собранным чемоданом. Она молча, пронзительно и долго смотрела на него, потом одела своих близнят и, подхватив чемодан, направилась из дому. Он знал, как она умеет молчать. Заставить вымолвить слово ее сейчас не могло бы ничего на свете. Так и раньше бывало, но тогда он обычно знал, в чем виноват. А сейчас он был безгрешен. И потому решительно загородил ей путь и потребовал объяснений. Однако, встретившись с ней взглядом, почуял в нем не злобу или гнев, а одну только боль и невольно отступил. А Катя с детьми, пройдя мимо, зашагала к дому, где жила ее мать.

Поздно вечером у избы Сафоники,

не сговариваясь, собрались пострадавшие мужики. Оказалось их около десятка. Они клокотали злостью и были настроены воинственно. У вышедшей Сафонихи потребовали вызвать Нюрку. Старуха вся ошетибилась, однако Нюрку позвала. Когда та вышла на крыльцо в своем неизменном черном платке, из-под которого глядели совсем не Нюркины счастливые глаза, враз пропала вся их смелость. Она ждала, а они молчали, каждый надеясь на другого. Наконец Сашок заговорил:

— Нюр, бабы нас загрызли. Житья все одно не дадут. Ты бы того... Сказала бы им...

— Чего сказать-то?

— Ну, ты же сама знаешь.

Но она непонимающе невинно таращила на них свои татарские глазницы. И тогда Сашок, вспомнив страшную угрозу Настены, зло выкрикнул:

— Хватит придуряться! А ну говори, с кем дите нагуляла!

Нюрка прищурилась и хохотнула:

— А не помню уже. Может, с тобой.

— Со мной? — Сашок даже задохнулся. — Со мной? Ты что, спятила? Когда?

— А когда ты ночью вот сюда прибежал. На коленях стоял да в лесок все тянул.

— Так это же когда — это пять лет назад было!

— Не помню уже. А может, прошлым летом, как сено-то возили. Забыл, поди?

— Вот дура скаженная! Чего на себя-то напраслину наговариваешь?

— А, может, в другой раз, когда...

— Да замолчи ты! — взбешенный Сашок повернул прочь. А Нюрка, похохатывая, кричала ему вслед:

— Ты Настену присылай. Я постараюсь все вспомнить!

Мужики не узнавали Нюрку. Смелая стала, бесшабашная. Вроде защитой за спиной чует. Но откуда? Не от

Сафонихи же, которая вон из окна зыркает и готова всякую минуту налететь на Нюркиного обидчика. Сказав Нюрке по паре, слов, заготовленных еще дома, мужики ни с чем разошлись.

И остался с того дня дом Сафонихи, словно очерченный заклятым кругом. Никто через этот круг не переступал. Все ждали, что уедет теперь Нюрка и старуху с собой увезет. Только они остались. Видно, крепко держала их здесь Андрюшкина могила, на которую они по-прежнему ходили каждый день, теперь уже втроем.

Зима двойными рамами да высокими сугробами приглушила, припрятала страсти, неожиданно вскипевшие во многих шалаевских домах. Приглушила, но не уничтожила. И по весне вместе с талой водой выплеснулись они наружу. По первому теплу выключился на волю из дома Сафонихи сам возмутитель такого, казалось, прочного шалаевского покоя. Был он кругл, неправдоподобно мал и удивительно бегуч. Словно магнитом его притягивало ко всякому человеку. Завидев кого-нибудь, он катил наперерез, путался в ногах и доверчиво тянул руки. И оттого стали обходить дом Сафонихи еще дальше.

Но, видать, мальчонка без людей совсем не мог. И скоро приспособился он шастать по домам. Сафониха хоть с приездом Нюрки и раздумала помирать, все же сильно сдала и за ним не поспевала. Он же, как капля ртути, бултыхался ежеминутно, не умея сохранять состояния покоя, и невозможно было угадать, куда его качнет через секунду. Выбрав момент, когда бабка отвлекалась по каким-то делам, он вроде бы не спеша, но поразительно проворно косолапил к облюбованной им избе. Войдя и одарив всех улыбкой, деловито проходил в передний угол, садился за стол и ждал угощения.

Когда он впервые пожаловал в дом Татарниковых, Дуська вроде даже обрадовалась.

— Ах ты господи, гость-то какой к нам! Проходи, сделай милость, не стесняйся, по-родственному, — нарочито громко захопотала она вокруг него. — Чего сидишь-то? — прикрикнула она на Ивана, — не видишь разве, сыночек пожаловал!

— Евдокия! — Иван даже подпрыгнул на стуле. — Прекрати! Мы же, кажется, договорились.

— А чего это ты кричишь на меня? Сейчас маму позову.

Угроза подействовала безотказно. Иван сидел молча, и когда Дуська насыпала перед непрошеным гостем гору пирогов, и когда потчевала его, и когда провожала потом с поклонами, приглашая обязательно приходиться к ним еще.

Выйдя от Татарниковых, мальчонка направился было домой, прижимая к себе пару увесистых пирогов, но не смог пройти мимо распахнутой калитки в дом Вепринцевых. Взойдя на невысокое крылечко, не задерживаясь, прошагал через кухню и остановился в горнице, где семейство собралось у воскресного обеденного стола. Секунду подумав, решительно направился к столу, радостно сунул оба пирога в колени опешившего Кольки и взобрался на табуретку рядом, которая временно пустовала, потому что хозяйка вышла за чем-то на кухню.

— Подкорми, подкорми своего папашу! А то отощал бедный. — Клавдия стояла на пороге с тарелкой клубники в руках, и щеки ее были цвета ягоды.

Колька же, напротив, позеленел:

— О господи! Когда же это кончится!

Он протянул руки к этому маленькому, разрушившему его счастье человеку, но рядом в один кошачий прыжок оказалась Клавдия:

— Не смей трогать! Ребенок не ви-

новат. Он ни при чем. Его сердце сюда привело, оно не ошибается.

Она пристально вглядывалась в это крошечное круглое личико, в широкую мелкозубую улыбку, стараясь и страшась найти сходство с мужем. Заметив жадный детский взгляд, поставила на стол ягоду, которую все еще держала в руках. Грязная ручонка блаженно погрузилась в дразнящую алую сладость. И замерла, потому что с улицы донесся голос Сафонихи. Потеряв мальчонку, старуха, не смея заходить в дома и громко кричать его, обычно обходила всю деревню и тихо звала «Федюшка!» Он, заслышав ее голос, моментально забыл про ягоду, виновато улыбнулся всем, будто извиняясь, и покорно поковылял на бабкин призыв.

Его имя было вторым Нюркиным грехом перед шалаевцами. Вот уже лет тридцать, с тех пор как в кладбищенской заброшенной церквушке поселился неизвестно откуда взявшийся дурачок Федя, никто в деревне не называл так новорожденных. Даже тех, кто носил это имя, давно старались называть по отчеству или фамилии. То ли чтобы именем не выдать своей тайны, то ли просто назло всем назвала Нюрка своего сына Федором. Только ни у кого в деревне не поворачивался язык окликнуть так мальчонку. Вот и закрепилось за ним и не имя даже, а так, вроде клички — Парнишонка. Так и звали его все — не поймешь сразу: то ли презрительно, то ли ласково.

А Парнишонку, чем он старше становился, тем больше тянуло к людям. По-хозяйски проходил в любую избу, одаривал всех улыбкой и с радостью отдавал все, что было у него в руках. Он быстренько раздарил деревенским ребятишкам свои диковинные игрушки, которые Нюрка привезла вместе с ним самим из города: стреляющие огнем автоматы, бегающие машинки, шагающих железных человечков.

Он и сам с готовностью принимал подношения. Но, вынеся подарок из одного дома, тут же вручал его кому-нибудь в соседнем. Ни сама Нюрка, ни вездесущая и, казалось, всесильная Сафониha не могли удержать его дома. В тех семьях, где не было мужика на подозрении — из-за неподходящего возраста — Парнишонку встречали с радостью. Он не обходил избы стариков, к которым уже редко кто заходил. Но и там, где из-за него порушилась нормальная семейная жизнь, его, казалось, ждали с нетерпением. Бабы не могли и дня прожить, чтобы не дотронуться до незаживающей своей сердечной раны. Разбередив ее, покричав и поплавав, они вроде малость успокаивались. Мужики малопомалу научились в ответ молчать. Ежедневный обход Парнишонкой шалаевских домов стал обязательным. И если он почему-то не появлялся, все начинали волноваться: не случилось ли с ним что-нибудь.

Всех поражала Нюрка своим непробиваемым спокойствием и невозмутимостью. Ее, казалось, мало волновало, что оказалась она в полном одиночестве, что никто с ней не разговаривает и к ней не заходит. Даже напротив, по всему было видно, что счастлива она как никогда. С новой силой вспыхнула ее красота, незатухающим огнем полыхали ее бесовские татарские глаза. Как ни в чем не бывало ходила со всеми на работу, казалось, не слыша, что говорят или шипят ей бабы.

Все вздохнули с облегчением, когда Нюрку назначили воспитательницей в детсад. Вообще-то детсада-то и не было. Весной попросил председатель Нюрку на время сенокоса да уборочной открыть свою пустую избу и присмотреть там за ребятами, пока бабы на полях. Нюрка, как обычно в работе, упрасивать себя не заставляла. Вдвоем с Сафонихой навели в запустелом доме чистоту и блеск.

Вдвоем же стали кухарить и ухаживать за детишками. Неожиданно это новшество развязало руки многим бабам и старухам, что еще в силе работать, а сидели дома с малыми. Нюрка к детям заботлива и ласкова. Да и на глазах она теперь целыми днями не маячила, не раздражала. Так что пока было все более или менее мирно.

...В тот день, как обычно, после обеда Нюрка повела свой выводок на прогулку. Попрервоначалу она попыталась было ввести на городской манер послеобеденный тихий час. Однако деревенские дети, не привыкшие к дневному сну, никак не желали ложиться. Да и устроить их всех в Нюркином, хоть и большом дому, было делом нелегким. Пришлось от идеи городской отказаться. Зато она ввела для своих воспитанников обязательные послеобеденные прогулки. Неходячих или еще нетвердо стоящих на ногах оставляла под присмотром Сафонихи, а остальных вела за деревню. Для детей это было лучшее время дня, да и самой ей эти походы очень нравились.

Выйдя к последнему колодцу и взойдя на пригорок, с которого Шалаевка и ее окрестности были как на ладони, Нюрка поняла, что на этот раз сплошала. Она и не предполагала, что сегодня косят именно здесь, на ближних лугах. Лишний раз встречаться с теми, кто работал, ей вовсе не хотелось. Но и повернуть сейчас назад не позволял характер. Замешкавшись всего на минуту, она повела детей обычным путем. На покосе как раз заканчивался обед. Их скоро заметили, и бабы поспешили навстречу своим чадам, по которым за полдня успели заскучать.

Объятия и поцелуи были прерваны неожиданно. К деревне мчалась легковая машина в окантовке черно-белых квадратов. Такси в здешних местах — вещь настолько неожиданная и

диковинная, что все застыли, ожидая, что будет дальше, так как было совершенно ясно: заставить эту хлипкую машинку проделать весь путь от города до Шалаевки по немыслимой дороге могло только что-то совершенно необычное.

Такси остановилось с визгом. Видно, путь был намечен дальше, до самой деревни, но в последнюю минуту решено было затормозить здесь. Из машины вышла молодая женщина, и пошла она прямо к Нюрке. И с каждым ее шагом из Нюркиного лица волнами откатывала кровь, а из всего ее тела уходила жизнь. Такой, совсем неживой, она была в тот день, когда, спустя неделю после похорон Андрея, вышла из дому, впервые надев свой вдовий платок. Приехавшая подошла совсем близко и тихо спросила: «Вы меня помните?» Нюрка смотрела на нее невидящими глазами. Приехавшая попыталась заглянуть в ее огромные недвижные зрачки и еще раз погромче сказала:

— Вы помните меня? Мне надо поговорить с вами. Отойдем немного.

Казалось, слова ее отскакивали от Нюрки, не проникая внутрь. И тогда женщина заговорила быстро и нескладно, запинаясь и заикаясь:

— Я понимаю, нехорошо это. Я обещала вам. Но поймите меня. Другого выхода нет. Врачи сказали, не будет у меня больше детей. А мы с мужем... Нам необходим ребенок. Отдайте мне моего сына. Умоляю вас, отдайте! Я понимаю, вы кормили его, одевали. Мы отблагодарим вас. Мы не забудем вас...

Деревянное Нюркино лицо не выражало абсолютно ничего. Оно не страдало — оно просто умерло. Она попыталась разжать на этом мертвом лице губы и не смогла. Продолжала стоять и не падала только потому, что тело ее тоже одеревенело, и никакая сила

не смогла бы сейчас заставить ее согнуть руку или ногу.

Остолбеневшие бабы мало-помалу начали приходить в себя. Перебивая друг друга, они подступили к приехавшей и потребовали у нее полного ответа. Та заговорила, словно обрадовавшись возможности высказать все и явно пытаясь найти у окружающих сочувствие и поддержку.

— На квартире мы с ней вместе жили. У меня тогда так все получилось... Я незамужем была. Училась еще. Мне ребенок тогда ни к чему был. Разве знала, что так все получится? Молодая, глупая... В больницу уже поздно было. Хозяйка обещала все сделать. А Анна предложила по ее паспорту в роддом идти. Вот и получилось, что родила-то я, а записали на нее. А после, как вышла из больницы, взяла она ребенка к себе.

Ошарашенные, оглушенные новостью бабы немо слушали, разинув рты.

— Слушай, а может, ты все придумала? У тебя хоть свидетели-то есть? — неуверенно спросил кто-то из баб.

— Свидетелей нет. Наша квартирная хозяйка знала все, так она умерла в прошлом году. Но у меня документ есть. Вот!

Приехавшая вытащила из сумочки изрядно потрепанную, мелко сложенную бумажку.

Проворней всех оказалась Клавдя. Она схватила представленный документ. Она же принялась читать его вслух: «Расписка. Настоящая расписка дана в том, что я, Ельцова Лидия Павловна, передаю навсегда Тепловой Анне Егоровне своего ребенка (сына) и обязуюсь никогда не претендовать на него и не напоминать ему о себе».

— Это ты, стало быть, Ельцова Лидия Павловна?

— Я, я! А она вот — Теплова Анна Егоровна.

— Это мы и без тебя знаем.

— Мы с мужем Анну Егоровну отблагодарим...

— Думаю, не придется благодарить-то. — Клавдия еще раз внимательно осмотрела исписанную аккуратным почерком бумагу, оглядела серые полосы в местах сгиба на обороте и вдруг — приехавшая не успела даже вскрикнуть — принялась мелко-мелко рвать ее. Рванувшаяся к Клавде приехавшая кинулась ловить подхваченные ветром обрывки. Но белое бумажное облачко вспорхнуло, сначала ввысь, затем резко направо и, наконец, нырнуло в Инюшку.

— Вы... Как вы смее-е-е? Кто вам разрешил? Вы ответите! Я в суд подам!

— В суд?! В суд, говоришь? В суд, значит...

Клавдя поперхнулась этим словом, оно завязло во рту, не проталкиваясь, мешая другим словам.

Оно же, слово это, ровно разбудило ошарашенно притихших баб, разлило им рты.

— У нас здесь свой суд. Сами с тебя спросим.

— Нагулялась, значит. Про дите вспомнила? Чтой-то больно долго раздумывала...

— Отблагодаришь, значит? А чем, можно узнать? Тебе ведь не с Нюрок — со всеми нами расплату держать придется.

— За каким ребенком ты явилась? Не могла ты его народить, потому как не баба ты. Одна видимость бабья, а нутро-то пустое, нет его вовсе.

— Тебе и не приснится, сколько мы тут выстрадали... Мужиков со свету посживали... А ты, значит, вспомнила, наконец ребенка захотела. Ты не у Нюрки, ты у нас у всех попробуй его отними! Мы теперь с ним по гроб связаны. Да и не узнаешь его сроду, ребенка того. Потому что сердца в тебе нет материнского. Ну, гляди, где он, где?!

Приехавшая вроде только сейчас заметила обступивших ее ребятешек и заметалась взглядом от одного к другому. Она прошла вдоль ребячьего строя туда, пошла назад, жадно шаря глазами по лицам. Остановилась возле Витки Татарникова и нерешительно протянула к нему руки. Однако налетевшая пантерой Дуська оттолкнула ее, схватила Витьку на руки и прижала к себе так, что тот заорал благим матом. Его рев перекрыл Дуськин крик:

— Убери руки! Разинула рот на чужое дите. Я те покажу!

Взгляд приехавшей остановился на Мишутке Солдатове. Но не успела она шагнуть к нему, как его заслонила собой Катя. По обыкновению она не сочла нужным вступать в переговоры, только глянула так, что всех передернуло. И тогда приехавшая, уже не пытаясь угадать своего, стала хватать мальчишек подряд. И каждого вырывала у нее из рук его мать. Когда очередь дошла до Парнишонки, к нему метнулась Настена, сграбастала на руки, и он доверчиво обхватил ее за шею.

— А, теперь этот понравился? Тебе все равно, кого хапать. А ты видишь это? — Настена сдернула с головы косынку, и на солнце сверкнула тонкая седая прядь. — Ты это видела? Это его след. А ты руки к нему протягиваешь?

— А ну мотай отсюда! И дорогу сюда забудь на веки. — Бабы как по команде стали наступать на непрошеную гостью, и та, жалкая, растерянная, начала отступать к машине. Приехавшая еще пыталась, отступая, выкрикивать что-то насчет прав и законов, но у расшвырявших шалаевских баб было на этот счет свое мнение, о чем они недвусмысленно ей сообщили.

Когда за машиной растворилось облако пыли, Настена подошла к Нюрке

и передала ей Парнишонку. И его прикосновение словно разбудило ту. Закаменевшие руки снова стали гибкими. Она обхватила ими маленькое горячее тельце. И слезы, щедрые, обильные, полились на белесую головенку. Были они не горькими, не тяжелыми, а светлыми, облегчающими. Так плачут дети после страшного сна, стараясь выплакать все воспоминания о кошмаре.

— Нюр, — заговорила Клавдя, — у тебя, поди, тоже такая бумаженция имеется?

Нюрка кивнула.

— Так вот, иди сейчас и сожги. И

запомни — никаких бумаг у тебя отродясь не было.

— А мы, бабы, ничего с вами не видели и не слышали.

Бабы молча, необычно для них серьезно и даже торжественно поддержали эту клятву.

— Ну, бабоньки, айда работать! Хватит прохлаждаться! — скомандовала. Клавдя. И проходя мимо Нюрки, не утерпела:

— Эх, дура ты дура несусветная! Надо было тебе кашу эту затевать.

И была в ее словах такая горечь, словно только что оторвали от нее что-то очень ей дорогое.

Стихи детям

Анатолий Кислицин

Вежливое слово

На дорожке возле дома
Чертят «классы»
Вера с Настей.
Всем знакомым, незнакомым
Говорят подружки:
— Здрасьте!
Все-превсе
От слова этого
Улыбаются приветливо,
Повторяют это слово,
Будто школьники урок,
Чтобы каждое слово
Снова
Передать другому мог.

Подъемный кран

На стройке, словно великан,
Работает подъемный кран.
Он подает наверх раствор
И кирпичи по сотне штук.
Он — каменщик,
столяр,
монтер,
электрик,
слесарь
и шофер,
И всем рабочим друг.

Валентина Пьянкова

Возьми меня к себе в деревню, дед,
Туда, где — кажется, жила Татьяна,
где я бывала так давно, так рано —
с последнего свиданья десять лет.

Под яблоню, где с книгой хорошо,
где от малины голова кружится,
где видно, кто там на крыльцо взошел,

и слышно, как звенит над лесом
птица.

Нельзя, нельзя нам столько долгих
лет
родного не переступать порога.
Возьми меня к себе в деревню, дед.
И вместе — проживем еще немного.

Охотничий домик

Оставьте спичек, приготовьте дров,
большой ломоть на полку положите.
Теперь, пожалуй, можно — уходите.
Не так-то много, право же, трудов.

Есть у охотников закон такой:
неведомо кому, идущим следом,
огонь в печи, ломоть ржаного хлеба
оставить, чтобы были под рукой.

Мне приходилось в дом такой зайти.
Он пуст, казалось, целое столетье.

Холодное, скупое было лето,
и ни души единой на пути.

Но этот дом с дровами у печи
и с полукруглым сухарем на полке,
с торчащей в подоконнике иголкой —
он так гостеприимен был и чист.

Роднее не встречала я домов,
чем этот, покосившийся и старый,
где под руками ставни трепетали,
как будто ожидали нас давно.

И я свой хлеб оставила тогда
и хворосту у печки положила,
чтоб сытно и тепло здесь людям было,
когда они в свой час придут сюда.

Мы люди, и у нас обычай добр —
откуда бы уйти ни торопились,
пока за нами двери не закрылись,
оставим хлеба, приготовим дров.

В музыке, которую нужно
слушать,
только закрыв глаза,
в воздухе, чуть дрожащем,
как крыльями стрекоза,
в шуме улицы, едва проснувшейся
после ночного дождя,

в движении, когда вдруг
почувствуешь,
что на тебя глядят,
в том, что нам с тобой ни на минуту
нельзя оставаться вдвоем —
боже мой, какая жизнь,
какая тайна во всем...

Апрель

Я отчетливо чувствую, как дрожит,
лед стремясь разорвать, река.
Но еще не пора.
И безумствует жизнь
где-то там, в глубине, в тайниках.

На рассвете, едва переступишь порог,
слышен звон предвесенней поры.
Но все так же прекрасен, прозрачен
и строг
карандашный рисунок горы.

Здоровайтесь, здоровайтесь со мной,
вы все, кого я каждый день встречаю.
Внезапно, неожиданно, нечаянно
здоровайтесь, особенно весной.

Порою я так радостно живу
от утра раннего до поздней ночи,
затем, что нас таинственно и прочно
приветствие связало наяву.

Так рады все, идущие одни,
случайно добрый чей-то взгляд
увидеть.

И ты их постарайся не обидеть
и просто головою им кивни.

Не пожалейте слова одного,
движенья одного не пожалейте.
Так страшно одиночеством болеют.
Здоровайтесь, спасайте от него.

У фрески Рублева

Как ты смотришь пристально, бог,
созданный человеком.
На Руси твердили: убог
человек испокон века.

Но рукой беззащитной, живой,
радостно и осторожно,
бывший раб и послушник твой
рисовал тебя, боже!

Осыпается часть стены —
краска слонится.
И тебе почти не видны
наши земные лица.

Но опять приходит к тебе
человек и художник.
Не склониться в немой мольбе,
а спасти тебя, боже.

Сохранить твой взгляд на века,
оживить померкшие краски,
чтоб жила Рублева рука
в этой фреске прекрасной.

Не затем, чтобы кто-то мог
исступленно и страстно верить,
а затем, чтоб видели — бог
сотворен человеком.

г. Новокузнецк

Светлана Мекшен

Когда-нибудь потом,
когда судьба лукаво
мне подмигнет глазком
и скажет: «Выбирай...»,
я вымолю себе
не серебро, не славу,
не затажной любви
сладчайшую отраву,
а только лишь одно:
вернуться в этот край.
Где дух кедровый глух
к досужим разночтениям
невечности людской,
непрочности мирской;
где обнаженный слух
обворочит значеньем
бездонной тишины
и силы колдовской.

Где легок санный путь
и снегопад неспешен;
где и случайный гость
молчаньем не гнетет.
Где мимолетный взгляд
так безнадежно нежен,
что — оглянись назад —
и сердце упадет.
...Вернуться в этот край
пускай по бездорожью,
по гребню берегов
невымерзшей реки —
как в забытьи,
в глаза заглядывать прохожим,
и обновленья ждать,
и обмирать до дрожи,
чтоб снова увидеть
тот взгляд из-под руки.

Откровение

Ни при солнышке, ни со вечера
Я любимому не перечила —
не жена ему, не сестра.
Но огонь в печи разгорается,
а душа в ночи разрывается —
не утешится до утра.

Что ни слово ему — коробится,
все куда-то родной торопится...
Я ему — пальто с пояском,
шарфик белый, платочек глаженный.
Он уходит такой наряженный,
будто век со мной не знаком.

Я пройду при нем до калиточки.
А в лице моем — ни кровиночки,
но смеюсь, чтоб не понял он.

Скажет: «Может быть, я — на сторону,
что не спросишь-то? Или все равно?»
Я отвечу: «Ты сам умен».

Береженого что удерживать?
А стеречь его — лишь рассерживать.
Разве двери забить крестом...
Я живу, чтоб о нем заботиться:
пусть, какой ни на есть, воротится,
до утра пролежу пластом.

Не прошу ни суда, ни жалости.
Все — при мне, да при нем — до
малости.

Глаз чужой ненадежен, нет.
Я сама не из бабьей горести,
не из слабости — а из гордости
пред собою держу ответ.

Выбор

Говорила, в зеркале отражена:
«Вот какая бы тебе жена нужна —
с красотою королевскою моею,
станешь думать, что и сам из
королей».

Говорила, деловита и важна:
«Вот какая бы тебе жена нужна —
при моем богатстве проживешь
спроста,
как за пазухой у самого Христа».

Говорила, в тяжесть дум погружена:
«Вот какая бы тебе жена нужна —
при моем воображении и уме
мудрецом себя почувствуешь вполне».

Лишь одна молчала, сидя дотемна:
некрасива, не богата, не умна;
в черном сердце хоронила светлый
след —
позабыла, сколько дней и сколько
лет.

Хлеб насущный прикрывала рукавом.
На огонь потухший дула впалым ртом.
Для супружеского счастья, как могла,
полотно одно суровое ткала.

Не слыхала, как пришел он, что
сказал.
Не видала, как ей в ноженьки упал.
Не заметила, как солнце за окном
занавесил он суровым полотном.

Наш современник

Таисия Шатская

ПРАВИЛЬНО МЫСЛИТ ТЕРЕНТЬИЧ

Представьте себе: высоко над землей, в просторной застекленной кабине, в мягком кожаном кресле — машинист экскаватора. Кряжи Кузнецкого Алатау, бескрайняя тайга, Томь и целый город — Междуреченск — у его ног. Машинист берется за рычаги, гора начинает поменьше и не сразу, конечно, двигаться: экскаватор снимает своим пятнадцатикубовым ковшом слои породы, что укрывают богатые запасы угля. Было время — не такие машины поднимались на Красную горку над рекой. На смену маломощным «кубовичкам» пришли верткие «ижорцы», за ними — целая колонна шагающих экскаваторов, наконец, появились красивые могучие машины, высотой с трехэтажный дом, с девяностометровой ажурной стрелой и ковшом, который берет сразу пятнадцать кубометров грунта.

Издали они похожи на корабли, которым поистине предстоит большое плавание. Капитаны этих кораблей пристально следят за успехами друг друга.

Однажды озадачил соседей Иван Тарасенко с разреза «Томусинский»: перекрыл все нормы, положенные для этой машины. У одного бригадира вышло за год два миллиона двести пятьдесят тысяч кубометров грунта при плане два миллиона, у другого — два миллиона четыреста тысяч, у Ивана Тарасенко — два миллиона восемьсот три тысячи кубов. Заинтересовались:

— В чем тут дело?

— Работаем, и все, — улыбнулся Иван.

— Что-то тут не так, — усомнился один новый бригадир, — грунт у всех трудный.

Не знал еще новенький, что главная черта характера улыбчивого передовика — кристальная честность, качество, хорошо знакомое его товарищам. На большинстве таких машин работают, как правило, техники. У каждого есть чему поучиться. В чем же дело, если не в особом методе, не в особом опыте?

Передовой опыт бригадира Ивана Тарасенко — в его разумной человечности, в том, что рядом с ним хорошо другому. О его бригаде в горкоме партии говорят:

— Ценна своим внутренним содержанием. Нравственно крепкая бригада.

Рабочее достоинство, подлинное трудовое товарищество да еще такое, далеко не всегда учитываемое, качество, как радость, радостное отношение к делу всех двенадцати членов бригады — вот что стоит за высокими производственными показателями.

Иван Тарасенко — междуреченский старожил. Рос на виду всего города.

За одну из трудовых побед он стал лауреатом премии Кузбасса. Награжден орденом Ленина. Многие годы избирают его членом бюро горкома партии. Ему только минуло сорок, а в бригаде давно и уважительно зовут его: «Терентийч».

Двадцать с небольшим лет Междуреченску. Столько же и он здесь. Ехал из армии Иван

не в город, не знал еще такого, в трест Томусашахтострой — строить Сибирь. Ночью остановилось грузотакси в маленьком шорском улусе.

— Дальше дороги нет, — сказал шофер.

Иван отправился пешком. В темноте указал ему случайный прохожий контору на болоте. Чиркнул сторож спичкой: как-никак в солдатской форме, пустил переночевать в кабинет начальника. Утром Ивана послали землекопом на стройку.

— Теперь тоже землю копаю, только машиной, — смеется, вспоминая те дни.

Он часто и по-доброму смеется, скрывая улыбку смущения.

Застенчиво говорит при случае:

— Парень я деревенский.

Немалый путь прошел Иван Тарасенко для того, чтобы копать сегодня землю машиной — могучим шагающим экскаватором. Не было на этом пути ничего случайного. Вместе с молодым городом, вместе с угольным разрезом «Томусинский» мужал и духовно креп человек.

Стройка росла. Потребовался бетонный узел — он стал бетонщиком. Арматуры не хватало — стал арматурщиком. А прошло всего три месяца с тех пор, как искал контору на болоте. Избрали Тарасенко в комитет комсомола, потом комсоргом молодежного участка. В это время и поступил он на курсы подготовки машинистов экскаваторов. Город рос на угле.

Едва получил диплом, направили помощником машиниста на монтаж шагающего экскаватора с ковшом в десять кубов и шестидесятиметровой стрелой. Это был незабываемый подъем в жизни молодых междуреченских разрезов. Первые «шагари» монтировали, потом садились за их рычаги знаменитые машинисты: Бородин, Рублевы, Захаров, Носковы, Осипенко. Имя Тарасенко тогда еще не звучало. Но, бывало, выслушав его дельное замечание, удивлялся знатный машинист: только что пришел на разрез, а всю схему шагающего знает.

Тогда еще была известна на разрезах мало привлекательная профессия «нижник»: поднести горячее, подтащить кабель, установить

козелки — вот забота человека без квалификации, который всегда был в масле и мазуте, внизу под машиной. Смазочные работы? Ведро в руки и — пошел. Постепенно масло стало требоваться тоннами. На смену человеку пришли машины. Менялась технология труда, и, вполне естественно, менялось мышление людей в этих условиях.

Как-то было принято в ту пору, что бригадир на то и существует, чтобы потребовать, добиться, из горла вырвать, если надо, кулаком при случае стукнуть. Именно таким был его первый учитель. В героях ходил человек. Не щадил ни себя, ни других. На износ работали его машины, на износ работал он сам. Случалась заминка — брал свое, как говорится, горлом, зато «кубатуру» гнал и оказывался в первых любимыми средствами. Заработать, заработать, всеми силами урвать, выхватить, но — заработать! Вот его цель. Погибал посвоему талантливый рабочий, которого не приняло новое время... А ведь был «главным человеком на разрезе», как писали в ту пору газеты. Даже сегодня Иван не может себе позволить отозваться плохо об этом человеке, у которого начинал когда-то свой путь горняка.

— Работать он мог, и это надо ценить. Другое дело — человек он какой-то... неудачный.

Прибыл тридцатый из серии десятикубовых шагающих экскаваторов со стрелой в шестьдесят метров. Ивана послали на монтаж бригадиром. Тут и проявился его характер, абсолютно противоположный характеру его учителя: ни крикнуть, ни стукнуть не мог. Старался обстановку понять.

Не оказалось подходящего для монтажа крана, приспособили другой. Люди нервничали, а он спокойно:

— Андрейч, давай подумаем.

Вспоминая этот эпизод, помощник главного механика Шипулин делал вывод:

— Человек он — самостоятельного баланса.

Терпелив в трудностях, нетороплив в суждениях о людях. Трудовая жизнь с малых лет, тяжелое детство в оккупации на Украине, возможно, сказались в этих чертах характера. Проходят годы, и становится ясно, насколько перспективны такие неброские качества...

Новые годы жизни Ивана Тарасенко начинаются с новой машины.

— Бывает, посмотришь, аж не верится: такую махину сварганили! Сто двадцать вагонов приняли, были детали по тридцать тонн. Вагоны шли в основном по субботам и воскресеньям. Мы, ожидая, дежурили у телефона. Зима морозная, снежная. Часто за тридцать градусов. Сфотографировали все детали, чтобы легче потом в снегу находить.

Все, кто монтировал экскаватор, остались на нем работать.

На новой машине бригада оказалась в сложных условиях. Порода на «Томусинском» крепкая: скальный грунт. В забое Тарасенко полосой прошли валуны: угольный пласт расквасила днабазовая дайка, от нее-то — все беды.

— Тут подземный стаж надо учитывать, — сказали, глянув на такие условия, горняки соседнего участка.

— Тут думать надо, — сказал Тарасенко.

— И фантазировать, — добавил его первый помощник Крамской.

В то время я была на смене Тарасенко. Он сидел спокойно за рычагами, настилал дорожку-переход, по которой экскаватор должен был отшагнуть за созданную им же гору. Огромные куски скалы под ковшом экскаватора хоть снова взрывай — никак не давались. Качество взрывных работ давно отстает на междуреченских угольных разрезах. В те дни я как раз пыталась понять, что же делается, чтобы не мучились машинисты. Начальник участка буровзрывных работ устало объяснял, что положение безвыходное, что и не такие головы думают, а ничего поделывать не могут.

А дело не только в техническом отставании взрывных работ, но и в плохой их организации.

Итак, Тарасенко был на смене. Ни шума, ни нервности. Только Виктор Крамской улыбался, ну толь-в-точь как бригадир, и это выдавало крайнее напряжение.

— Вскрывать можно в месяц не до ста тысяч кубов, а вдвое больше, вот тебе и пятьдесят тысяч тонн угля, — говорил Иван вполне оптимистично.

Член партийного бюро, он в эти дни согласился с предложением: послушать на заседа-

нии бюро, почему отстают взрывные работы. Беда коснулась не только его — всего коллектива.

— Блок пробурен, вовремя не взорван. Дожди пойдут. Что тогда?

Так определялась его позиция.

После смены я беседовала с начальником участка Василием Яковлевичем Немцевым, он не так давно сам был отличным машинистом.

В чем же тонкости работы Ивана Тарасенко? Это, пожалуй, главное. Это ключ к его рабочему характеру и к своего рода таланту.

— Правильно мыслит Терентьич, — подумав, сказал руководитель участка.

Случай был на «пяточке», на очень тесной площадке. Задание — перегнуть машину. Засуетился было второй помощник машиниста Александр Васильевич Диделенко, бегом — туда, бегом — сюда.

— Ты стой, — посоветовал Тарасенко, — да подумай, куда и зачем бежать надо.

Все осмотрел, пока не нашел разумное решение. И, как сказал, все было выполнено точно.

Потому и бригада согласна с ним всегда, говорят.

Бригада согласна всегда... А как это дается? Только ли мастерством? Есть в бригаде машинист Василий Парфиненко. Раньше он работал на экскаваторе другого типа и работал отлично. А здесь не сразу почувствовал машину. Уйдя он на старый экскаватор, снова стал бы виртуозом. Но человек остался. Послушался Тарасенко: — Не думай пока о плане, набивай руку. Тебе трудно. Мы понимаем.

Человек этот спокойный, медлительный. Такой не сразу проявит себя. И Тарасенко ждет, помогает ему.

А другой машинист, напротив, горит в работе. В азарте, бывает, накуролесит, а потом:

— Я, наверное, невезучий...

— Нет, ты, наверное, слишком горячий, — скажет Иван.

— Отношение к труду у Терентьича — радостное, с удовольствием работает. Вот что привлекает к нему. Пять лет проработал я с ним, верите ли, ни разу ни на кого он не накричал, — объяснял Владимир Трофимов.

Один из руководителей разреза рассказал такой случай. Когда монтировали пятнадцатикубовый экскаватор, в самый ответственный момент заболел шеф-инженер. Сложная операция — подъем качающей стойки экскаватора — легла на плечи бригадира Тарасенко. Расчет, уверенность в своих силах и твердость характера — вот что помогло в тот раз. А в основе этих деловых качеств — техническая эрудиция.

С образованием в семь классов пришел на угольный разрез Тарасенко в начале шестидесятих годов и, как мы уже знаем, удивил знатных машинистов тем, что помнил схему новой в те годы машины назубок. Откуда в нем это?

А вот откуда. Посмотрите трудовую книжку и другие документы Ивана Тарасенко. Строчки книжки, что лесенка, от года к году, и в каждый год — рост мастерства.

Свидетельство об окончании ФЗУ, оценки — отлично. Свидетельство об окончании курса обучения в войсковой части: конструкция самолета — отлично, техническая эксплуатация самолета — отлично, основы теории авиационного двигателя — отлично, и так далее. Всего тринадцать предметов, и против каждого — отлично. Свидетельство о присвоении квалификации машиниста экскаватора: шесть предметов, и все освоены на отлично.

Потом школа рабочей молодежи, техникум. Всю жизнь учился Иван Тарасенко. Вот эта-то его страсть к знаниям и сплотила прежде всего коллектив бригады. Еще во время монтажа пятнадцатикубового экскаватора вместе с Иваном поступили в техникум сразу несколько человек. Приходя на смену, эти ребята переговаривались об экзаменах, о контрольных, другие прислушивались. А потом потянулись сами учиться. Так постепенно почти все в бригаде получили среднее техническое образование.

— Как же это вышло? — спрашиваю Ивана.

— Поговорю, — коротко, с легким нажимом на «о» и, как всегда, улыбаясь, отвечает.

— И все?

— И все.

Как это у него спокойно и уверенно выходит. «Поговорю — и все...» Бывает, и по-

чести, и награды, и умение работать есть, а вот этого самого качества не хватает. То ли из зависти, то ли из каких еще не лучших чувств, кто-то взглянет на иного передовика косо, кто-то недобро ответится о нем. А тут — ничего подобного. В оценке бригадира — удивительное единодушие. Вспоминаю беседы с самыми разными людьми.

— О Тарасенко хочу написать.

— Возражений нет.

— Что вы скажете об Иване Тарасенко?

— Только хорошее.

...Из чего складывается авторитет? Из умения работать? Да. Но вот начинал-то Иван свою карьеру на «Томусинском» в бригаде человека, который как раз умел работать, однако... не состоялся. Характер не позволил.

В разные времена года бывала я в бригаде Тарасенко. Вспоминаю такую картину.

Вокруг замершего на несколько месяцев экскаватора — белое безмолвие снега. На капитальном ремонте знакомая машина. Остыл на время ее могучий организм. Морозно. Пики новорожденных гор устремились в тусклое небо. В холодном мареве — бледное пятно солнца. Лунный пейзаж угольного разреза ждет своей очереди рекультивации, которая все еще слабо развивается у нас в Кузбассе. А уголь нужен. Редкий случай: разрез дает уголь высокой марки — коксующийся.

Собираются члены бригады, рассаживаются в холодной и неудобной сейчас кабине экскаватора. Рассказывают: этот получил диплом техника, у того родились близнецы («Приуныл вначале парень: дочки... А мы ему: «Дачи что? Сразу две дочки!» Отправили его с нарядом домой. — Это выпалил единым духом молодой машинист Раенко)... Трудны условия ремонта: зима. Тут и до раздражения недалеко. В бригаде — все те же добрые взаимоотношения.

Тарасенко в этот день — на заседании бюро горкома партии. На время ремонта, зная пристрастие каждого, он ввел специализацию: кто — за гидравлическую часть, кто — за электрическую отвечает...

— На чем у вас держится уважение в бригаде? — спрашиваю.

— На совести, — говорят. — Когда смену

один другому сдает, не проверяем, все ли в порядке, на слово верим, а кое-где на эту проверку часа полтора уходит.

— В бригаде почти все коммунисты. Это тоже кое-что значит...

На разрезе «Томусинский» впервые в угольной промышленности Кузбасса вводится автоматизированная система управления. Это современное предприятие, где стремятся работать по последнему слову техники. Но пока АСУ продвигается с трудом, и не поэзия новых методов управления увлекает здесь, а то глубоко человеческое, что, возможно, ярче проявляется на подступах к новому.

Всю прошедшую пятилетку билась бригада Ивана Тарасенко на трудных грунтах. Никто не ушел. Вот она — главная победа и самое дорогое завоевание коллектива! Выполнение плана идет ровно, надежно.

— Из-под нашего экскаватора в один только год около полумиллиона тонн угля взяли, — радуется Иван.

— Казалось бы, что ему до угля? Ведь он-то имеет дело с тем, что над углем, с грунтом, да еще каким!.. Но Терентьич не способен мыслить узко, в пределах близкой личной цели. И вот что важно: в любом деле — будь то монтаж экскаватора, отзыв о товарище, общественное поручение — он сознает прежде всего свою личную ответственность, свою самую непосредственную причастность к жизни человека, разреза, города, наконец, страны. В 1966 году коммунисты избрали Ивана Тарасенко на XXIII съезд партии.

— Ну, как впечатление? — спросила я его. Он искренне ответил:

— Переживал потом за то, как выполнялись решения съезда — ведь голосовал...

Характер коммуниста Ивана Тарасенко тем и привлекателен, что в основе его — общественная активность, постоянная потребность думать о тех, кто рядом.

Казалось бы, немало достиг Иван Тарасенко на своем трудовом пути. Но жизнь человека интересна стремлением к новому, непостигнутому пока...

— Перспектива? — Иван улыбается. — Машинисту большой разгон дан для творческой работы. У него все в руках. И ведение забоя,

и служба механика, и служба мастера... Командовать можно рычагами, кнопками. А людьми, характерами — нельзя. У нас в смене неписанный закон: доверие — полное. Для меня это дикий случай, что где-то простоял экскаватор, потому, например, что человек не пришел на смену. У нас каждый разобьется, но сделает все, что надо. Вышел из строя генератор, надо разобрать — ребята остаются, троса порвались, все сделали, исправили и только тогда пошли домой... Оставить абы как — недопустимо. Не только экономически, но и по совести. Иду на смену, уже издали вижу: экскаватор работает, все в порядке, и сразу — за дело. На передачу смены время не теряю: верю товарищу.

Правильно мыслит Терентьич... Как точно выразились его товарищи. И в малом, и в большом действует обдуманно, спокойно. Не дергает, не трясет тех, кто рядом, не ужесточает порядки. Напротив, рассчитывает на добросовестность, на человечность, на полное взаимопонимание — и люди ему платят доброй привязанностью. Привязанностью на долгие годы.

Двадцать с небольшим лет — ровно половину жизни — провел Иван Тарасенко в Междуреченске. Вот и с места не срывался, не искал более благодатных краев и к карьере не стремился. Работал и учился. А вырос неузнаваемо!

Даже давний друг, товарищ комсомольской юности, а ныне партийный работник Виктор Скутов изумляется запасам его нравственного богатства:

— Рядом с ним люди лучше становятся. В бригаде никто не пьет, ни одного прогула по этой причине за всю пятилетку. Даже курящих и тех всего трое осталось. Пожалуй, и их перевоспитает Иван.

И жена Ивана Тарасенко, Галина, призналась:

— Верите ли, это такое поколение, что ли, но его преданности делу, увлеченности даже я поражаюсь. Как будто свой комсомольский азарт, тот самый, с которым приехал строить молодой город в тайге, Иван пронес через всю жизнь...

Растут в семье Ивана Тарасенко дочка и

сын, наследуют его добрые черты, его хорошую улыбку...

Когда началось обсуждение проекта новой Конституции СССР, Иван Тарасенко так высказал свои суждения:

— Средний возраст нашей бригады — тридцать пять лет — это возраст детей войны, но лишь четверо из двенадцати не получили у нас среднего образования. Нас вырастили,

сохранили, выучили. Общество вправе рассчитывать на нас...

За прошлую пятилетку бригада переработала тринадцать миллионов кубометров скального грунта. К шестидесятилетию Октября завершила план двух лет.

— Важно знать, какой пласт жизни ты вскрываешь. Только ли свой личный или нужный всем, — рассудил Иван.

Встречи с читателями

В юбилейном 1977 году писатели Кузбасса активно выступали на заводах и фабриках, в совхозах и колхозах, в учреждениях и учебных заведениях. Только в Новокузнецке побывали три бригады прозаиков и поэтов. Интересно прошла читательская конференция в Новокузнецком педагогическом институте по коллективному сборнику рассказов «Смотрю в твои глаза».

Будущие учителя задавали много вопросов авторам книги Зинаиде Чигаревой, Виктору Баянову, Геннадию Емельянову, Владимиру Куропатову и другим.

Учащиеся Менчерепской средней школы Беловского района подготовились к встрече с поэтами Игорем Киселевым и Валентином Махаловым. На вечере поэзии присутствовали многие директора и завучи школ района.

Перед воинами Кемеровского гарнизона выступал писатель, лауреат Государственной премии Александр Волошин. Он рассказал о своих книгах.

В городских библиотеках Юрги, Междуреченска, Новокузнецка Владимир Мазаев провел читательские конференции по своим произведениям.

Творческие встречи писателей с читателями успешно продолжаются.

А. ГУКОВСКИЙ

Вечный огонь памяти

Владимир Шабалин

СИБИРЯКИ НА ПОЛЕ БОРОДИНСКОМ

Владимир Михайлович Шабалин работает директором Каменноключевской средней школы в Прокопьевском районе. Многие годы он трудился над рукописью книги «Сибиряки на поле Бородинском», по крупицам собирал материалы по этой интереснейшей теме.

В этом году советские люди отмечают большой праздник — День шестидесятилетия Советской Армии, Авиации и Флота.

Мы публикуем главы из будущей книги В. Шабалина, в которых рассказывается о славных традициях русской и советской армии, о боевых делах ее солдат и командиров.

1812 год

ОТ СИБИРИ ДО ПАРИЖА

Невольно берет оторопь, когда в твои руки попадает документ, повествующий о людях, которые родились и выросли на той самой Кузнецкой земле, где родился и вырос ты сам. Естественно, что оторопь сменяется изумлением, когда узнаешь, например, из старинного «Отпускного билета», что в Бородинской битве 1812 года участвовал не кто иной, как уроженец Кузнецкого уезда.

Конечно, о Бородинской битве известно тебе со школьных лет. Ты впервые узнал о ней еще в начальных классах, читая лермонтовское «Бородино». И все-таки колоссальная удален-

ность от Сибири знаменитой на весь мир старинной деревни Бородино не позволяет тебе, сибиряку, зримо представить, что там, западнее Москвы, чуть не два столетия назад дрались беззаветно за Родину твои земляки. Тем более, что ни книг об этом, ни даже простых упоминаний в исторической литературе нет.

Итак, передо мной «Отпускной билет» рядового Брестского пехотного полка Максима Николаевича Жаркова, выданный в 1819 году, семь лет спустя после Бородинского сражения. Этот старинный документ — прообраз современного «Военного билета». Только нет в нем теперешней лаконичности. Читая его, как бы совершаешь увлекательное путешествие по дорогам войны начала XIX века.

Брестский пехотный полк, в котором служил Максим Жарков, в день Бородинской битвы находился в составе армии генерала Багратиона и защищал знаменитые укрепления, находившиеся западнее деревни Семеновское и названные впоследствии «Багратионовыми флешами».

Восемь атак неприятеля пришлось отбить русским полкам на этой позиции. И лишь подавляющее численное превосходство врага заставило воинов Кутузова, в том числе и Брестский пехотный полк, оставить Багратионовы флеши.

Максим Жарков вместе с однополчанами ходил на неприятеля в штыки, отступал, шел вновь вперед... Охрип от крика «ура», которым сопровождалась каждая русская контратака. В короткие минуты затишья, когда противник готовился к очередной атаке, появлялось чувство голода, хотелось пить... Но французы шли вновь в атаку, и куда-то бесследно исчезали и чувство голода и жажда; и появлялись вновь силы бежать, отбивать удары врага, самому наносить их.

После полудня атаки войск Наполеона как-то сникли, увяли. И Максим Жарков, почувствовав это, расслабился. С остатками своего полка он отошел за Семеновский овраг и вместе с гвардейцами вплоть до пяти часов вечера продолжал отражать атаки французов. Он испытывал чувство радости, что битва подходит к концу, а он, Максим Жарков, все еще даже не ранен. Огляделся. От роты осталась, может быть, только четвертая часть солдат. Офицеров вообще не было видно. Стрельба затихла. Над Бородинским полем слышались стоны раненых, где-то у Семеновского ржала лошадь, а около Утицкого леса, рядом с Багратионовыми флешами, несколько сот оседланных коней уже щипали траву. Голубые и зеленые мундиры покрывали все пространство, видимое глазу.

Максим Жарков стоял в первой шеренге каре. Пуля, пущенная наугад кем-то из солдат противника, ожгла его правый бок. Жарков пошатнулся, упал.

Рана оказалась болезненной, но заживала быстро. Через десяток дней Максим Жарков ушел из лазарета в родной полк. Перед на-

шим земляком открывались будни теперь уже наступательной войны.

Завоеватели бежали. Их отступление не было похоже на летний отход русской армии в глубь страны. Жарков видел тысячи пленных, которые без охраны двигались на восток. Вид их был ужасен. Худые воспаленные лица, обезумевшие от страха и безысходности глаза...

Как-то незаметно перешли границу. Промелькнуло герцогство Варшавское. В тяжелом и кровопролитном сражении на немецкой земле под городом Лейпцигом вновь разгромлен Наполеон. Жарков шагает по курфюршества, княжествам и королевствам Германии. Чужая земля, островерхие крыши, леса, чистые и прореженные — ничто не напоминает Максиму России и уж, конечно, далекой Сибири, с которой простился он почти двадцать лет назад...

Десятки крупных боев, сотни мелких схваток — из этого складывалась война с Наполеоном на германской земле.

Немцы смотрят на русских солдат как на освободителей своей родины. Особенно запомнилась Жаркову встреча в городе Трире. Улицы украшены русскими флагами, всюду цветы, аплодисменты, приветственные крики. Брестский полк проходит по улицам тяжелым солдатским шагом. Не до церемониального марша. Солдаты измотаны многодневными переходами. Но Жарков чувствует, что глядящие на их неровные шеренги немцы понимают величие солдат, прошедших тысячи верст, победоносных верст!

Форсирован Рейн. Русская армия берет французские крепости одну за другой. Максим Жарков участвует в штурме старинного города Мец.

Окончен боевой путь русской армии. После отдыха Брестский полк двинулся на восток, домой, в Россию. Было время вспомнить Максиму о днях минувших, о войнах, в которых пришлось ему участвовать. Вот перед ним встает заснеженная Финляндия. 1809 год. Россия воюет со Швецией. Генерал Барклай-де-Толли проводит русские полки через Ботнический залив, скованный льдами, вступает на территорию Швеции, угрожает ее столице.

Жарков помнит лицо генерала: угрюмое, суровое, глаза умные, острые. Ни снежные бури, ни сильные морозы, ни оттепели не смогли остановить русских солдат. Неприятель разгромлен. С усмешкой вспоминает Жарков и лето 1809 года. Их полк посадили на многовесельные большие баржи, и они, исконные русские пехотинцы, на несколько недель превратились в моряков. Было приказано охранять Аландские острова, расположенные в горловине Ботнического залива. И морской болезнью перемаялись, и от штормов да бурь натерпелись горького до слез, и рыбыловили, и рыбу покормили. Несколько солдат из степных губерний утонули. Максим Жарков, выросший недалеко от Кузнецка, на берегу широкой и бурной Томи, воды не боялся, плавал хорошо.

В 1819 году рядовой Максим Жарков закончил службу «царю и отечеству» и где пешим порядком, а где на лошадях чуть не шесть месяцев добирался до родных кузнецких мест. Осенью, когда убрались крестьяне и с хлебами и с овощами, и сено во дворы привезли, и уже точили ножи поострее, готовясь к забою скота, прибыл солдат в город Кузнецк. Узнал он от такого же, как и он, воина, что деревня его Притышкино сгорела. Из пяти дворов не осталось ни одного. Пришел Максим Жарков на место пепелища, стоял над ним и час, и два, и три... Снег падал на его непокрытую голову, на медаль, на седые могучие усы. Вверх по Томи тянули лошади баржу. Жарков зашагал вслед. Снег шел все гуще и гуще. Черная томская вода стремительно мчалась на север. Солдат уходил на юг, к синееющим вдали волшебным горам, которые снились ему еще в детстве, а потом на бивуаках почти всех европейских стран. Пелена густого осеннего снега окутала солдата...

Алексопольский пехотный полк, в котором служил земляк Максима Жаркова Гурьян Неклюев, потерял на Бородинском поле больше половины личного состава. А рядовому Гурьяну Неклюеву повезло. Он не был даже ранен. До Бородинской битвы сибиряк воевал

в армии Багратиона. Под деревней Салтановкой, где решалась судьба всей 2-й русской армии, Неклюев был в первых шеренгах, шедших в атаку на позиции французов. Это и его заслуга, что корпус наполеоновского маршала Даву здесь, под Салтановкой, потерял три с половиной тысячи своих солдат и офицеров. Потери русских были в два с лишним раза меньшими. Среди раненых оказался и Гурьян Неклюев. Пуля пробила правую ногу «всковозь, навывлет», как сказано в его отпускном билете.

Рану Неклюев залечил быстро. И вскоре уже участвовал в Смоленском сражении. Почитаем его «Отпускной билет»: «...в российских пределах против французских войск в действительных сражениях находился: июля 11 при селении Салтановка, ...августа 4 и 6-го при городе Смоленске, 24—26 при селении Бородине, октября 12 при городе Малом Ярославце, ноября 6 и 7 при местечке Красном. Генваря 1813 года с 28-го по июня 26-го при блокаде крепости Модлин, октября (того же года — В. Ш.) 1-го в сражении при городе Дрезден, 6-го и 7-го при городе Лейпциг. А оттоль при блокаде крепости Ревеля и потом пройдя через город Париж обратно в герцогство Варшавское.

1815-го года в апреле выступили из герцогства Варшавского. По 18 апреля по Пруссии, с 18-го апреля по 4 мая в Богемии, с 4-го мая по 13 июня в Баварии, с 13-го по 20 в Рейнском владении, с 20-го июня сего года по 1818 год во Франции. Обратно 1819 года, февраля 6-го дня прибыл в Российские пределы» (Научный архив Государственного Бородинского военно-исторического музея, д. 200).

Этот документ в особых комментариях не нуждается. Дошел сибиряк из деревни Малая Убинка Томской губернии «аж до Ламанша». И вернулся домой в том же, что и Максим Жарков, 1819 году. Его Убинка разрослась, степи вокруг деревни были распаханы. Началась крестьянская жизнь защитника Бородинского поля. Односельчане стали его звать Гурьяном Кирилловичем.

Жарков и Неклюев были пехотинцами. Их старший, и по возрасту, и по времени службы в армии, земляк-бийчанин Александр Никола-

ев сын Иванов — кавалерист. Призван в армию еще в 1789 году. К двенадцатому году он прослужил больше двадцати лет. До Бородинской битвы Александр Иванов, служивший в Сибирском драгунском (позднее уланском) полку, находился в непрерывных арьергардных боях. Эти бои были удачными для русских кавалеристов. На белорусской земле были разгромлены передовые отряды противника под Городком и Ошмянами. Сибирский драгунский полк отличился в бою за Витебск. Затем Смоленск, Вязьма, Царево Займище, Гжатск. Когда в Царево Займище прибыл Кутузов, Александр Иванов и весь его полк вели бой западнее. Фельдмаршал Иванов увидел впервые уже в ноябре, во время преследования неприятеля. Перед самым Бородинским сражением Иванов участвует в разгроме крупного отряда баварской конницы. Все тринадцать эскадронов врага рассеяны в районе деревни Лескино. Невысок оказался моральный дух и воинское мастерство кавалеристов-немцев, насильно призванных Наполеоном в его «Великую армию».

23 и 24 августа, когда основные силы русской армии занимали Бородинские позиции, Сибирский драгунский полк под деревнями Шишкино и Глазово громит уже чисто французские подразделения — отборные кирасирские эскадроны.

В день Бородинской битвы Сибирский драгунский полк вместе с Иркутским с утра до полудня находился в резерве. Однако полки несли тяжелые потери от ожесточенного артиллерийского огня противника. Генерал Корф, командовавший драгунскими полками, докладывал впоследствии: «Сибирский и Иркутский полки были поставлены для прикрытия большой батареи (батареи Раевского — В. Ш.), перед центром нашим находящейся. Они от восьми утра до полудня стояли под жесточайшим пушечным огнем. Когда в сие время сильная колонна неприятельской кавалерии и пехоты старалась овладеть оною батареею, то сии полки, ударив стремительно на неприятеля, опрокинули его и тем способствовали к удержанию места».

Командующий 1-й русской армией Барклай-де-Толли в рапорте Кутузову докладывал:

«Иркутский и Сибирский полки преследовали и гнали неприятеля до самых его резервов».

Драгун Иванов вышел из Бородинской битвы невредимым. Если сказать, что ему повезло, то это будет неправда. Помогло нашему земляку его высокое воинское мастерство: умение владеть клинком, снайперская меткость стрельбы из кавалерийского карабина, необычайное хладнокровие и выдержка. Когда разъяренный французский драгун занес над Ивановым оружие, сибиряк спокойно, как на учении отбил удар, и противник остался безоружным, поднимая руки.

Шел драгун Иванов от битвы к битве, шел по заснеженной родной земле, изгоняя врага, шел по земле польской, немецкой, французской, шел и не мог сосчитать, сколько верст им пройдено, сколько побед одержано. Даже степи алтайские стали забываться драгуну, даже милая река Бия-озорница вспоминалась ему не горной красавицей, а ленивой европейской рекой, которой нет дела до весеннего буйного разлива, порогов и перекатов.

Полковой писарь хладнокровно написал в «Отпускном билете» Иванова: «Принимал участие в деле при Тарутине, под Малым Ярославцем, да под Красным, да на реке Березине, да...» (Госархив Алтайского края, ф. 177, оп. 1, д. 14, л. 46).

Был летом двенадцатого года драгун Иванов в арьергарде со своим славным полком, был драгун Иванов с однополчанами в авангарде при изгнании войск Наполеона из России.

На чужой земле много пришлось воевать драгуну. Блокировал, как и кузнечанин Максим Жарков, крепость Модлин, что в Польше, брал в Богемии город Вальдбург, дрался в «битве народов» под Лейпцигом, изгонял наполеоновские гарнизоны из немецких городков Венигфельса и Неймарка, атаковал неприятеля у деревень Тотleben да Кедleben, а потом гнал за ним аж до Эрфурта. Осаждал Магдебург.

Под Гамбургом закончил свой боевой путь драгун Иванов. Первого января 1815 года переступил он границу России, ровно через двадцать шесть лет с того далекого дня, как одели его в солдатский мундир.

ФЛЕГОНТ И ФРЕДЕРИКА

В четырнадцать лет сын сибирского солдата Флегонт Ложников стал лекарским учеником. А через девять лет, в 1812 году, он получает одно за другим повышения по службе. 9 марта Ложников лекарь лишь третьего класса, а двадцать дней спустя к нему обращаются уже как к лекарю второго класса, и, наконец, в декабре Ложникову присваивается почетное и ответственное звание лекаря первого класса.

Такое стремительное повышение по службе можно объяснить не только потребностью армии в медицинских работниках, но и, видимо, большими способностями Флегонта Ложникова. Он с достоинством пронес через войну звание выпускника Петербургской медико-хирургической академии, в которую прибыл из Барнаула в 1806 году «для усовершенствования врачебной науке».

В день Бородинской битвы Ложников — лекарь 17-й артиллерийской бригады. Он перевязывает раны, оперирует солдат. Снаряды и пули достигают лазарета. Но идут и идут в лазарет раненые: и свои — артиллеристы, и «чужие» — кавалеристы, пехотинцы, егеря, и действительно чужие — раненые и попавшие в плен солдаты и офицеры Наполеона. Колдует над ними Ложников с таким же старанием, как и над своими ранеными.

После Бородинской битвы Ложникова прикомандировывают в «главное дежурство при князе Голицыне-Кутузове-Смоленском». Но тихая жизнь при главнокомандующем не по душе 23-летнему сибиряку. Он просится в авангардные части, туда, где трудно, где много работы, тяжелой, но необходимой. В конце октября двенадцатого года Ложников покидает штаб.

Зимой и весной 1813 года Флегонт Дмитриевич участвует в заграничном походе. Его ценит сам генерал-штаб-лекарь Яворский. Летом Яворский отправляет Ложникова в Петербург с каким-то важным поручением. Некоторое время лекарь первого класса работает в Петербургской «Военно-временной гошпитали».

И вновь армия. Ложников мечтает после вой-

ны о службе армейского лекаря. И, казалось бы, ничто не могло помешать осуществлению его мечты. И все-таки мечта не осуществилась. А все началось с того, что Флегонт в одном из небольших немецких городков познакомился с молодой и красивой немкой Фредерикой. Не зная Ложников немецкого языка, все бы, может быть, и кончилось парой взглядов да нежных улыбок. Однако Флегонт еще в академии в совершенстве овладел этим языком. В минуты отдыха читал в подлиннике Шиллера и Гете.

Фредерика любила этих же поэтов. Так что молодые люди имели возможность обмениваться мнениями о поэзии. Лазарет Ложникова находился в городе чуть не целый месяц. Этого времени было вполне достаточно, чтобы выяснить окончательно отношения между любящими сердцами. Родители Фредерики протестовали, ходили к русским начальникам жаловаться на их любвеобильного господина лекаря, убедили местного священника ни в коем случае не венчать православного Флегонта и лютеранку Фредерику. Однако все это никак не действовало на влюбленных. Ложников в бога не верил. Перестала верить и Фредерика. Слух дошел до генерала Яворского. Старик был старого закала и, не входя в подробности, отдал приказ заблудшего лекаря из армии удалить.

И Флегонт с Фредерикой отбыли из старого немецкого города в Россию. Попытка обвенчаться в Москве ни к чему не привела. Тогда влюбленные махнули на все рукой и поехали в Сибирь, где никто не помешает им ни обвенчаться, ни жить, как хотят. Венчанье состоялось в Барнауле. В «Формуляре» Ложникова сказано: «имеет жену Фредерику Федоровну. Купеческая дочь, 22 лет, лютеранского закона» (Госархив Алтайского края, ф. 1, оп. 2, д. 2318, л. 34).

Всю остальную жизнь связал штаб-лекарь Ложников с Сибирью. Служил он в Змеиногорском госпитале, и в Барнауле, и на Салаирском руднике. Видимо, Флегонт Дмитриевич был первым на кузнецкой земле врачом, имевшим высшее академическое образование. А это в те времена многое значило.

Среди сотен писем, предписаний, распоряжений и приказов Михаила Илларионовича Кутузова короткий приказ № 100 от 28 августа 1812 года на первый взгляд не может вызвать у исследователя обостренного интереса. В первом пункте фельдмаршал приказывает генералу Милорадовичу вступить в командование 2-й армией вместо тяжело раненного Багратиона. Затем следует любопытная строчка: «Строго подтверждается начальствующим войсками за водой во время сражения вперед себя людей не посылать». Ниже: «Мародеров, шатающихся по сторонам и в лесах, по поимке наказывать строжайшим образом без пощады».

Последний пункт приказа гласит: «18-го егерского полка фельдфебель Золотов по власти, высочайше им данной, за взятие французского генерала производится в подпоручики» (М. Кутузов. Сборник документов, т. 4, ч. 1. М., 1954, с. 160).

18-й егерский полк, входивший в состав 24-й дивизии генерала Лихачева, в день Бородинской битвы отстаивал батарею Раевского. Фельдфебель-сибиряк Золотов вместе с товарищами отбивался от наседавших французов. На вершине холма шел рукопашный бой. Враг пытался подавить русских своим численным превосходством. Егеря-сибиряки 18-го и 19-го полков медленно отходили, ожидая поддержки своих резервных частей, стоявших восточнее батареи Раевского. И вот генерал Ермолов во главе одного из русских батальонов врывается на холм. Егеря вместе с пехотинцами за несколько минут отбрасывают противника от батареи Раевского. В этот-то момент наивысшего накала боя фельдфебель Золотов благодаря своим острым охотничьим глазам и заметил в толпе отступающих французов генерала. Мощными ударами приклада раскидал он окружавших генерала офицеров и солдат, выбил шпагу из рук генерала и, схватив его за воротник, вытащил из боя. Спустя полчаса бригадный генерал Бонами, приведенный Золотовым, имел удовольствие видеть фельдмаршала Кутузова, который вежливо расспрашивал его о здоровье и обстоятельствах пленения.

У ШЕВАРДИНСКОГО КУРГАНА

16 октября ареной ожесточенных боев стала не только южная часть Бородинского поля, где истекал кровью батальон капитана Зленко. Из района Рогачево и Фомкино рано утром фашисты устремились к деревне Шевардино и Шевардинскому редуту. Земля, впитавшая кровь сынов Отечества и чужеземцев 24 августа 1812 года, вновь стала местом сражения.

Честь защищать деревню Шевардино и Шевардинский редут выпала на долю второго батальона 322-го стрелкового полка. Поддерживала батальон Щербакова, как и в бою за Рогачево, полковая батарея старшего лейтенанта Нечаева. Этот утренний бой навсегда запечатлелся в его памяти. Полковник Николай Петрович Нечаев вспоминает: «Мы со Щербаковым решили установить совместный наблюдательный пункт на Шевардинском редуте. Я побывал на огневых позициях своих взводов. На закрытых позициях оставалось два взвода. Один огневой взвод моей батареи и уцелевшее 45-миллиметровое орудие Мазуренко были поставлены для ведения огня прямой наводкой. Взвод противотанковых орудий сержанта Смирнова занял огневые позиции в боевых порядках четвертой роты у железнодорожного переезда.

Уже перед рассветом 16 октября мы со Щербаковым возвратились в крайнюю избу деревни Шевардино. Только успели заснуть, как разведчики втащили в комнату насмерть перепуганного гитлеровского офицера.

— Товарищ капитан, — обратился к Щербакову разведчик Иван Скиба, — фрица взяли. Зажгли свет. Гитлеровцу развязали руки. Его толстая нижняя губа отвисла, а зубы выстукивали дробь.

— Ну, спрашивай его, а мы послушаем, — обратился Щербаков к лейтенанту Запрягеву, который хорошо знал немецкий язык.

Фашист угодливо кивал головой, охотно отвечал на все вопросы. Подтвердил наши разведданные о сосредоточении танков и пехоты в Рогачево.

— Товарищ капитан, пленный говорит, что он интендант, что ему приказано 16 октября отобрать у населения в Можайске все продовольствие и теплую одежду.

— Сегодня, значит, — Щербаков переглянулся со мной и политруком Иваном Дмитриевичем Легостаевым. — Понял, комиссар? — спросил он Легостаева. — Они уже считают Можайск своим.

— Плохо фашисты знают наш народ! — сказал Легостаев и с брезгливостью посмотрел на толстые щеки пруссака.

— Что он еще говорит? — спросил Щербаков.

В это время гитлеровец поднял голову, глаза его воровато забегали, и он визгливо выкрикнул:

— Рот фронт!

Щербаков поморщился.

— Какие слова пачкает, подлец. Отведите его в штаб полка.

— Василий Алексеевич, пришли командиры рот, политруки, парторги и комсорги.

— Пускай заходят.

В избе была полутьма, мигала керосиновая лампа. На холодной печке тихо стонала больная старая женщина. Щербаков подошел к ней, взгляделся в изможденное лицо. Потом повернулся к собравшимся товарищам.

— Садитесь.

Командиры рот Глухов и Захарченко, политруки Легостаев, Путинцев и Пустовой потихоньку прошли вперед к столу. Остальные расселись вдоль стен.

Дав необходимые указания, комбат отпустил всех. Когда мы вышли, то увидели, что уже рассвело. Поспел завтрак.

— Подкрепляйтесь, друзья, поплотнее, — посоветовал нам со Щербаковым Легостаев. — Сегодня день будет жарким.

Ночью выпал снег. Все покрылось белым пушистым ковром. Утро 16 октября выдалось на редкость солнечным, ясным. С Шевардинского кургана открывался чудесный вид на леса, синевшие по всему горизонту, на исторические деревни Шевардино, Семеновское, Бородино, на многочисленные памятники, стоявшие по всему Бородинскому полю, как часовые, охраняющие священную землю.

— Идут, идут! — пронеслось по цепи. Между деревень Фомкино и Доронино стало заметно движение гитлеровцев.

— Не меньше двух батальонов и пять танков, — доложил лейтенант Запрягаев.

Противнику дали приблизиться на расстояние ружейно-пулеметного огня. Щербаков подал команду:

— Огонь!

Моя батарея открыла беглый огонь по заранее пристрелянным рубежам у опушки Утицкого леса, где накапливались фашисты. Огонь отрезал им пути отхода и выхода из леса. Орудия прямой наводки с первых выстрелов подбили три танка. Гитлеровцы, вышедшие на поляну, расстреливались ружейно-пулеметным огнем батальона. Более двухсот трупов и три танка остались на заснеженной поляне.

Но через несколько десятков минут фашисты ответили огнем минометов и артиллерии, а затем при поддержке авиации снова пошли в атаку. Но и эта атака им не удалась. Батальон крепко держал высоту, увенчанную Шевардинским редутом.

После успешного отражения двух атак противника Щербаков принял меры по укреплению участка обороны. Он отправил к железнодорожному поезду боевое охранение во главе с лейтенантом Василием Акимовичем Хомухой, усилив его пулеметным взводом. Туда же отправился и я со взводом управления батареи. Расстояние от Шевардинского кургана до насыпи железнодорожного полотна, где обосновался наш передовой наблюдательный пункт, было метров шестьсот. Оттуда просматривались все подступы к Шевардино.

Ввиду того, что Шевардинский курган непрерывно обстреливался огнем артиллерии врага и подвергался бомбежкам, Щербаков перешел на командный пункт батальона в противотанковый ров восточнее кургана. Отсюда он и управлял боем.

Во второй половине дня, после артиллерийской подготовки, противник начал атаку с фронта и фланга. Пять часов длился бой. Стало совсем темно, когда гитлеровцы пошли на решительный штурм. Я по-прежнему оставался на левом фланге батальона, на передовом наблюдательном пункте у железнодорож-

ного полотна. Мне было слышно, как севернее, у Шевардинского редута и деревни Шевардино, идет бой. Стало видно, как загорелись избы в деревне. В свете пожарища мы заметили, как группа фашистов обошла наш наблюдательный пункт. Обстановка с каждой минутой накалялась. Около меня собралось более двадцати человек, отошедших от боевого охранения. Принесли тяжелораненого лейтенанта Хомуху. В грохоте стрельбы уже слышалась гортанная немецкая речь, выкрики:

— Рус, сдавайся!

— Надо поднимать людей, — сказал я лейтенанту Запрыгаеву. — Только в рукопашной схватке сможем пробиться. И с возгласом: «За Родину! Вперед! Ура!» — побежали. За мной устремились все. Мы пробили брешь, вынесли тяжелораненого Хомуху и начали отходить к деревне Семеновское, в центр Бородинского поля.

В бою за Шевардино все воины батальона Щербакова и приданной полковой батареи Нечаева дрались героически.

Пулеметная рота потеряла своего командира, но назначенный в ходе боя командиром роты лейтенант Василий Михайлович Целищев твердо руководил пулеметчиками. Не один десяток фашистов уничтожил лично Целищев.

В качестве стрелков отлично действовали разведчики взвода управления полковой батареи. Один из них Михаил Георгиевич Пospelков называет имена своих боевых друзей: тюменцев Суворова, Немченко, Кокорина, Гончарова, москвича Меньшикова, уроженцев Алтайского края Шмакова и Скибу, якута Дмитрия Дмитриевича Сухарева. Это они взяли в плен немецкого офицера-интенданта. По их данным с закрытых позиций артиллеристы Нечаева громили скопление немецкой пехоты и боевой техники у Доронино и Фомкино. На счету у каждого из них по несколько убитых и раненых врагов. Ведь каждый из разведчиков был, как правило, «ворошиловским стрелком».

Смертью героев погибли в бою у Шевардино командир 5-й роты Захарченко, политрук этой же роты Путинцев, младший политрук Мельников. Раненный еще под Рогачево, политрук

Уткин не покинул поле боя и 16 октября. Он участвовал в бою за Шевардино, вдохновляя бойцов не только словами, но и меткими своими выстрелами и точными бросками гранат. Героически дрались в этом бою секретарь партбюро 322-го полка политрук Илья Порфирьевич Пустовой и инструктор полка Иван Дмитриевич Легостаев. Они вели бойцов в контратаки, первыми вступали в рукопашные схватки с врагом.

Тяжелы были потери подразделений, дравшихся и за Шевардинский редут и деревню Шевардино. В батальоне Щербакова было убито или ранено свыше сотни воинов. В полковой батарее Нечаева погибла половина бойцов. Один из артиллеристов Андрей Никитович Сайгушев вспоминает: «Наше орудие в этом бою подбило два танка. Начался минометный обстрел. Я лег в ровик. Рядом со мной был солдат из роты, которая нас прикрывала. Он был убит осколком мины и захоронен мной в этом ровике рядом с курганом. Десятки вражеских солдат и офицеров уничтожили артиллерийским огнем орудия нашей батареи, которыми командовали сержанты Степанов и Елизаров. В полдень мы отошли восточнее к деревне (Семеновское — В. Ш.), где и продолжали бой» (Архив автора).

БЕЗ ВЕСТИ НЕ ПРОПАЛИ

133-й артиллерийский полк, входивший в состав 32-й стрелковой дивизии полковника В. И. Полосухина, в день прибытия на Бородинский рубеж стал полностью партийно-комсомольским. Бывший начальник артиллерии дивизии Алексей Степанович Битюцкий и сегодня называет этот полк образцовым. В предвоенные годы во время инспекционных проверок, парадов, смотров именно 133-й почти всегда занимал первое место среди других частей и подразделений полосухинской дивизии.

133-й полк в сорок первом году был по своему составу не только сибирским, а, пожалуй, целиком кузбасским. Подразделения как первого, так и второго дивизионов состояли

из сынов земли Кузнецкой. Ветеран этого полка Илья Федорович Копылов вспоминает: «В 1940 году я окончил Мариинское педучилище. Нас, юношей-учителей этого выпуска, призвали в армию. Все мы стали служить в 133-м артиллерийском полку 32-й Краснознаменной дивизии».

Возглавляли полк в 1941 году майор Алексей Саватеевич Ефремов, уроженец Чебулинского района и кемеровчанин капитан Павел Петрович Сарыгин. Ефремов командовал полком с 1938 года, Сарыгин был начальником штаба. Естественно, полковник Полосухин, сам коренной сибиряк, бывая у артиллеристов, находил время не только для деловых бесед, но и вспоминал вместе с Ефремовым и Сарыгиным и тайгу кузнецкую, и Томь-красавицу, и прекрасные синие горы.

Первый дивизион полка Ефремова почти полностью погиб в центре Бородинского поля 16-го и 17-го октября сорок первого года. Второй дивизион, находившийся на северном фланге Бородинского рубежа, к концу боев за Бородино имел все свои восемнадцать орудий, всю материальную часть в полном составе. Потерь в людях тоже не было. Это объясняется тем, что северный фланг Бородинского рубежа не подвергался таким ожесточенным атакам, как его юг и центр. Второй дивизион прикрывал стоявший в обороне 113-й стрелковый полк майора Солдатова.

Когда в ночь с 18 на 19 октября дивизия стала отходить на новый оборонительный рубеж, именно 113-й стрелковый полк и прикрывавший его второй дивизион 133-го артиллерийского полка стали основной силой дивизии.

Критическая обстановка для соединения Полосухина сложилась в ночь с 20 на 21 октября. Подразделения натолкнулись в районе севернее Можайска на большую механизированную колонну врага, стоявшую на шоссе. Была темная осенняя ночь. После доклада разведчиков о противнике полковник Полосухин немедленно собрал командиров. Майору Ефремову было приказано скрытно, на руках подтянуть к шоссе все восемнадцать орудий его второго дивизиона и по особому сигналу одновременно открыть огонь по стоя-

щей вражеской колонне. Орудия были поднянуты на расстояние, не превышающее сто метров. Участник этого боя артиллерист П. М. Шевченко вспоминает: «Брезжил рассвет. Ко мне подошел начальник штаба 133-го артиллерийского полка капитан Сарыгин. Я доложил, что мое орудие к стрельбе прямой наводкой готово, и спросил его:

— Во что стрелять сначала? В танки или бензовозы?

— Бей по бензовозам, потом по танкам и бронемашинам, — приказал капитан.

Взлетела зеленая ракета. Мы открыли беглый огонь по врагу. Вспыхнули бензовозы. Огонь перекинулся на бронемашину и танки. Колонна превратилась в огромный пылающий костер. Его, наверное, было видно на многие километры вокруг.

Гитлеровцы, ночевавшие в соседних деревнях и находившиеся в колонне, после короткого замешательства и непродолжительной паники вступили в бой с нами. Часть их танков, спрятанная в соседнем лесу, двинулась на нас». Бой этот был тяжелым и кровопролитным. Фашисты, разъяренные гибелью механизированной колонны, решили уничтожить нападавших во что бы то ни стало. Взорвав последними снарядами свои орудия, воины 133-го артполка под руководством майора Ефремова и капитана Сарыгина бросились на атакующего врага. На глазах у Шевченко упал сраженный пулей Сарыгин. Шевченко, бежавший рядом, повернул капитана лицом к себе. Тот был мертв».

В течение всего 21 октября противник с ожесточением и упорством преследовал отходящие подразделения полосухинской дивизии. Спустя десятилетия Павел Михайлович Шевченко, узнав адрес семьи Павла Петровича Сарыгина, написал в Кемерово письмо, в котором и рассказал об обстоятельствах гибели нашего земляка. Дочь капитана Сарыгина Галина и сын Геннадий, проживающие в городе Кемерове, хранят письмо однополчанина своего отца как дорогую реликвию, хранят так же бережно, как и письма Павла Петровича, отправленные им домой с Бородинского рубежа. Долгие годы о капитане Сарыгине знали только одно, что он пропал без вести.

Письмо Шевченко опровергло эту версию.

Жизненная дорога будущего защитника Бородинского рубежа Павла Сарыгина началась трудно. Он родился в 1908 году в бедной крестьянской семье и уже в двухлетнем возрасте остался без отца. Самостоятельную жизнь начал в четырнадцать лет, когда умерла мать. Родным для Павла стало Кемеровское горнопромышленное училище. Отсюда комсомолец Сарыгин в 1926 году уехал учиться в Томское артиллерийское училище. А затем служба в армии, служба до 21 октября 1941 года — до гибели.

Майор Алексей Саватеевич Ефремов отличился еще в боях у озера Хасан, где 32-я стрелковая дивизия получила свое боевое крещение. За отвагу и мужество наш земляк был награжден орденом Красного Знамени и, поскольку до войны награжденных этим орденом было очень немного, Ефремов вместе с боевыми друзьями получил награду в Кремле из рук Михаила Ивановича Калинина.

Алексей Саватеевич отлично знал артиллерийское дело и не случайно, что на Бородинском рубеже оба дивизиона его полка выполнили поставленные перед ними задачи: нанесли противнику тяжелейшие потери. Был он невысокого роста, крепкий, коренастый человек. Правдивый, требовательный и отзывчивый, порывистый, спокойный и беспокойный — все сочеталось в нем.

В том предутреннем бою 21 октября севернее Можайска Ефремов пропал без вести. В январские дни 42-го года, когда 32-я дивизия наступала на запад, жители одной из деревень Можайского района рассказывали о том, что в октябре немцы схватили находившегося здесь без памяти раненого советского командира, у которого был орден Красного Знамени. Враги пытали его, добивались сведений о Красной Армии, потом казнили самым извержеским способом. Сожгли на костре.

БОРОДИНСКИЙ МАРЕСЬЕВ

В конце двадцатых — начале тридцатых годов на маленьком пароходе по реке Томи плавал молодой механик Александр Постников.

Пароход доставлял стройкам Кузбасса различные грузы: станки, гвозди, стекло, цемент — короче все, что требовалось стройкам Кемерово, Новокузнецка, Прокопьевска. На пароходе плыли строители КМК, будущие химики и шахтеры. Благодаря неусыпному вниманию молодого, но опытного механика Постникова пароход ни разу не выходил из строя, хотя его возраст был солидный. Судно строилось еще в XIX веке и досталось молодой Советской республике в плачевном состоянии.

В октябрьские дни 41-го года сибиряк Постников был политруком батареи 154-го гаубичного полка полосухинской дивизии. Батарея занимала огневые позиции на южном фланге Бородинского рубежа, в районе деревень Ельня и Артемки. Уже с 13 октября, первого дня боев при Бородине, огневые позиции батареи подвергались ожесточенным налетам вражеской авиации. С 14 же и по 18 противник атаковал наземными силами. Четыре гаубицы батареи вели почти непрерывный огонь прямой наводкой, сжигая немецкие танки, уничтожая живую силу противника. Когда пехоте врага удавалось подобраться к огненным позициям батареи вплотную, артиллеристы, возглавляемые политруком Постниковым, бросались в контратаки и уничтожали фашистов штыком, прикладом, гранатами, огнем из автоматов и ручных пулеметов...

Батарея несла потери. Выбывали из строя наводчики, командиры орудий, подносчики снарядов. Политрук заменял погибших и раненых боевых друзей, сам становясь к гаубицам. По приказу командира гаубичного полка, тоже сибиряка, майора Василия Кузьмича Чевгуса батарея должна была сменить огневые позиции. Чевгус вспоминает: «Сниматься с огневых позиций пришлось под ураганным огнем противника. Одна из гаубиц была уже прицеплена к трактору-тягачу, но в этот момент тракторист был тяжело ранен. Положение сложилось серьезное. Орудие могло достаться фашистам. Политрук Постников сел за штурвал трактора, спас гаубицу, отведя ее под огнем в безопасное место. На лафете орудия находилось восемнадцать раненых бойцов, которые своим спасением обязаны тоже политруку».

В ноябре 41-го года Александр Кузьмич Постников — парторг минометного дивизиона. «Отличный был парторг, — тридцать лет спустя говорит бывший командир этого дивизиона полковник в отставке Николай Петрович Нечаев. — Был не просто парторг, а и специалист-артиллерист, что особенно на войне ценится солдатами. Агитировать в те времена солдат за Родину словами было незачем. Он это понимал. Агитировал своеобразно: как заправский минометчик учил бойцов метко стрелять по врагу. Конечно же, и о силе слова не забывал, но болтовню терпеть не мог».

В бою под деревней Коровино, что в Подмосковье, Александр Кузьмич был тяжело ранен и лишился обеих ног. Предвосхищая под-

виг Алексея Маресьева, он научился ходить на протезах. Будь он летчиком, несомненно, стал бы летать и без ног, но артиллерия дело другое...

Политрук нашел в себе силы учиться, а затем в течение трех десятков лет трудиться на ответственной партийной работе. Последние годы А. К. Постников работу в ЦК КПСС сочетает с военно-патриотической деятельностью. Защитник Бородинского рубежа переписывается со многими школами, изучающими боевой путь его родной дивизии, рассказывает о своих боевых друзьях-однополчанах. Ребята, как и ветераны полесухинской дивизии, называют его Бородинским Маресьевым.

*ст. Каменный Ключ,
Прокопьевский р-н*

Зоя Естамонова

СЕРДЦЕ ЛЕРМОНТОВА

Ивану Александровичу Чермянину в смелости творческих поисков не откажешь, на выставках он выступает и с портретами, и с пейзажами, и с жанровыми полотнами. Робок он только во всем том, что касается многолетнего труда — лермонтовской темы, и эту работу, единственную, даже коллегам показывает неохотно. Впрочем, слово «тема» в этом случае ничего не объясняет, точно так же, как «с детства любил»: с Лермонтовым Иван Александрович не расстанется, и если для других, полюбивших поэта однажды, он воплощался впоследствии в милые сердцу томики книг, то для Чермянина Лермонтов всегда был настолько близким, что порой казалось — он жив, он где-то есть. Читая Лермонтова, слышал все интонации — жар восторга, вспышки гнева, приступы боли, мольбу, отчаяние, горячий шепот влюбленного — как слышат неровное дыхание стоящего рядом взволнованного человека... Поэтому, может быть, и от иллюстраций к лермонтовским произведениям отказался — больше волновала жизнь поэта.

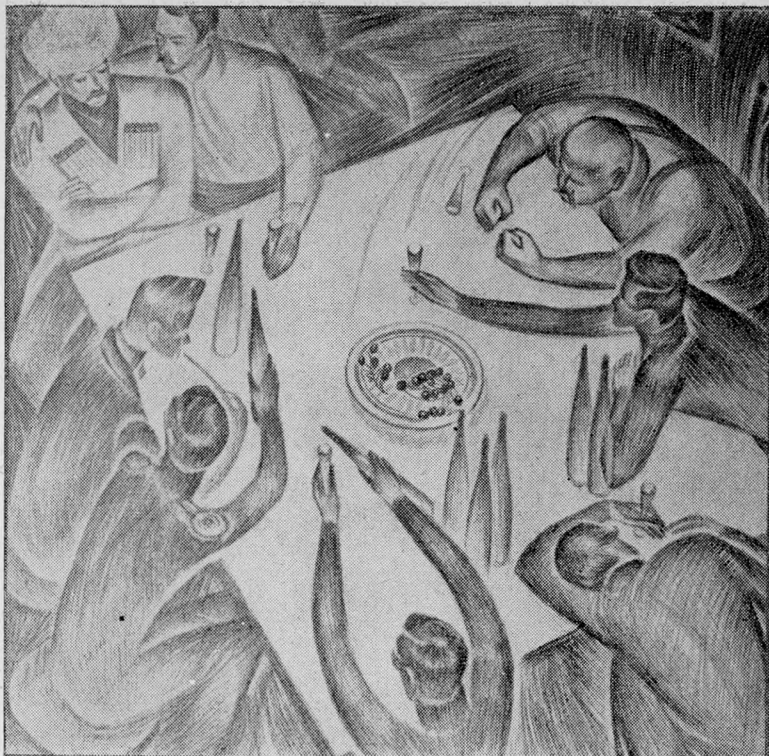
Известно, как беден иконографический архив тех времен. Из портретов, изображавших Лермонтова, исследователи затрудняются назвать наиболее убедительный. Иван Александрович верил больше всего автопортрету. Повесил репродукцию этой акварели в мастерской и попытался вылепить голову поэта. Все первые ра-

боты были в основном попыткой найти психологическое состояние в остроте момента, раскрывающего личность. Вглядывался в акварель, написанную рукой самого поэта, затем искал у себя в эскизах жизнь этого лица. «Лермонтов пишет «На смерть поэта», Лермонтов захвачен идеей «Мцыри», Лермонтов на горячем скакуне, Лермонтов на дуэли... Между тем, сам Лермонтов изобразил себя в бурке на фоне Кавказских гор, и Кавказ, действительно, был местом кульминационных событий его жизни. Иван Александрович отправляется в путешествие по лермонтовским местам. В путевом блокноте появляется Эльбрус, «Золова арфа», домик Лермонтова, но, в общем, этих документальных натурных зарисовок не так уж много, — и настроение первых дней пребывания в Пятигорске тоскливое, нерабочее. Кажется, здесь-то и почувствовал он по-настоящему безнадежную грусть лермонтовских глаз в юношеском автопортрете.

Перед беспощадностью судьбы все казалось ненужным, в творчестве своем он не видел смысла. У могилы Лермонтова он сурово карал себя за лихие, чужие ему, как теперь он это понимал, попытки портретов в «романтических» позах.

Поездку на Кавказ он повторит еще раз, чтобы справиться с явным чувством вины перед Лермонтовым. Отложив до поры до вре-

Сговор (Перед ду-
элью)

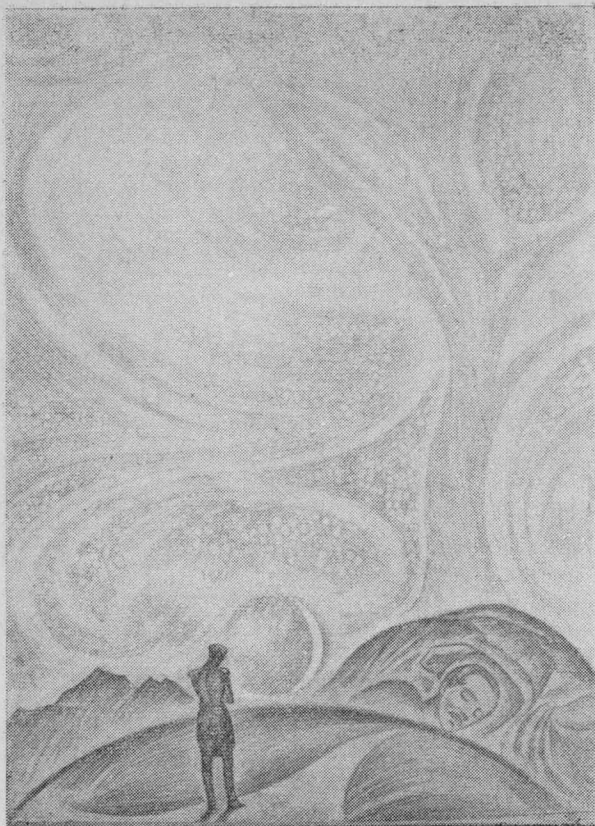
мени эскизы и варианты задуманного им большого портрета, он буквально не расстался с простым карандашом...

...В глубоком ущелье — маленький всадник с поднятой в бурном жесте рукой. Как восклицательный знак в равнодушном величии ландшафта. «Си-ни-е го-ры Кавказа, приветствую ва-ас...» Эхо повторяет голос... И такая же маленькая, если взглянуть на нее с высоты гор (горы — свидетели!), человеческая фигура, неподвижно простертая на земле... Обожгла мысль: сердце Лермонтова было для Мартынова обыкновенной мишенью... И еще: природа — грозный судия: дуэль-убийство сопровождала сильная гроза... Карандаш набрасывает горы, покрытые свинцовыми грозowymi облаками, и рука задерживается... Не облака — «тучки небесные». Обыкновенные тучи — это для Мартынова. Для Лермонтова — «веч-

ные странники», поманившие его однажды свободой полета... Карандаш помогает им спуститься с горных вершин, низко кружат их крылья над телом поэта.

Можно изобразить дуэль во всей достоверности обстановки, но пусть изображает ее так тот, кто видит в ней только убийство поэта. Раньше Иван Александрович так и рисовал: Лермонтов перед дулом мартыновского пистолета. Теперь ему хотелось показать боль воздуха, разорванного пулей, — этот воздух хранил в себе дыхание Лермонтова, заставить вздрогнувшие когда-то от выстрела молчаливые горы стать свидетелями обвинения. Преступлением было вмешательство расчетливой силы в кровный союз поэта с природой, и — он хорошо понимал это теперь, — природа не могла быть фоном событий.

Любой набросок, сделанный на Кавказе,

пригодился ли он в композиционных поисках или нет, был не просто натурным документом, — был приобщением к последним дням жизни и смерти Лермонтова, и карандашу, послушному помощнику в работе мыслей, Иван Александрович доверил затем всю последующую работу, как будто боялся, что подготовка полотна и красок, а тем более материалов гравюры расхолодит и отвлечет. Рисунки, которые были по сути дела не изображением событий — переживанием их, художник уже не смог перевести в язык другой техники, боялся потерь, поэтому все композиции остались в карандаше. Можно было находить погрешности в рисунках, они были, но теперь зато рука усвоила: в этом случае природа — не экзотический фон для событий, она — активное действующее лицо.

Так, не случайно на поверхности стола, вокруг которого царит оживление заговорщиков, обсуждающих путь пули в сердце поэта, появляется деталь — белая тарелка со спелыми черешнями, нота жизни в злобной суете жестикулирующих рук; так, над спящим поэтом, точно волей его воображения вызванный, склоняется дуб, только крона этого огромного дерева («надо мной чтоб, вечно зеленея...») превращается, теперь уже по воле художника, в гроздь созвездий ночного неба.

Я смотрю на этот лист. Кажется, единственный из чермянинских рисунков он иллюстрирует произведение Лермонтова. Больше всего люблю у Лермонтова именно это — «Выхожу один я на дорогу». Для меня оно вечная загадка: в нем какое-то непостижимое равновесие чувств, так написать могла бы только сама Природа, бог гармонии, а написано человеком да еще каким — порывистым, горячим.

В рисунке Чермянина — одинокая маленькая фигура поэта удаляется от нас по бесконечной дороге в глубину пространства, дорога ведет к спящему под звездами, этот спящий — он сам. Круг замкнулся: человек идет к себе самому. Но безнадежности нет: ведь в себе-то и найдет он гармонию вселенной, в себе сумеет (как? — мы этого не знаем) примирить бунтующий маленький парус с бесстрастием космоса.

Может быть, я прощаю чермянинским рисункам погрешности за единственную правду. Это правда чувства художника, который верит, что звезды и поэт одинаково бессмертны.

Иван Александрович Чермянин — живописец. Как бы ни был он благодарен карандашу, его не покидает мысль написать портрет, в котором он сможет обобщить в едином образе автора «Мцыри», «Демона», «Героя нашего времени», «Думы».

...Свеча. Перо в руке. Ментик наброшен на плечи. За спиной — морозные узоры окна, крупные, похожие на узор крыльев. Есть что-то беспокоящее взгляд в худобе юношеских рук. Лоб прекрасной формы. Главное, конечно, глаза, только они одни выносят наружу тайные ритмы волнений, которые ожившее в руке перо превратит в строки... Картон готов. Следующий этап — полотно. Один за другим следуют варианты решений в цвете, но ни один не устраивает. Очевидно, есть какая-то находка в графическом изображении, которую он не может повторить в цвете: черно-белый

портрет более драматичен, в нем сильнее концентрируется отношение к Лермонтову. И, отказываясь от живописного решения, художник заключает картон в рамку портрета.

Прорываясь в каменное окно пещеры, пирая камень, солнечные лучи пульсирующим ореолом окружают голову поэта. «Пророк»... Иконописными тревожными глазами смотрит юноша поэт: «...провозглашать я стал любви и правды чистые ученья».

Столетие спустя откликнется другой певец: «Светить всегда, светить везде, до дней последних донца...»

Человек и природа

Анатолий Сосимович

САРЫ-ЧУМЫШ—БОБРОВАЯ РЕКА

Впервые о бобрах в нашей области да и, пожалуй, в Сибири я услышал почти два десятка лет назад от охотоведа Яшкинского района. Услышал и не поверил. Для этого у меня были достаточно веские основания. Дело в том, что, как свидетельствует Большая Советская Энциклопедия, к 1917 году бобр сохранился в пределах нашей страны только в Белоруссии и Смоленской области да в бассейнах Тетерева, Припяти и Уши на Украине. К этому можно было добавить несколько десятков семей, чудом уцелевших в Воронежской и Тюменской областях. Известна была и колония бобров в Туве.

В общем, к 1930 году количество бобров в Советском Союзе не превышало 800—900 голов. И хотя в стране проводилось немало важных мер для сохранения и размножения бобров, Кемеровской области в этом деле ни в историческом, ни в природном отношении предпочтение не могло быть отдано.

А тут — на тебе: бобры живут на речке Ростель, впадающей в верховья Яи!

В ответ на сомнения охотовед приводил «железные» аргументы: хочешь убедиться, что бобры живут на Ростели, — сходи туда. Мало этого — посмотри дома мою лайку, которой бобр, когда его выпускали из клетки, оттапал своими зубищами, острыми как бритва, переднюю правую ногу. Если и этого мало, то спроси пастухов из деревни Яя-Бобровка. Чувствуешь, какое место выбрали для расселения бобров! Пастухи тебе расскажут, как одну ду-

рашливую телушку, забредшую случайно в пруд, сделанный бобрами, чуть не до смерти напугали хозяева. Чем? Да хвостом. Они ведь так хлопают хвостом по воде, живописал охотовед, что гул по тайге идет. Бедная телушка теперь каждый раз подходит к воде и трясется как припадочная, а бобровую запруду обходит стороной версты за две.

К охотничьим побаскам районного охотоведа в Яшкино относились с большой долей здорового скептицизма, а потому и рассказ о расселении бобров на Ростели не имел у слушателей успеха. Но, бывая на осенней охоте в верховьях Яи, каждый из охотников-любителей присматривался: а вдруг и правда бобры есть. Но то ли потому, что их тогда никто там не расселял, а может быть, потому, что смотрели мы плохо, только таких счастливицев, которые бы сподобились лицезреть экзотического зверя, так и не оказалось. Правда, позднее стало известно, что действительно в Кузбасс завезли несколько десятков семей бобров и расселили в верховьях Яи, по речке Антибес в Мариинском районе и на реке Сары-Чумыш, что течет на самой южной границе нашей области с Алтайским краем.

В начале мая 1963 года с кинооператором Кемеровской студии телевидения Анатолием Кандинским, получив официальное разрешение областного управления охотничье-промыслового хозяйства, мы снимали телевизионный очерк об Антибесском государственном заказнике. Задача перед нами ставилась одна:

снять все живое, что обитает в этих благословенных местах. А обитают здесь и лоси, и рыси, и тетерева, и глухари, лисы и медведи, рябчики и гуси, и... В общем, как в Ноевом ковчеге — всякой твари по паре. В числе этих «тварей» назывался и бобр. Однако работники управления заранее предупреждали, что снять его на пленку будет очень трудно: зверь этот аккуратный и предельно осторожный.

Так оно и вышло. Вместе с егерем Иваном Лукичом Бесполитовым мы не один час просидели у бобровой запруды то ли на речке, то ли на болоте, которое носило странное название Камурла, и только один раз видели бобра. Он неожиданно вынырнул у противоположного берега пруда и поплыл прямо на нас. Кандинский лихорадочно стал ловить его в объектив камеры, но сделать так ничего и не успел: раздался знаменитый хлопок хвоста по воде, и бобр исчез. Специалисты утверждают, что этот хлопок — условный сигнал об опасности. Так это или нет, но сколько потом мы ни ждали — больше ни один бобр не появился. На киноплёнке остались запечатленными пруд, плотина, поваленные бобрами деревья, хатка, но ее хозяев — увы! — там не оказалось.

С того времени много воды утекло. Так много, что из редчайшего, исчезнувшего, казалось, навсегда, еще в XVIII веке представителя фауны Кузбасса бобр стал почти рядовым обитателем наших лесов. Настолько рядовым, что встреча с ним возможна не только в государственных заказниках, но и в охотничьих угодьях общего пользования. Например, на Чумыше и его притоках, начиная от Костенкова и до Бенжереп, такие встречи совсем не редкость, особенно весной. А ведь от Костенкова и до Сары-Чумыша — где сейчас создан государственный бобровый заказник — пятьдесят, а может быть, и побольше километров.

Бобр, как известно, ходок плохой, ему не под силу преодолеть крутые подъемы водоразделов между большими и малыми притоками Чумыша, а вот по воде он передвигается довольно успешно. Недаром в течение нескольких лет из Сары-Чумышского заказника, что на левом притоке Чумыша, он спустился в Чумыш, поднялся вверх по нему и теперь осваивает другие его притоки — речки Мосто-

вую, Очигус и многие до сих пор безымян- ные ручьи.

От Новокузнецка до Сары-Чумыша добрых девяносто километров. Дорога идет прямо на юг, почти по хребту Салаирского кряжа, который служит водоразделом между Чумышом и Кондомой.

Слева от дороги все ручьи и речки впадают в Кондому, а справа, за грядой холмов, в Чумыш. Левые, восточные склоны кряжа — высокие, обрывистые, ручьи и речки, впадающие в Кондому, — короткие и быстрые, а правые, западные склоны — пологие, сглаженные, постепенно переходящие в равнинную часть Алтая. И речки, стекающие с них, — более спокойные, степенные.

За Кузедеевом начинается длинный подъем на самую высокую точку водораздела в этом районе. Она находится неподалеку от деревни Бенжереп. Неоглядные дали открываются отсюда. Мягкими зелеными валами уходят на юг последние отроги Салаирского кряжа. Впадины между ними — многочисленные ручьи и речки, из которых главная — Сары-Чумыш. Она угадывается по более широкой долине, поросшей пихтой, осиной и березой, густо затянутой тальником, черемухой и другими видами деревьев и кустарников.

Взглянешь на северо-запад и запад — щетинятся островерхими пиками пихт и елей уходящие вдаль и затянутые синей дымкой горы. А внизу, поближе к вам, — широчайшая пойма Чумыша, который здесь, почти выравнившись из крепких объятий Салаирского кряжа и приняв в себя Сары-Чумыш с его притоками, разливается все шире, становится все спокойнее и солиднее, чтобы, резко повернув на запад, через несколько десятков километров выйти на равнины Алтая полноводной большой рекой.

Здесь невольно вспоминаются слова о том, что «живет бобр по их лесным рекам, с берегами, поросшими ивами, осинами, березами и другими мягкими лиственными породами, побегами которых питается большую часть года».

Ведь это как раз об этих местах сказано!

Тихие лесные реки — пожалуйста. Ивы и осины — сколько хотите. Травы по берегам рек и речушек — море. Видно, недаром свой хлеб с маслом едят специалисты областного управления охотничье-промыслового хозяйства: лучшего места для заказника, пожалуй, выбрать было невозможно.

Дом егеря Александра Александровича Ананина в деревне Сары-Чумыш знает каждый. Правда, Александровичем его пока не навеличивают: по деревенским меркам молод, чуть первую четверть века разменял, хотя уже давно женат, и сыновьям Андрюшке — пять лет, а Юрке уже целых три года. И сам он при знакомстве просит:

— Зовите просто Сашей.

Но молодость — доброй славе не помеха: уважают односельчане невысокого светловолосого, по-солдатски собранного и подтянутого егеря.

На глазах у деревни вся его жизнь: здесь родился, учился, здесь еще в детстве познакомился с нелегкой егерской службой.

Отец, Александр Андреевич, работал егерем и часто брал с собой в тайгу смышленного и выносливого сынишку. Тогда-то и родилась у него любовь к родным лесам, страсть к охоте и рыбалке, любовь и страсть не столько добычтика, сколько настоящего хозяина.

Приходилось ему и рябчиков стрелять, и лося выслеживать, и на медведя хаживать. Не каждый в его возрасте может похвастаться тем, что четырех косолапых уложил. Как не каждый может в восемнадцать лет вступить в поединок с браконьером, который намного старше и опаснее любого медведя. А он и на браконьера, как говорят в деревне, смело шел.

В Сары-Чумыше вспоминают, как несколько лет назад молодой кинемеханик (Саша до службы в армии работал в родной деревне кинемехаником), будучи нештатным инспектором рыбнадзора, схватился с двумя наглыми браконьерами. Те сетями перегородили Чумыш и на требование Ананина плыть к берегу и сдать снасти начали упражняться в «острословии», оскорбляя егеря, который был без лодки и, как полагали браконьеры, не мог

ничего сделать с ними. А когда увидели, что решительный инспектор бросился в воду и поплыл к ним, то стали угрожать ему тяжелыми веслами. Дескать, сунься — схлопочешь по «чайнику» и пойдешь на дно рыб кормить. Но не на того напали браконьеры: Ананин решительно выхватил из ножен охотничий нож и, подплыв поближе к их резиновой лодке, приказал:

— Правьте к берегу и не дурите! А то располосую ваш дредноут...

Браконьеры струсили и подчинились приказу инспектора. А на берегу их уже поджидали его помощники.

И когда три года назад был создан заказник, то ни у кого не было сомнения в том, кому стать егерем. Отцу уже было трудно справиться с хлопотными егерскими обязанностями: как-никак на седьмой десяток перевалило, подошло время уходить на заслуженный отдых, а лучше младшего Ананина никто в деревне не знал местных охотничьих угодий. К тому же — одно дело охранять обычные угодья, и совсем другое — взять под опеку бобровый заказник. Тут нужен был молодой, сильный, смелый, решительный и хорошо знающий тайгу человек. И его далеко искать было не нужно.

Большое хозяйство принял Ананин, трудное дело взвалил на свои плечи. Судите сами. Сегодня площадь заказника составляет 45 тысяч гектаров, или 450 квадратных километров. И не гладких и ровных степных километров, а прорезанных десятками рек и речушек, покрытых болотами долин и поросших таежным редколесьем отрогов гор. Если только по прямой — от деревни Сары-Чумыш до деревни Лыс — пройти заказник из конца в конец, то надо прошагать 75 километров. Зимой на лыжах это, вроде бы, и не такая уж трудная задача. А летом, когда поедом ест комар и мошка, жарит нещадно солнце? А весной и осенью, когда сверху льет, а внизу — раскисший снег или грязь по колено? И надо не просто пройти, а заглянуть к каждой бобровой семье — целая ли? По дороге надо поинтересоваться, не шалят ли любители незаконной

рыбалки или охоты, встретиться со своими добровольными помощниками в соседних деревнях, выслушать их. И к руководителям совхоза надо зайти: то кто-нибудь рассыплет в поле и оставит без присмотра удобрения, то ядохимикаты начнут применять там, где их и применять нельзя.

Что и говорить, хлопот и забот — хоть отбавляй. Но Ананин любит свою работу и может часами рассказывать не о ее трудностях, а о повадках бобров.

— Вы знаете, по-моему, бобр — самый умный и самый работающий зверь на земле. Разве только слон с ним сравниться может. Да и то едва ли. Бобр — строитель, а слон — тягловая сила, на большее у него ума не хватает.

Слушаешь его и веришь, что это именно так и никак иначе. А когда увидишь то, что делают бобры — все сомнения исчезают.

Действительно, бобр — зверь уникальный. Природа за миллионы лет так поработала над его совершенствованием, что диву даешься.

Бобр относится к грызунам крупным, приспособленным к полуводному образу жизни. Общая длина тела бобра достигает до 128 см, а весит он более 30 кг. Правда, наши бобры, а завезены они в 60-х годах из Белоруссии, помельче, чем знаменитый канадский бобр.

Бобр массивен, крепок (живет, по данным ученых, в неволе до 35 лет), может долгое время проводить под водой. Когда он ныряет, то ушные раковины складываются поперек и закрывают ушные отверстия, ноздри плотно зажимаются, а губы устроены так, что смыкаются позади резцов, плотно закрывая рот, это позволяет бобру грызть под водой.

А грызть ему приходится много: питается он летом травой и корой деревьев, а на зиму под водой делает большие запасы древесины. Обычно заготавливает на семью до 20 кубометров веток и обрубков деревьев. Может представить, сколько приходится работать его зубам! А кроме «заготовок» леса для ежедневного пропитания он валит деревья и кустарники для устройства запруд. При этом подгрызает деревья до одного метра диаметра.

Автору этих строк в верховьях реки Очигус, что неподалеку от деревни Апанас, по-

счастливилось наблюдать осенью прошлого года, как работает бобр-«дровосек». Выбравшись из воды и неуклюже проковыляв несколько метров по берегу, бобр подошел к довольно толстой осине, поднялся на задние перепончатые лапы, оперся на свой мощный плоский хвост, покрытый роговыми чешуйками, и приступил к работе. Вроде и не торопился он, но стружки (видимо, иначе эти отщепленные кусочки дерева не назовешь) так и летели. Как будто работала большая поперечная пила. Бобр время от времени менял положение, перемещаясь вокруг осины. В месте «распила» осина очень быстро утончалась, все более становясь похожей на соединенные вместе две половинки песочных часов, потом наклонилась и упала вершиной к пруду. Кстати, все поваленные деревья, а их было здесь не так уж мало, лежали вершинами к воде. И тут же бобр принялся разделять осину на короткие, равные по длине обрубки. Как он умудрялся делать их одинаковыми по размеру — ума не приложу, но свидетельствую: разница по длине не составляла и одного сантиметра. Жаль, что мое неосторожное движение спугнуло «дровосека», и он неуклюже, но очень проворно бросился к пруду и мгновенно исчез.

Бобр не только хороший «дровосек», но и изумительный «проектировщик и строитель». Селится он обычно в норах, если берега речек крутые, или в «хатках», которые представляют из себя кучи ветвей, ила и земли с несколькими внутренними камерами и подводными входами.

На Чумыше и Сары-Чумыше, на его левых притоках — Бенжерепе, Бахте — бобры живут в норах, а на Урлепе (тоже левый приток Сары-Чумыша), на Мунайке (правый приток) и на многочисленных лесных ручьях строят запруды и хатки.

Хатки достигают 2,5 метра высоты и 12 метров в основании и стоят на берегах прудов. Причем место для них хозяин выбирает так, что, будучи рядом с прудом, она никогда не будет затоплена, хотя и соединена с ним подводными ходами.

Удивительны плотины, которые делают бобры. Из веток, деревьев, земли и ила они

устраивают на малых речках плотины длиной до 600 метров и высотой до 4,5 метра. Перепад воды, если так можно выразиться, в нижнем и верхнем бьефе составляет, как правило, не менее метра, а бывает и намного больше.

Роят бобры и каналы, чтобы сплавлять обрубки деревьев к пруду и к норе. Ширина этих каналов обычно бывает до полуметра, а длина — до двухсот метров.

А какой бобр семьянин и аккуратный хозяин!

— Вы знаете, — рассказывает Ананин, — у бобров семья — как у людей, как большая и дружная семья в деревне. Отца и мать, нашедших друг друга, может разлучить только смерть одного из них. Как правило, в семье двое стариков, два-три, а иногда и четыре детеныша нынешнего года, да столько же прошлогодних. Правда, прошлогодние живут со стариками до августа, а потом семья делится. Вот только до сих пор не могу понять: кто уходит из старой хатки или норы. То ли старики, то ли молодые...

Александр замолкает, задумчиво смотрит в окно, а потом, лукаво улыбнувшись, добавляет:

— Думаю, уходят все-таки молодые. Как у людей...

И мать и отец — хорошие родители. Бобрята рождаются полужрычками, покрытыми густым пухом и весят от 380 до 600 граммов. Уже через два-три дня родители выводят их на воду: учат плавать, а потом — добывать себе корм.

Около бобровых хаток или нор не увидишь хлама, нечистот: хозяева этого не любят. Не случайно, видимо, обглоданные сучья, чурки деревьев они выталкивают по каналам в пруд или речку, а потом или используют для укрепления плотин или сплавляют вниз по реке.

А уж о «личной гигиене» бобры заботятся так, что любой чистюля позавидовать может. Кстати, природа снабдила бобра целым набором «косметических средств». Для вычесывания паразитов у него есть «расческа» — коготь второго пальца задних ног раздвоен так, что напоминает щипчики, которыми он умело пользуется. Чтобы драгоценный мех бобра, из-за которого так ценится этот зверь,

не намокал, у него есть две железы, выделяющие жировую эмульсию для смазывания волосяного покрова. Мех же состоит из блестящих грубых остевых волос и густой шелковистой подпуши, которая не намокает даже при длительном пребывании в воде. Но, как говорят, смазкой бобровую шубу не испортишь.

У бобра ценится не только его мех, окраска которого бывает от светло-каштановой до темно-бурой, почти черной, но и парная мускусная железа, выделяющая так называемую бобровую струю — резко пахучую жидкость, широко применяемую в медицинской и парфюмерной промышленности.

Последний учет, который провели в конце прошлого лета егерь А. А. Ананин и группа студентов естественно-географического факультета Новокузнецкого государственного педагогического института под руководством кандидата биологических наук Анатолия Никифоровича Пославского, показал, что в Сары-Чумышском заказнике по неполным данным сейчас обитает более 1200 бобров. Вспомните: во всей стране в 1930 году их было не более 900!

Значит, учитывая бобровые колонии в верховьях Яи и в Антибесском заказнике, можно заявить — реакклиматизация бобра, начатая в Кузбассе в начале 60-х годов, свершилась, что это одно из лучших достижений работников охотничье-промыслового хозяйства области в деле обогащения фауны нашего промышленного края. И конечно же, егеря Ананина и его многочисленных добровольных помощников. Ведь только за два года численность бобров выросла на 260 особей.

На зарплату же егерю и прочие расходы по содержанию заказника не ушло и трех тысяч рублей.

Это достижение по своему значению можно только сравнить с акклиматизацией американской норки и возрождением собольего промысла в таежных урочищах Кемеровской области. А, может быть, оно имеет и большее значение, так как бобр — более ценный пушной зверь.

Теперь бобра ежегодно отлавливают и расселяют по речкам области, и сам он, в поисках мест, расселяется все шире

Как уже говорилось, из Сары-Чумышского заказника бобры спустились вниз по Чумышу в пределы Алтайского края и, поднявшись вверх, начали освоение мелких притоков этой реки в районе деревень Апанас и Костенково. И это не может не радовать. Но реакклиматизация бобра в области и, в частности в Новокузнецком районе, породила и порождает целый ряд старых и новых проблем.

И главная из них — проблема охраны. Как бы ни был добросовестен и энергичен егерь Ананин, но одному ему не под силу охрана такого заказника, не говоря уже о том, что бобры, живущие за его пределами, оказываются и вовсе «бесхозными».

Справедливости ради следует сказать: за последние два года в районе заказника не зарегистрировано ни одной попытки добыть бобра. Активная совместная работа егеря, участкового инспектора милиции и инспектора ГАИ, других энтузиастов по предупреждению браконьерства сказывается. Но на долго ли это затишье?

И другой вопрос: кто возьмет под охрану бобров, живущих за пределами заказника? А что их надо брать под особую охрану — в этом нет никакого сомнения. В районе деревни Моствоя в прошлом году было найдено два погибших от огнестрельных ран бобра. А сколько их не найдено, сколько бобровых шкур унесено в рюкзаках браконьеров?

Думается, что необходимо усилить охрану Сары-Чумышского заказника, выделив ему дополнительные штаты, а также расширить его территорию. Очевидно, что нужен второй егерь в деревнях Лыс или Мунай, нужен как воздух, хотя бы мотоцикл для того, чтобы успеть вовремя объехать угодья. Одной лошади для этой цели явно недостаточно.

Как это ни парадоксально, но сегодня главными врагами родной природы, и заказников в особенности, являются соседние совхозы и лесники, туристы и просто отдыхающие горожане. Чтобы доказать этот тезис, сошлемся на пример того же Сары-Чумышского заказника.

Сколько раз вступал егерь в конфликт с руководителями совхоза «Партизан» по поводу бесхозяйственности, которую допускают его работники, когда подкармливают удобрениями

посевы или ведут их химическую прополку. Справедливости ради следует заметить, что у директора совхоза Александра Алексеевича Исаева Ананин всегда находит поддержку и помощь. Но ведь кроме Исаева есть еще и управляющие отделениями, и районные управления сельского хозяйства, бригадиры и рядовые рабочие совхоза, от которых тоже многое зависит. А разве лесники, которым, как говорят, по штату положено радеть не только о приумножении и сохранности флоры, но и фауны, лучше поступают? То начнут опыление лесов, даже не посоветовавшись с егерем и не подумав о том, что ядохимикаты могут повредить обитателям заказника, то разрешат порубку леса там, где нельзя ее разрешать.

Но эти случаи — полбеды. Беда в другом — в вольном выпасе скота почти на всей территории заказника. И дело тут вовсе не в злом умысле или непонимании важности охраны природы со стороны совхозных руководителей. Понимая, что такое заказник, они вынуждены закрывать глаза на то, что совхозные стада пасутся в угодьях, где расселены бобры: нужно же кормить скот. К тому же отношения между заказником и совхозом ничем и никем не регламентированы. А это дает право совхозу делать все, что вздумается. И его работники так и поступают: устроили пастбища в местах заповедных, несмотря на запрещающие плакаты, и хоть бы хны. От шума, толчеи стада в 150—200 голов крупного рогатого скота не то что бобр, но и неприязнательный бурундук сбежит, а уж после 3—4 дней пастбы на одном месте здесь трудно найти не только хорошую траву, но и целый талиновый куст: все смешано с навозом и землей. А таких стад в каждом совхозе более десятка. Нетрудно себе представить последствия такого «сожительства».

Следовательно, настала пора управлению охотничье-промысловому хозяйству вместе с управлениями сельского и лесного хозяйства облизполкома сесть за стол переговоров и выработать совместные меры, которые бы смогли наиболее полно учесть интересы промысловиков, животноводов и полеводов и лесников. Иного пути не дано. Тем более, что в заказнике кроме бобров сейчас обитают бо-

лее 200 лосей, пять семей медведей, есть косули, богат он пернатой дичью и пушным зверем. Даже маралы время от времени сюда заходят. Выходит, значение его для района и области большее, чем только служить местом, где плодятся и множатся бобры.

Может быть, стоит всерьез подумать управлению охотничье-промыслового хозяйства и Новокузнецкому райисполкому о создании заповедника?

Настала пора местным Советам навести порядок и в таком деле, как массовый туризм и загородный отдых трудящихся. Сейчас каждый отдыхает по своему разумению и там, где душа пожелает. А «душа» нынче вооружена, как правило, автомобилем или мотоциклом, а то и лодкой с мощным автомобильным двигателем, на которых можно забраться в самую глушь, не обращая внимания на запрещающие плакаты: «Остановись: здесь заказник! Разбивать палатки и разводить костры запрещено!» И забираются, и буквально оккупируют реки и речушки от истоков до устья, и жгут костры, и глушат все живое ревом моторов, транзисторов и магнитофонов, воплями под гитару, засоряют лес консервными банками, битым стеклом и обрывками бумаги. От такого соседства и зверь уходит, и птица улетает.

А почему бы, например, Новокузнецкому райисполкому, другим районным Советам области, даже тем, в которых нет заказников, своими решениями не определить четко зоны отдыха для трудящихся городов и места для палаточных лагерей туристов? И не только определить, но и добиться строгого и неукоснительного соблюдения этих решений с помощью активистов сельских Советов, дружинников, органов милиции.

Нельзя забывать, что сейчас, когда множество людей стремятся отдохнуть на лоне природы, вред неправильного их поведения достигает колоссальных размеров: беднеют флора и фауна, а восстановить их значительно труднее, чем уничтожить.

Так уж истари повелось, что сибиряк всю

жизнь воевал с суровой природой: отвоевывал пашню у тайги, охранял скотину от волков и медведей. С годами выработался у нас определенный стереотип в мышлении и поведении: природа наша неисчерпаема, она все вынесет. Но бурное промышленное развитие последних лет показало, что это сегодня уже устаревшее представление. И чтобы разрушить его, надо, если хотите, перевоспитать человека.

А много ли мы делаем для этого? Общества охраны природы во многих городах и районах существуют только на бумаге. Лекционная пропаганда затрагивает самые разнообразные проблемы, но проблемам охраны природы должного внимания общество «Знание» не уделяет. Мало что делается в этом направлении в школах, училищах профтехобразования, техникумах и вузах. Не потому ли многие молодые люди приходят в лес, на реку как потребители природных благ, а не как рачительные и заботливые хозяева, неустанные охранители природы?

За последние годы в области, как и во всей стране, немало сделано и сегодня делается для защиты природы, для воспроизводства ее флоры и фауны. И ярким примером этой работы может служить реакклиматизация в Кузбассе такого уникального зверя, как бобр, создание Сары-Чумышского бобрового заказника. Этот пример говорит о том, что многочисленные проблемы охраны и приумножения ресурсов животного и растительного мира, по существу, уже сейчас в наших руках.

♦ Но сегодня, в свете требований XXV съезда КПСС об усилении охраны природы и улучшении использования природных ресурсов, уже сделанное надо рассматривать только как начало большой работы. Потому что работа эта не должна быть ограничена никакими сроками, ни тем более географическими границами.

Она — на многие годы, она постоянна, она нуждается в совершенствовании и улучшении ежедневно, ежечасно.

г. Новокузнецк

Слово — критике

Игорь Ринк

ТРИ ВСТРЕЧИ

Вчитываться в ранние книги молодых поэтов всегда интересно. Радует, когда услышишь пусть еще не окрепший, но уже свой поэтический голос, почувствуешь свежую интонацию, откроешь для себя далеко не простой внутренний мир еще одного, а если очень повезет, так и сразу трех молодых современников.

Мне как раз повезло и поэтому в этой статье пойдет речь о первых книгах молодых или достаточно молодых поэтов: Николая Колмогорова, Сергея Донбая и Ивана Полунина, книгах, выпущенных в текущем году Кемеровским книжным издательством.

* * *

Книжка Николая Колмогорова «На земле светло», отредактированная и предваренная добрым напутствием моего коллеги Станислава Куняева, радует серьезностью и вдумчивостью. Открывая книжку, автор сразу предлагает читателю свой ритм жизни:

Вот на дыбы вздымается река,
и ржанье лошадей с обрыва...
Все правда. И почти сошли снега,
и надо жить, но жить — неторопливо.

Нам, жителям больших городов, остается лишь позавидовать тому, что в наш стремительный век где-то еще возможна такая неторопливая, почти патриархальная жизнь. Правда, через три страницы поэт отказывается от заданного им же самим ритма, рисуя куда более динамичную картинку современной жизни пригорода:

Там хлопает громко белье
и гроздь рубашек пузырятся.
Пусть оторопь душу берет —
свободы не надо пугаться.

Ведь в гулкой долине двора,
на улицах — толпы народа
шумят и пьянеют с утра
от синей реки кислорода.

Здесь уже и следа нет от тихой идиллии, предложенной вначале!

Внешними событиями сборник Николая Колмогорова небогат. Острый, внимательный взгляд поэта направлен на окружающие его леса, поля, травы, на едва заметные повороты людских судеб и на внутренние переживания лирического героя.

Вот характерный образец его стиха:

Только так же текут облака
над большой каланчею со шпилем,
и продутая будка ларька
пахнет старой афишей и пивом,
и каким-то забытым почти
девятнадцатым пыльным столетьем,
захолустьем полевой версты
и зеленым вагоном последним...

Точно расставленные детали не только создают картинку захолустного полустанка, но и обрисовывают его быт и судьбу.

Но неужели все так грустно и безнадежно, а все надежды уплыли в «зеленом вагоне последнем»? Нет, конечно.

Стихи Колмогорова, будь то пейзажные картинки родных мест или воспоминания о близких, или строки о любви, пронизаны добротой, любовью к Родине и людям, освещены какой-то только ему присущей тихой радостью бытия. Дело в том, что поэт не любит громких слов и заявлений, не пользуется разящими метафорами, и если перевести его стихи на язык художника, то выйдет не буйство масляных красок, а полутона акварели или, как справедливо заметил С. Куняев, четкость графики.

Поэту, как говорят, «дано» эмоционально и тонко чувствовать природу, поэтому «человек и природа» — одна из основных линий его сборника. Через любовь к природе и счастье общения с нею автор ведет читателя к осознанию любви к Родине и патриотизму.

И, в самом деле, с какой заразительной любовью написана вот эта, например, картинка конца лета:

Я видел: отлетает первый лист
от желтой кроны, сумраком тяжелой.
И потянулись стаи мокрых птиц
в тылы грозы, где шум прошел веселый.
Растрепанные кудри облаков
пронизаны живучими лучами.
И запах просыхающих стогов
уходит вверх, как теплый дух печали.

Автор пишет почти голым стихом, не заботясь о расцвечивании его метафорами и эпитетами, но ведь это и есть самое трудное в поэзии — писать простыми, обыденными словами и несомненно свидетельствует о своеобразии таланта поэта. В этой же манере написаны и многие другие стихи сборника, среди которых нельзя не отметить отличное стихотворение «Я снова нынче возвращаюсь», трепетно передающее внутреннее состояние героя, его радость встречи с природой.

Некоторые лихие критики подобную углубленность в природу, во внутренний мир героев рассматривают порой как недостаток. Но ведь это все равно, что считать главным достоинством оркестра громкость его игры, а ведь «громкость» таланта не всегда свидетельство его силы. К тому же любовь к природе это не только любовь к ее красотам, это еще и то, о чем пишет Колмогоров:

И опять я увижу течение дней,
красоту всей земли просторной,
где усталые люди везут с полей
урожая жар рукотворный...

За последние десятилетия мы читывали немало поэтических деклараций поэтов-селян, осевших в больших городах, о том, что они-де, мол, жить не могут без своих речек, березок и родных изб. На городской асфальт было пролито по этому поводу немало слез, однако сообщений о массовом переселении поэтов на село так и не поступило. А Николаю Колмогорову на этот счет беспокоиться не нужно: он пишет о том, где и чем живет. Лучшие стихи у него выходят там, где он пишет от первого лица, сам является участником событий. И, такого уж индивидуальная особенность его самовыражения, именно в таких стихах наиболее удачно проявляются его поэтические способности.

Однако неужели в сборнике «На земле светло» решительно все так благополучно? К сожалению, не все.

Возьмем хотя бы такое стихотворение:

Смотри! Леса оцепенели.
В них замер летний гул.
В березы — в белые свирели
мороз дохнул.

Смотри! На родине светанье.
Преобразился путь.
Душа впитала суть скитаний
и постоянства суть.

Во-первых, здесь какая-то странная расстановка знаков препинания «под Хемингуэя», во-вторых, «не живет» искусственно созданное специально для рифмы словечко «светанье», а в-третьих, все стихотворение ложно-многозначительно, концовка никак не вытекает из предыдущего. Не лучше этого и стихотворение «Красный забор и охра курчавых сосен». Не всегда оправдано смыслом и ритмическое своеволие автора («Воспоминание о детстве» и др.), порою бедноваты рифмы, иногда неточны ударения. Все это поправимо, так сказать, в рабочем порядке. А главное, что хочется пожелать Николаю Колмогорову, это расширять тематический круг своего творчества, районного городка своей поэзии. Пока что в стихах о Чукотке и в «Тютчеве» эти попытки еще робки и немногочисленны. У Колмогорова есть все данные для серьезного движения вперед.

* * *

«Прелесть смысла» — назвал свою книгу Сергей Донбай и, в самом деле, поэт, как и полагается в молодости, радуется прелести постижения смысла жизни и всего того, что она дает человеку: радости труда, встречам с людьми, событиям и воспоминаниям.

Поэт живет, во всяком случае в своих стихах, на зависть многим, жизнерадостно. Не удержусь от соблазна привести одно из начальных стихотворений сборника целиком:

Я дождик и снег в две горсти
Хожу собираю по городу,
Чтоб дождиком летним пройди!
Чтоб снегом ложиться на голову...

Мне ночь от звезды до зари,
Туманной, укутанной, утренней,
Чтоб руки и речи твои
Весь день вспоминать перепутанней.

Склонюсь поиграть с муравьем,
В руке золотая соломинка,
Чтоб было привычно потом
С детьми, наклоняясь, знакомиться.

А там уступлю на пути
Я жизнь мою внуку веселому —
Чтоб дождиком летним идти,
Чтоб снегом ложиться на голову...

В стихотворении такой заряд доброты и оптимизма, что забываешь даже разгадать грамматический ребус, предложенный автором во второй строфе (вероятно, там надо поменять местами «мне» и «чтоб»).

Сергей Донбай жадно ищет новых впечатлений, поэтому его книжка, небольшая по объему, тематически довольно разнообразна. В ней стихи о любви и природе, поэтические портреты, строки о строителях и поездке в Болгарию и, наконец, реминисценции войны. И все это автор пытается осмыслить поэтически и философски.

Вот в поле его зрения — ветераны, что по старым шрамам «запросто предсказывают дождь». Но у молодого героя свой резон:

Опыт мой неполным был доселе,
Но теперь и мы не абы как,
Плачет мой сыночек в колыбели —
Тоже к перемене в облаках...

Казалось бы, так на полусутильной интонации и закончатся стихи, но поэт ведет нас дальше от мимоветной шутки к мысли вполне серьезной:

И должно случиться это с нами:
Наболит, накопится в груди,
Чтобы нам предсказывать стихами,
Что же там таится впереди.

Это уже всерьез о себе и своем понимании миссии поэта на земле.

Особенно ревнивы бывшие участники войны, а в их числе и автор этой статьи, к посвященным войне стихам поэтов послевоенных поколений. У Донбая в «Братских могилах» хорошо сказано: «А война все дальше, все видней». И это не голословно. Поэт подтверждает свое право на эту высокую тему и в «Кадрах хроники». На маленький вокзал поезд привез вернувшихся с войны солдат-победителей. Картина встречи с улыбками, криками радости и слезами. Но в концовке есть одна деталь, которую мог разглядеть лишь настоящий поэт:

Но по перрону, как ранена,
Среди платков и пилоток
Мечется кинокамера,
Мечется, ищет кого-то...

Этот образ мечущейся кинокамеры написан памятью сердца...

Сергей Донбай по природе лирик, несомненно одаренный и отмеченный «лица необщим выраженьем» (кстати, почти дословное повторе-

ние этого образа из Баратынского на стр. 26 не украшает книгу). В его стихах ясно прочитывается жизнь современного молодого героя. Поэт удачно чувствует композицию, нередко завершая стихи афористическими концовками.

Вот один из таких примеров, о природе:

Как природа не устает
Все за нами успеть поправлять?
Недоспит, недоест, недопьет —
Утром ласковая опять!

А вот — о расставании героя с любимой:

Нас время отдельно и точно состарит.
Те дни не сбьются и не сбудутся вновь!
Но кто-то из нас обязательно станет
Считать их за главную в жизни любовь.

Четкость завершения не только «дисциплинирует» стихи, но и делает их запоминаемыми, поэтому из книжки Донбая читатель запомнит немало строк.

Было бы несправедливо, говоря о книге «Прелесть смысла», не упомянуть и о стихах иного плана, которые я условно назвал стихотворными портретами, это — «Электросварщик», «Архитектор», «Песня о счастье», «Поэт», «Стихи о новом жилом районе в городе Кемерове» и некоторые другие, посвященные труду или итогам труда людей различных профессий. И здесь поэт находит свежие, запоминающиеся образы:

К чужому труду вдруг почувствую зависть.
Вот электросварщик поджиг электрод —
Мне кажется: это непуганый анис
На кончике клюва комету несет.

Или концовка того же стихотворения:

И серая кепка, как будто позвали,
Торчит, оглянувшись назад козырьком!

Или в «Песне о счастье» певица поет о счастье, а в финале происходит вот такой поворот:

Что же ты сразу погасла
Вслед за струной?
Словно припомнив, что счастье
Не повстречалось самой.

В общем-то это вечная тема Арлекина, несчастного человека, несущего веселье и счастье другим, но здесь все же сказано по-своему.

Размышлений о труде и творчестве немало и в других стихах сборника, чувствуется, что они всерьез волнуют автора и предстанут перед читателем еще не раз на страницах будущих книг.

Но поиски «своего» голоса не обходятся без издержек и порой приводят поэта в объятия знакомых уже интонаций. Так стихотворение

«Мне весело живется» очень уж созвучно известному романсу о мудром волшебнике Мерлине, особенно вторая и последняя строфы: «глазами и плечами хохочет вся она», а в романсе «А девушка смеялась, промокнув до колен» и в последней строфе — «И женщина смеялась и дерево росло!» — «А девушка смеется, как триста лет назад». Дело не в сходстве строк, вернее, не столько в нем, сколько в копировании интонаций, ведь оба произведения говорят об одном и том же — о неодолимой силе любви и молодости.

В концовке другого стихотворения —

Я о тебе ни строчки не пишу,
Не дай же бог мне написать потом! —

возникает интонационная полемика с самим А. С. Пушкиным:

Как дай вам бог любимой быть другим.

Только общепризнанность и широкая известность этих стихов Пушкина дает ему, кажется, возможность стать победителем в этом споре.

Не всегда внимателен С. Донбай и к звучанию своих стихов. Портит хороший стих неудачно выбранное сочетание — «возвратившись с звезды», которое, к тому же, без труда заменяется — «возвратясь со звезды». Еще одно подобное созвучие «наш шар земной» так нравится автору, что он повторяет его дважды — на стр. 21 и 39 — за что же так шинить на нашу бедную планету?

И, наконец, в стихотворении, которое мы приводим полностью, получился эффект, неожиданный, по-моему, даже для автора. Итак, Сергей Донбай уже поставил сам себе памятник! Не верите? Тогда читайте —

И когда у врагов не останется злости,
И когда свою нежность друзья истребят,
Я пойму, что во мне отражаются звезды
И что птицы на мне, не пугаясь, сидят...

Так и видится — бронзовый монумент, в котором отражаются звезды, а на плечах щебечут птички и весь он уже по иную сторону Добра и Зла. Разрешите полюбопытствовать, когда открытие? Но в общем-то недостаток такого рода нельзя, конечно, принимать всерьез, они возникают у молодых поэтов, находящихся в поисках своих ритмов и интонаций, своей темы и поэзии, когда к ним не пришла еще уверенная хватка мастеров. С. Донбай ищет больше своих товарищей, поэтому и подсчетов у него больше, чем у них. Но все эти огрехи в его стихах надо рассматривать, как болезнь роста, и они, разумеется, не могут изменить доброго впечатления о книге «Пре-

лесть смысла», заслонить все то хорошее о чем говорилось выше.

Сергей Донбай — способный поэт с заметной перспективой роста. Не сомневаюсь, что мы с ним еще встретимся!

* * *

Задумчиво глядя на шумную игру мальчишек, Иван Полунин с грустью вспоминает:

А мне?
Лишь стоит вдаль взглянуться,
Увижу бурые дворы...
В мое обрубленное детство
Война входила.
Без игры.

Этим он точно определяет свое место в ряду поколений. Он не меньше воевавших имеет право сказать о себе: «А я былым настолько болен, что до сих пор неизлечим». Поэтому и воспоминания о войне у Полунина чаще и больше, чем у его товарищей, это и в «Балладе о связисте», и в «Памятном», и во многих других стихах, а отдельные детали военного детства возникают на протяжении всей книги. А еще от войны и службы в армии остался у поэта солдатский характер, в котором жесткость и целеустремленность соседствуют с добротой и человечностью.

Книгу свою Полунин назвал «Февральская свирель», желая тем увековечить месяц и даже день (ну, как же — тринадцатое число) своего рождения:

И надо же
В злосчастный миг родиться,
С причудами шального февраля!
Пока ловил я в небе
Журавля —
Из рук успела выпорхнуть
Синица...

И это, пожалуй, единственное место в книге, где поэт сетует на фатальное невезение в собственной судьбе, да и это сказано отнюдь не всерьез. А если уж говорить серьезно, то весь сборник Полунина от начала до конца посвящен мужественному герою, идее преодоления им жизненных трудностей судьбы, что сложилась не так, как хотелось. В стихотворении «Высокое напряжение» поэт говорит:

Боль и радость пропущу по нервам,
Точно ток по гулким проводам.

И это высокое напряжение стиха проходит через весь сборник, став напряженной нервностью лирики Полунина. Но его герой не из тех, кто ломается в тяжких испытаниях под молотом судьбы. Об этом определенно заявляет он сам:

Благодарен счастливой минуте
Вот за этот осмысленный путь,
И хотя небосвод неуютен,
Я скинуть не намерен,
Ничуть.

Да, герой книги прежде всего мужественный человек, не признающий компромиссов с людьми и совестью. Его помыслы нацелены лишь на то, чтобы, преодолевая трудности, «дробить окаменелые пласты» и стать в конце концов полновластным хозяином собственной судьбы. Поэтому тема «преодоления» видится мне как основная в книге. И в трудовом порыве и в размышлениях о жизни, природе и любви неизменно выступает цельность характера героя, человека, которому можно верить.

Глядя на осенние «огненные» деревья, поэт размышляет о неизбежном исходе судеб этих пожухлых листьев «терять с былым взаимосвязь»:

Знать, к доброте навек причастен,
И до конца осознаю:
Как цепко держится
В ненастье
Любой листок за ветвь свою!

Находка здесь вроде не бог весть какая, но она важна для понимания характера и эволюции героя, его романтической сущности. Автор предисловия Сергей Макаров прав: герой Ивана Полунина действительно романтичен, но эта романтика не Джеклондоновского толка. Это романтика нашего молодого современника, и в ней при любых условиях прежде всего проявляются черты советского человека и нашего образа жизни, полярные героям Джека Лондона, — коллективизм, доброта, презрение к вещизму и труд ради счастья людей.

Духовный облик молодого героя нам раскрывают стихи «Перед вами приоткрою дверь», «У детства ни стен, ни заборов», «Вера», «Воробей, замерзший на лету», «Вдали от нивы» и другие, и в каждом из них возникает та или иная черточка души героя, — его доброе свойство вовремя приходить на помощь или способность «за победу завтрашнего дня с подлецами драться до увечья». А вот взволнованный «Монолог строителя», где герой, завершив стройку дома, заинтересованно беседует с воображаемым будущим жильцом. И ему далеко не безразлично, как, а главное, чем будет жить этот человек в комнате, куда он, герой, являлся «до восхода праздничной зари, в эти метры вкладывая нервы».

И поэт с благодарностью вспоминает о той трудовой закалке, которую прошел еще в юности:

И не вправде,
Как воин бывалый,

Оставлять без боев рубежи:
Я на жатве мужал,
У штурвала,
От усталости веки смежив.

Не все на этой дороге преодоления было гладко, вторгалась в сердце боль, вспыхивало неверие в собственные силы, терзала душу оторванность от родных мест и людей, но победило, — а это и есть самое главное — именно то, что герой впитал в себя с юности, воспитываясь среди людей труда. И поэт говорит:

Так могу ли не думать о прежнем —
О земле,
Где пожухла стерня,
Если крепким
И правильным стержнем
Одарила деревня меня?

На этом можно было бы и завершить рассмотрение «Февральской свирели», но все же здесь есть повод упрекнуть автора в чрезмерной скованности и творческой робости, что выражается в выборе слишком узкого круга тем и в боязни говорить «во весь голос». Есть всего лишь два-три места в сборнике, где мы можем предположить, что слышим голос поэта в полную силу.

Хочется верить, что теперь, когда первый шаг сделан — вышла первая книжка и получены добрые оценки, у Ивана Полунина появятся новые стимулы для дальнейшей работы в поэзии.

* * *

Моя встреча с первыми книгами трех кеме-ровских поэтов оказалась интересной. Молодые поэты пишут на добротном литературном уровне, каждый из них индивидуален и узнаваем.

Не думаю, что здесь в статье есть надобность устанавливать некий олимпийского типа пьедестал и расставлять на нем поэтов в том или ином порядке. Пусть это сделает жизнь!

А я в заключение статьи хочу лишь напомнить всем трем моим новым друзьям о том, что в их стихах почти нет гражданской и публицистической тематики. Не видно у них и попыток заглянуть творчески за пределы родного района или области, два-три исключения из этого — лишь эпизоды.

Но ведь поэзия — общенациональна, а у нас в стране еще и общесоюзна. Было бы грустно, если бы Есенин писал только о Рязанщине, Твардовский — исключительно о Смоленщине, а, скажем, Расул Гамзатов — лишь о своем ауле в Дагестане. Большая советская поэзия была бы этим заметно обеднена.

Молодым поэтам надо дерзать, браться за большие темы, не забывая при этом и своих родных мест.

Все это сказано в надежде увидеть грядущие книги поэтов, о которых шла речь, еще более интересными и разнообразными по темам.

Что же касается уже вышедших сборников, то выпуск их в свет можно рассматривать как один из добрых шагов по пути выполнения решения ЦК КПСС о работе с творческой молодежью.

Теперь хорошо бы найти способы продолже-

ния этой работы. Может быть, создать постоянно действующий семинар или взять на вооружение систему наставничества, прикрепив молодых поэтов к старшим товарищам (при этом следует, разумеется, принять во внимание и творческие симпатии сторон).

А теперь остается пожелать Николаю Колмогорову, Сергею Донбаю и Ивану Полунину новых книг и новых достижений на трудной дороге поэзии!

г. Москва.

НАВСЕГДА В СЕРДЦЕ

Среди книг, изданных в год 60-летия Великого Октября, интересна монография Александра Посадского «Сибирская книга и революция» (1917—1918 гг.), вышедшая в издательстве «Наука». Она впервые наиболее полно представляет проблемные вопросы истории организации сибирского книжного дела в 1917—1918 годах. А также дает историкокниговедческий анализ сибирского книжного репертуара, рассматривает пути книги к читателю. В монографии есть страницы, которые рассказывают о зарождении революционной литературы и у нас, в Кузбассе, об участии коммунистов нашего края в создании книг, брошюр и листовок. Так, активный партийный агитатор и организатор горнорабочих Кузбасса М. Рабинович был основателем журнала «Сибирский горнорабочий», а первая рабочая библиотека с помощью известного по произведениям А. М. Горького А. С. Деренкова начала работать в Анжеро-Судженске уже в 1917 году.

Другой примечательной особенностью юбилейного в истории нашей Родины 1977 года в книжном мире является издание трехтомника художественно-документальных рассказов: «Рассказы о партии», вышедшего в издательстве политической литературы. В больших и славных делах нашей партии, о которых повествует трехтомник, нашлось место и нашим землякам. «Огнестойкость», — так назвал свой рассказ о боевых подвигах защитников Сталинграда известный писатель Иван Падерин. «...Именно коммунисты были душой и сердцем боевых подразделений. Это люди поистине огнестойкого характера и безаветной

преданности своему социалистическому Отечеству», — записано в предисловии ко второму тому. Кто же они, эти люди? Рядовой артиллерист-наблюдатель Иннокентий Сильченко, родом из села Тисуль Кемеровской области. Односельчанин Сильченко Иван Умнуков, работавший до ухода на фронт инструктором райкома партии, младший лейтенант оружейник Георгий Кузнецов. Вместе с ними прошел войну автор рассказа Иван Падерин, родившийся в семье рабочего на прииске Богославка Кемеровской области.

Заключительные строки рассказа «Огнестойкость» посвящены встрече боевых друзей через 30 лет.

В Западно-Сибирском книжном издательстве вышла книга повестей Василия Коньякова. Первая повесть писателя — «Цвет солнечных бликов» — была издана в 1961 году. Вторая — «Не прячьте скрипки в футляры» — в 1964-м. Эта повесть — память о военной поре. Книга как бы прокладывает мостик к третьему из произведений — «Снегири горят на снегу» (1967). Заключает книгу повесть «Далекие ветры».

Каждое из этих произведений писателя, как правило, несет в себе такое, что остается навсегда в душе читателя, смыкаясь с его жизненным опытом.

Читатели знают творчество сибирского поэта-песенника Василия Пухначева. Новая книга поэта, вышедшая в библиотеке сибирской поэзии, — еще одна добрая и запоминающаяся встреча.

В. ТКАЧЕНКО

Из старых публикаций

Михаил Зощенко

КРЕСТЬЯНСКИЙ САМОРОДОК

Фамилию этого самородка и крестьянского поэта я в точности не запомнил. Кажется — Овчинников. А имя у него было простое — Иван Филиппович.

Приходил Иван Филиппович ко мне три раза в неделю. Потом стал ходить ежедневно.

Дела у него были ко мне несложные. Он тихим, как у таракана, голосом читал свои крестьянские стихи и просил, по возможности скорей, пристроить их по знакомству в какой-нибудь журнал или в газетку.

— Хотя бы одну шутовину напечатали, — говорил Иван Филиппович. — Охота посмотреть, как это глядит в печати.

Иногда Иван Филиппович присаживался на кровати и говорил, вздыхая: — К поэзии, уважаемый товарищ, я имею склонность, прямо скажу, сиздетства. Сиздетства чувствую красоту и природу... Бывало, другие ребята хочут или рыбку удят, или в пяточок играют, а я увижу, например, бычка или тучку и переживаю... Очень я эту красоту сильно понимал. Тучку понимал, ветерок, бычка... Это все я, уважаемый товарищ, сильно понимал.

Несмотря на понимание бычков и тучек, стихи у Ивана Филипповича были весьма плохие. Надо бы хуже, да не бывает. Единственно подкупало в них полное отсутствие всяких рифм.

— С рифмами я стихотворения не пишу,— признавался Иван Филиппович.— Потому с рифмами с этими одна путаница выходит. И пишется меньше. А плата все равно — один черт, что с рифмой, что без рифмы.

Первое время я честно ходил по редакциям и предлагал стишки, но после и ходить бросил — не брали.

Иван Филиппович приходил ко мне рано утром, садился на кровать и спрашивал:

— Ну, как? Не берут?

— Не берут, Иван Филиппович.

— Чего же они говорят? Может, они, как бы сказать, в происхождении моем сомневаются. То пускай не сомневаются — чистый крестьянин. Можете редакторам так и сказать: от сохи, дескать. Потому кругом крестьянин. И дед крестьянин, и отец, и которые прадеды были — все насквозь крестьяне. И женились Овчинниковы завсегда на крестьянках. Ей-богу. Бывало, даже смех вокруг стоит. — «Да чего, вы, говорят, Овчинниковы, все на крестьянках женитесь? Женитесь, говорят, на других...» — «Нет, говорим, знаем, что делаем». Ей-богу, уважаемый товарищ. Пускай не сомневаются...

— Да не в том дело, Иван Филиппович. Так не берут. Не созвучно, говорят, эпохе.

— Ну, это уж они тово,— возмущался Иван Филиппович.— Это-то не созвучные стихотворения? Ну, это они обьелись... Как это не созвучные, раз я сыздетства природу чувствовал? И тучку понимал, бычка. За что же, уважаемый товарищ, не берут-то? Пускай скажут. Нельзя же голословно оскорблять личности! Пускай хоть одну штуковину возьмут.

Натиск поэта я стойко выдерживал два месяца.

Два месяца я, нервный и больной человек, стравленный газами в германскую войну, терпел нашествия Ивана Филипповича из уважения к его происхождению. Но через два месяца я стал сдавать.

И, наконец, когда Иван Филиппович принес мне большую поэму, или балладу, черт ее разберет, я окончательно сдал.

— Ага,— сказал я,— поэмку принесли?

— Поэмку принес,— добродушно подтвердил Иван Филиппович,— очень сильная поэмка вышла... Два дня писал... Как прорвало. Удержу нет...

— С чего бы это?

— Да уж не знаю, уважаемый товарищ. Творчество нашло. Пишешь и пишешь. Руку будто кто водит за локоть. Вдохновение...

— Вдохновение! — сказал я.— Стишки пишешь... Работать нужно, товарищ, вот что! Дать бы тебе камни на солнце пекле колоть, небось бы...

Иван Филиппович оживился и просиял:

— Дайте, — сказал он. — Если есть, дайте. Прошу и умоляю. Потому до крайности дошло. Второй год без работы пухну. Хоть бы какую работешку найти...

— То есть как? — удивился я. — А поэзия?

— Какая поэзия, — сказал Иван Филиппович тараканьим голосом. — Жрать надо... Поэзия! Не только поэзия, я, уважаемый товарищ, черт знает на что могу пойти. Поэзия...

Иван Филиппович решительным тоном занял у меня трешку и ушел.

А через неделю я устроил Ивана Филипповича курьером в одну из редакций. Стишки он писать бросил.

Нынче, хотя безработицы нету, ходит ко мне бывший делопроизводитель табачной фабрики — поэт от станка. Он откровенно говорит: «Хочу, знаете, к своему скромному канцелярскому заработку немножко подработать на этой самой поэзии».

1924 год.

Наши авторы

СЕРОВ Владимир Данилович родился в 1940 году в г. Прокопьевске. Работает инженером сектора рекламы и пропаганды ПТБ. Публиковался в периодической печати. Живет в городе Кемерове.

АГАФОНОВ Игорь Васильевич родился в 1940 году в г. Новосибирске. Работает зав. сектором Новокузнецкого отделения «Уралниистромпоекта». Публиковался в периодической печати.

КОВШОВ Валерий Васильевич родился в 1948 г. в д. Красный Ключ Кемеровской области. Живет в родной деревне.

ПЬАНКОВА Валентина Владимировна родилась в г. Владимире. Окончила Новокузнецкий педагогический институт. Работает в редакции новокузнецкой газеты «Кузнецкий рабочий». Публиковалась в периодической печати.

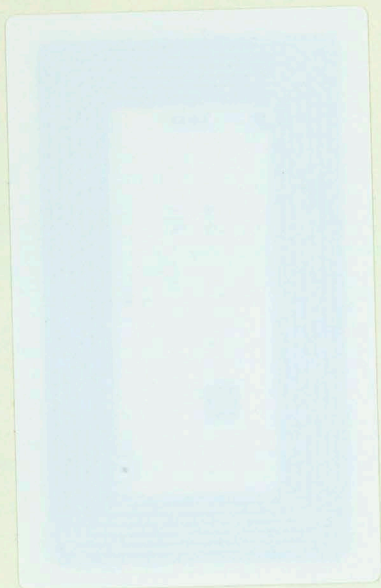
СКОРИК Любовь Трофимовна родилась в г. Днепродзержинске. Окончила Томский государственный университет. Работает редактором областного радио.

МЕКШЕН Светлана Васильевна. Окончила Литературный институт имени М. Горького. Автор нескольких поэтических сборников. Член Союза писателей. Живет в г. Липецке.

ШАТСКАЯ Таясия Алексеевна. Окончила Свердловский государственный университет. Работает в редакции газеты «Кузбасс». Член Союза журналистов.

СОСИМОВИЧ Анатолий Никифорович родился в 1931 г. Окончил Кемеровский педагогический институт. Редактор новокузнецкой городской газеты «Кузнецкий рабочий». Автор ряда очерков о природе.

РИНК Игорь Августович. Участник Великой Отечественной войны. Автор нескольких поэтических книг. Член Союза писателей. Живет в Москве.

50 коп.

КЕМЕРОВО 1978